

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ»

На правах рукописи

МИНАКОВ ИЛЬЯ ПАВЛОВИЧ

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ КАК ДЕТЕРМИНАНТА
ДУХОВНОГО ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ**

Специальность 5.7.7. Социальная и политическая философия

Диссертация на соискание учёной степени

кандидата философских наук

Научный руководитель:

доктор философских наук, профессор

Рахматуллина Зугура Ягануровна

УФА-2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ»	11
1.1. Социокультурная память как предмет социально-философского исследования.....	11
1.2. Функции, структура социокультурной памяти. Институты социокультурной памяти	44
ГЛАВА 2. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ КАК ДЕТЕРМИНАНТА СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ.....	69
2.1 Особенности социокультурной памяти и её влияние на процесс духовного формирования личности.....	69
2.2. Социокультурная память в контексте социальной ситуации современной России.....	106
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	137
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРА	141

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что социокультурная память, выступая мощнейшим фактором влияния на общественное сознание, сегодня является существенным источником духовного формирования личности. Социокультурная память выполняет целый ряд мировоззренческих функций, обосновывает культурную преемственность, сохраняя и передавая новым поколениям социальные ценности и образ жизни.

В России присутствует мировоззренчески-ценностная неоднозначность социокультурной памяти в восприятии разных социальных групп и личностей, имеющих свои цели и интересы («западники» и «славянофилы», «красные» и «белые», «либералы» и «консерваторы», «атеисты» и «верующие» и т.д.), что делает её противоречивой и свидетельствует об определённом дезинтегрирующем потенциале. В ходе исторического развития России, когда социокультурная преемственность неоднократно подвергалась разрыву и происходило изменение форм социальности, менялась социальная и политическая ситуация.

Актуальность темы исследования связана с тем, что происходящие в современном обществе изменения обусловлены процессами глобализации, разрушением традиционных духовных ценностей, унификации и стандартизации многих принципов жизни. Эти изменения воздействуют не только на общественное сознание, но и на сознание и поведение индивида, который вынужден соответствовать постоянно изменяющимся требованиям социальной среды. Вследствие данного процесса происходит трансформация ценностных ориентиров, которая ведёт не к развитию, а зачастую к духовному упадку общества и отдельной личности. Ответом на это являются усиление антиглобалистского движения, попытки правительств и заинтересованной общественности большинства незападных стран предпринять действия по сохранению государственного суверенитета и защите традиционных ценностей и национально-культурной идентичности от западной унификации.

Социальная ситуация в современной России выдвигает на передний план

проблему духовности личности, осознающей свои возможности и ответственность на фоне ценностных трансформаций, новых исторических и социокультурных вызовов глобализации. Процесс воздействия социокультурной памяти на духовное формирование личности в целом противоречив. Противоречия нашли свое отражение и в особенностях процесса модернизации российского общества. Но особенно важно для современного многонационального российского общества то, что сохранение духовного наследия прошлого способствует формированию социальной и культурной интеграции.

Степень научной разработанности проблемы. Проблема памяти социальных групп и обществ привлекает в настоящее время значительное внимание отечественных и зарубежных специалистов в области философии, социологии, культурологии и др. Её разработка ведется в ракурсе интердисциплинарного направления *memory studies*, способствующего обогащению философского видения этого сюжета. Авторы используют разные термины: «культурная память», «коллективная память», «надындивидуальная память», «социальная память», «историческая память», «публичная память», «нравственная память», «народная память», в каждый из которых они вкладывают свой смысл. В философской литературе до сих пор не разработано единое понятие, которое отражает одновременно феномен памяти и культуру различных социальных групп и общества в целом, а также их актуализированный общий духовный опыт. Остаются неразработанными и особенности функционирования социокультурной памяти. В их число входит и значение социокультурной памяти в духовном формировании личности.

Вместе с тем феномен памяти исследовался многими зарубежными и отечественными мыслителями прошлого и настоящего. Подходы к изучению этой проблемы наметились уже у философов Платона [150], Аристотеля [5], А. Августина [22], Ф. Бэкона [34], Дж. Локка [109].

Осмысление концепций индивидуальной и коллективной памяти стало одной из главных проблем гуманитарных наук за рубежом в конце XIX века, всего XX века и в текущем столетии. Начало было положено в работах

Э. Дюркгейма [68] о «коллективных представлениях» общего для социальной группы прошлого. В дальнейшем М. Хальбвакс [214], А. Варбург [262], В. Беньямин [17], П. Нора [138], П. Бергер и Т. Лукман [18], Я. Ассман [9], А. Ассман [8], П. Рикёр [164] разрабатывали разные аспекты концепции надындивидуальной памяти различных социальных групп. Современное представление о социальной памяти, прежде всего, основывается на концептуальных позициях французского социолога М. Хальбвакса, отстаивавшего вслед за Э. Дюркгеймом идею социальной обусловленности памяти.

В свою очередь общим проблемам влияния культуры и общества на личность посвятили свои работы К. Маркс [123], Т. Парсонс [145], Э. Гидденс [53], А. Турен [197], Н. Луман [116], П. Бурдьё [31], П. Штомпка [231], З. Бауман [12], Э. Фромм [211], Б. Андерсон [3].

В отечественных социогуманитарных науках накоплен определённый опыт исследования близких к понятию «социокультурная память» видов памяти, в том числе индивидуальной памяти, коллективной памяти, социальной памяти, культурной памяти и нравственной памяти. В этом направлении, прежде всего, следует отметить работы Ю. М. Лотмана [110], С. А. Храпова [219], К. П. Шевцова [227], А. Г. Васильева [37], М. Л. Шуб [233], В. А. Лекторского [103], И. Т. Касавина [84], Л. А. Ширяева [229], Е. В. Грязновой [58], В. В. Красных [96], Д. Г. Давлетшиной [60], З. Р. Валиуллиной и Л. Р. Хасановой [36].

Понятие «социокультурная память» было определено и исследовано лишь С. П. Калитой [81], но не в философском и социологическом, а лишь в культурологическом аспекте.

Социальной ситуации в современной России посвящены работы таких авторов, как Н. И. Лапина [99], Ж. Т. Тощенко и С. В. Харченко [195], А. С. Панарина [143], В. А. Кутырёва [98], А. В. Перцева [147], А. И. Олейника [140], Л. М. Дробижевой [55].

Разработкой проблем социокультурной динамики занимались исследователи прошлого и современности П. А. Сорокин [180], П. С. Гуревич [59], В. Е. Кемеров

и Т. Х. Керимов [181], А. П. Булкин [30], А. В. Соколов [177], Е. Ю. Рудкевич [168], К. В. Храмова [218].

Изучением типологий обществ занимались М. Маклюэн [256], Л. Морган [133], Д. Белл [14], Ф. Фукуяма [212], А. Тоффлер [193], Ф. Махлуп [125] и Т. Умесао [261]. В рамках цивилизационного подхода было разработано множество теорий, среди них преобладают циклические теории Н. Я. Данилевского [61], О. Шпенглера [230], А. Тойнби [191]. В развитие циклической теории большой вклад внесла школа «Анналов» М. Блок [23], Л. Февр [203], Ф. Бродель [28].

Необходимо отметить труды ученых, разрабатывавших и разрабатывающих как общефилософские, так и социально-философские аспекты духовного формирования личности и общества: Р. Л. Лившица [106], С. Н. Комиссарова [89], А. В. Лукьянова [113], Е. Ю. Бикметова [21], М. А. Пушкарёвой [156], С. Б. Токаревой [192], О. Н. Полухина [153], В. А. Жилиной [70], А. В. Разина [157], В. Г. Федотовой [205], З. Я. Рахматуллиной [159], А. Я. Зарипова и Ф. С. Файзуллина [71], Г. Г. Салихова [170], С. М. Поздязевой [152], Л. А. Иткуловой [78].

Объект исследования – факторы и особенности духовного формирования личности.

Предмет исследования – социокультурная память как важнейшая детерминанта духовного формирования личности.

Цель работы заключается в анализе социокультурной памяти как детерминанты духовного формирования личности.

С учетом поставленной цели решались следующие **задачи**:

- 1) обосновать «социокультурную память» как предмет социально-философского исследования;
- 2) выявить характеристики социокультурной памяти, её функции, структуру и институты;
- 3) исследовать особенности социокультурной памяти как детерминанты духовного формирования личности;
- 4) рассмотреть социокультурную память в аспекте социальной ситуации

современной России.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что его результаты позволяют расширить сферу социально-философского знания и представлений о значимости социокультурной памяти в духовном формировании личности. Результаты диссертационного исследования найдут свое применение в ходе учебного процесса при подготовке лекций и семинаров по социальной философии, социологии, культурологии, политологии и специальным курсам для студентов высших учебных заведений, а также для повышения квалификации работников образования, учреждений культуры и органов государственной власти.

Практическое значение работы заключается в том, что материалы диссертационного исследования могут быть использованы учреждениями образования, культуры, органами государственной власти и местного самоуправления при разработке и экспертизе социокультурных программ и проектов.

Методологической основой исследования выступают диалектика, которая включает в себя принципы системности, всесторонности рассмотрения социальных явлений, а также социокультурный и междисциплинарный подходы к исследованию общественных и культурных процессов. Социокультурная память в данном отношении воссоединяет культурную и социальную составляющие памяти. Она выступает основой становления самоорганизации общества и детерминантой духовного формирования личности.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нём:

— обоснован тезис, согласно которому социокультурная память хранит, постоянно воспроизводит культурные и духовные достижения человеческого рода и общества, а также предохраняет положительные культурные достижения прошлого от исчезновения;

— систематизированы функции, структура и институты социокультурной памяти (социокультурная память формирует идентичность её субъектов; она транслирует будущим поколениям систему ценностей; эта память обладает

избирательностью и проявляется в двух формах – материальной и идеальной; двух видах – негативном и позитивном; а также двух уровнях – обыденно-бытовом и профессиональном);

— обнаружено, что пути формирования социокультурной памяти и её особенности детерминированы процессами культурной универсализации и глобальным социокультурным кризисом, влияющими на духовное формирование личности;

— выявлены особенности социальной ситуации в современной России (отечественная культура подвергается сильному воздействию извне, но сама при этом имеет собственную степень развитости и духовной зрелости).

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Обосновано, что социокультурная память формирует и актуализирует определенную картину мира, детерминирует нравственное поведение личности и сохраняется как общий духовный опыт, который включает в себя значимые и противоречивые смыслы, символы, разноплановые ценности, нормы, социальную информацию, события и факты, достижения культуры, служащие в качестве ориентиров для формирования в конкретном обществе и в индивиде устремлённости к духовно-нравственному развитию, а также направленные на поддержание идентичности данного общества и его становление в качестве целостной саморазвивающейся социокультурной системы.

2. Систематизированы: функции, которые в обществе выполняет социокультурная память (идентификационная, ценностно-мировоззренческая, коммуникативная, защитная, нормативно-регулятивная, культуротворческая, объяснительная и легитимирующая); структура социокультурной памяти (социокультурные ценности, нормы и информационная система социокультурной памяти); институты социокультурной памяти (институт семьи, институт брака, институт государства, институт общественного производства, институт армии, институт образования, институт добровольчества (волонтерства)). Социокультурная память преодолевает переоценку прошлого и позволяет сформировать идентичность субъектов; она транслирует будущим поколениям

систему ценностей и обладает избирательностью в отношении механизмов, которые способны регулировать общественную и культурную жизнь.

3. Обнаружено, что социокультурная память есть детерминанта социально-экономической, политической и правовой ситуации. Эта детерминация определяется: 1) социокультурными традициями; 2) процессом социокультурной социализации; 3) формами общественного сознания (политикой, моралью, правом, религией, искусством). Таким образом, социокультурная память детерминирована процессами культурной универсализации и глобальным социокультурным и духовным кризисом, влияющими на духовное формирование личности.

4. Выявлено, что в современной России социокультурная память подвержена системному воздействию извне и позволяет преодолеть социальную нестабильность. Эта память подвержена трансформационным процессам, которые характеризуются противостоянием материального и идеального аспектов становления личности. Социокультурная память, рассмотренная в контексте социальной ситуации современной России, позволяет выявить источники развития общества: духовную активность людей, гуманитарную культуру.

Апробация результатов. Основные положения и идеи, а также результаты диссертационного исследования изложены и получили апробацию в 25 публикациях автора, из них 5 публикаций – в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ; 1 публикация – в научном журнале, индексируемом в базе данных Web of Science; 1 публикация – в научном журнале, индексируемом в базе данных Scopus. Ряд выводов и положений диссертации также были раскрыты в выступлениях на международных, всероссийских и региональных научно-практических конференциях, в том числе: международные: 26-я научно-практическая конференция Гаварского государственного университета, посвященная 30-летию со дня основания университета (Гавар, ГГУ 05 мая 2023 г.); научно-практическая конференция, посвященная 80-летию начала освобождения Донбасса от немецко-фашистских захватчиков и участию в нем 112-й Башкирской кавалерийской дивизии под командованием Героя Российской Федерации генерал-майора

М. Шаймуратова, (Луганск, ЛГУ им. В. Даля 22 февраля 2023 г.); научно-практическая конференция «Государство будущего: актуальные проблемы социально-экономического и политико-правового развития» (Уфа, УГНТУ 2020 г., 2022 г.); научно-практическая конференция «Ценностные ориентиры в мировом коммуникативном пространстве» (Ереван, 16-17 февраля 2022 г.); научно-практическая конференция «Этноисторические, правовые и культурно-языковые основания бытия современного человека» (Уфа, БашГУ 23 апреля 2021 г.); научно-практическая конференция «Современный PR: теория, практика, образование» (Уфа, УГНТУ 2019 г., 2021 г., 2023 г.); научно-практическая конференция «Культурное наследие и народное искусство: сохранение и актуализация в целях устойчивого развития общества» (Уфа, БашГУ 22 апреля 2022 г.); II научная конференция «Филологические науки: состояние, перспективы, новые парадигмы исследований» (Уфа, БашГУ 12-13 декабря 2019 г.); VIII научная конференция «Актуальные проблемы теоретической и прикладной филологии» (Уфа, БашГУ 14-15 апреля 2020 г.); всероссийские: научная конференция (с международным участием) «V Валеевские чтения: научно философское наследие Дамира Жаватовича Валеева» (Уфа, БашГУ 24 апреля 2020 г.); научно-практическая конференция «Актуальные проблемы коммуникации: теория и практика» (Уфа, БашГУ 2019 г., 2020 г., 2021 г.); научно-практическая конференция «Социально-философские проблемы цифровизации современного общества» (Уфа, БашГУ 26 мая 2022 г.); региональные: научно-практическая конференция «Философия: традиции и инновации», посвящённая «Всемирному Дню философии» (Уфа, 2021 г.); первый республиканский форум краеведов и музейных работников Республики Башкортостан, посвящённый 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (Уфа, 2020 г.); научно-практическая конференция «Подвиги конников 7 гвардейского кавалерийского корпуса и шаймуратовцев в новых документах и исследованиях» (Уфа, 2021 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав (в каждой по два параграфа), заключения и списка использованных источников и литературы, включающего 262 наименования. Диссертация изложена на 167 страницах компьютерной верстки.

ГЛАВА 1. ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ»

1.1. Социокультурная память как предмет социально-философского исследования

В современном мире растёт интерес к прошлому. В настоящее время получило развитие современное теоретико-методологическое направление *memory studies*, которое исследует события прошлого и память о нём. В данном направлении объединены самые разные концепции и теории, в той или иной степени освещающие механизмы формирования и передачи представлений о прошлом определённого общества, а также его современное видение. Дискуссии о роли памяти в жизни общества и личности ведутся не только в научном сообществе, но и активно проходят в средствах массовой информации, в социальных сетях и в других формах коммуникаций, сближая между собой научное и массовое сознание.

Необходимо отметить, что особенности социокультурной памяти и проблема её философской концептуализации в философской литературе на сегодняшний день ещё недостаточно исследованы. Понятие «социокультурная память» было определено и исследовано в современной науке лишь С. П. Калитой [81], но не в философском и социологическом, а лишь в культурологическом аспекте. Е. А. Царёвой был задействован термин «социокультурная память» при анализе символа как средства бытия социокультурной памяти, однако учёный не определяет само понятие «социокультурная память» [221].

Вместе с тем изучение разнообразных аспектов памяти в философии входило и входит в число широко распространенных и обсуждаемых проблем. В научной литературе дано множество определений, близких по смыслу к понятию «социокультурная память».

Прежде чем приступить к характеристике социокультурной памяти, следует отдельно остановиться на анализе памяти как общепhilosophической категории,

реализуя принцип восхождения от общего к частному. Данный подход позволяет исследовать память как родовое понятие, рассмотреть концепции видов памяти и, синтезировав достижения зарубежных и отечественных наук, сформировать авторский взгляд на особенности социокультурной памяти, на картину этой памяти в целом.

Идеи многих современных концепций памяти начали формироваться ещё в древности. Платон и Аристотель различали существование памяти и воспоминания, определяя роль памяти в процессе получения истинного знания. Платон рассматривал память как специфическую мыслительную форму человеческой деятельности. Он сравнивал память с черой (восковой табличкой), на которой пережитое человеком остается оттиском, воспроизводящим прошлое [150, с. 166]. Аристотель [6] размышлял о влиянии внешних воздействий на человека, о том, как они сохраняются и воспроизводятся в памяти. Он писал, что «благодаря памяти у людей появляется опыт» [5, с. 65].

В ракурсе «память-время» рассуждал средневековый философ Аврелий Августин, определявший память как способность души, в которой хранятся воспоминания – образы мира и переживания. Августин понимал время как «растяжение души». Он писал: «...настоящее прошедшего – это память; настоящее настоящего – его непосредственное созерцание; настоящее будущего – его ожидание» [22, с. 187].

Ф. Бэкон впервые предположил, что память свойственна не только индивиду, но и обществу, и различал память индивидуальную и социальную. Он рассуждал о сформированном в ходе исторического развития общественном опыте [34, с. 37].

Следующим крупным шагом, значительно повлиявшим на исследования памяти, стали труды Дж. Локка. Мыслитель писал, что память даёт возможность человеку оставаться таким, какой он есть. Именно воспоминания обеспечивают связность и непрерывность деятельности сознания [109, с. 387-388].

Исследования памяти, проводимые в дальнейшем, являются попыткой установить связь коллективного (общинного) существования человека с формированием надиндивидуального механизма передачи коллективного опыта.

Трактовку памяти как основы идентичности сообщества продолжил французский историк религии XIX века Э. Ренан. Он допускал использование понятия «память» в качестве критерия образования национальной идентичности [163, с. 101]. Э. Ренан полагал, что «память» способна вызывать коллективное чувство приобщения к чему-то единому и приводит к формированию нации как сообщества.

Э. Дюркгейм исследовал общие для социальных групп «коллективные представления». В общественной жизни он проводил различие между индивидуальными и коллективными представлениями, в том числе и о прошлом, подчёркивая спонтанный нерегулируемый характер последних. Первые рассматривались мыслителем как явления физиологического и психического порядка [68, с. 234]. Вторые представления обозначали общие идеи и верования [68, с. 234]. Э. Дюркгейм определял, что характер, традиции и идеалы народа отражаются в его коллективном сознании. О влиянии общества и «коллективного сознания» на личность Э. Дюркгейм писал следующее: «Мы говорим на языке, придуманном не нами, пользуемся инструментами, которые изобрели не мы... Эти блага цивилизации мы получили от общества» [10, с. 19]. Исследования ученого во многом обусловили развитие будущих концепций коллективной памяти.

Социальный характер индивидуальной памяти отмечал А. Бергсон, рассуждавший о влиянии социального окружения на память индивида. Он различал память как личный «образ-воспоминание» и как «привычку». Учёный считал, что образ прошлого может стать воспоминанием, если удастся передать ему часть настоящего [19, с. 242]. Бергсон утверждал, что память обеспечивает существование прошлого в настоящем, обращая внимание на важность воспоминаний о прошлом для жизни конкретного общества и индивида.

Данного подхода придерживался немецкий философ и теоретик культуры XX века Вальтер Беньямин [17], который отмечал, что личный опыт отдельного человека связан с его сугубо субъективным восприятием реальности. В статье «К образам Пруста» В. Беньямин писал: «Известно, что Пруст в своем сочинении

описывает не жизнь, какой она была, но жизнь, как ее запомнил тот, кто ее прожил» [255, р. 254].

Американский учёный Дж. Г. Мид представлял память как элемент индивидуального сознания, находящегося в «глубинах духа» [129, с. 97], но формируемого извне культурой. Исследователь отмечал, что казусы, переживаемые несколькими людьми одновременно, не будут запоминаться единообразно, поскольку каждый воспринимает происходящее через призму пережитого опыта. Потому процесс запоминания, как и восприятие, избирателен.

А. Шюц рассматривал категорию памяти в контексте социального опыта. Он отмечал, что мир человека интерсубъективен, но это не частный мир, а общий, привычный социальный мир, обусловленный интеракциями между людьми, принадлежащими к одной, весьма узкой социальной группе. Объясняя механизм возникновения общих воспоминаний, А. Шюц уходит от категории интерсубъективности к категории социальности: в рамках одной социальной группы у различных индивидов формируются аналогичные структуры памяти, что объясняется схожим социальным опытом их жизнедеятельности. Наличие социальной памяти, по словам Шюца, является условием общения людей и расширения индивидуального «жизненного мира» [235, с. 27].

Важное место феномену памяти как элементу социальной жизни человека отводится в трудах К. Г. Юнга. Кроме индивидуального бессознательного, ученый исследовал коллективное бессознательное как отражение опыта предыдущих поколений, которое запечатлено в архетипах. Хранение архетипов в коллективном бессознательном осуществляется в форме «наследственных категорий» [242, с. 110].

Важным шагом в исследовании памяти стало деление её на отдельные виды. В современной научной литературе выделено 256 видов памяти [260].

Понятие «коллективная память» использовал французский философ и социолог М. Хальбвакс, опираясь на идеи Э. Дюркгейма о социальной обусловленности памяти. Он определял роль настоящего в виде необходимой рамки воспоминания. Коллективная память задействует её «для воссоздания таких

образов прошлого, какие в данный период согласны с господствующими идеями данного общества» [214, с. 29-30]. При этом выстраивается «картина мира» определённой эпохи. М. Хальбвакс выделял память индивидуальную и память коллективную. Он считал, что коллективная память не может существовать вне индивидуальной памяти, она встраивается в индивидуальную память, но не сливается с ней. Он доказывал, что существование социальных (общественных и исторических) рамок памяти группы или сообщества оказывает непосредственное влияние на содержание памяти каждого индивида, включённого в неё. Воспоминания индивида оказываются прочно связанными с ценностными установками сообщества; эти установки и составляют содержание коллективной памяти.

Французский исследователь Поль Рикёр использовал понятие «коллективная память», исследуя проблемы морали и справедливости [164, с. 9]. Кроме того, отвечая на вопрос о соотношении коллективной памяти и идеологии, философ отмечал, что последняя задаёт границы социальной общности и формирует её идентичность. Поэтому коллективная память выступает основой идеологии и «может представлять в качестве хранительницы идентичности» [164, с. 121]. Философ указывает на такую характеристику коллективной памяти, как уязвимость, поскольку она может подвергаться манипуляциям со стороны элит, предписывающих, что помнить и каким образом, исключая сомнения и возможность иных интерпретаций.

Вслед за коллективной памятью получили распространение иные виды памяти, среди которых наиболее популярным является «социальная память».

Понятие «социальная память» разрабатывалось этнографом и культурологом А. Варбургом. Он использовал термин «социальная память», понимая под ним следы, запечатлённые в языке жестов и образов, которые могут быть доступны не одному, а многим субъектам. Исследователь уделял большее внимание символам, жестам и особенностям изображения, которые он считал носителями памяти [210], [262].

Взгляды на социальную память французского историка П. Нора развивали

представления Э. Ренана, разрабатывавшего проблему влияния памяти на формирование идентичности. По мнению Нора, категория «социальная память» противопоставляется категории «историческая память». П. Нора выдвинул концепцию «мест памяти». Память, действительно, концентрируется в определенных пространственно-временных лакунах. При недостатке ресурсов памяти ученый предложил проводить специальную операцию по сохранению, трансляции и воспроизведению памяти о прошлом, т.е. коммеморацию [138].

Уникальный вклад в осмысление проблематики социальной памяти внесли также П. Бергер и Т. Лукман, которые разрабатывали идею социального конструирования реальности. По их мнению, социальная реальность конструируется, тогда как действительность не поддается конструированию, т.е. измышлению. Это значит, что общество транслирует определенные «общественные идеалы», которые в конце концов приводят к реконструкции социальности. По их мнению, знания, приобретенные в процессе усвоения социальных норм и стандартов своей группы, позволяют человеку приобрести и осознать собственную идентичность в ситуации восприятия норм и образцов других обществ [18, с. 37]. П. Бергер подчеркивал, что в каждой социальной системе формируется социальная память как её имманентный элемент. П. Бурдьё придерживался такого же мнения [31, с. 160]. Он отмечал, что присутствие прошлого опыта в каждом социальном субъекте обеспечено системой хабиитуализации («опривычивания») в виде моделей восприятия мыслей и действий. Хабиитуализация даёт возможность сложившимся социальным практикам сохранять постоянство во времени. Кроме того, выводы, сделанные П. Бурдьё, обеспечивают перспективу для изучения динамики общества, общественного сознания и функционирования социальной памяти как объективных социальных явлений.

Следует выделить подход к пониманию категорий «коллективная память» и «социальная память», который можно поименовать скептическим. Он связан с определенными сомнениями относительно возможности использования самого понятия социальной или коллективной памяти.

Скептической точки зрения придерживается американская писательница и философ второй половины XX века С. Сонтаг (в другом написании С. Зонтаг) [179]. С. Сонтаг, отрицая понятие «коллективная память», объясняет, что договорённости людей в восприятии того или иного явления и, следовательно, последующее воспроизведение его и есть коллективная память.

Данной точки зрения придерживается и исследователь истории Амос Функенштейн, который отмечал, что память представляет собой процесс индивидуального, а не группового творчества [249]. Мыслитель был уверен в том, что говорить о коллективной памяти не имеет никакого смысла, так как память сообщества не может существовать вне памяти каждого её отдельного представителя.

Французский ученый С. Московичи [134] полагал, что корректнее использовать категорию коллективных представлений или «менталитет», поскольку иные термины либо являются метафорическими, либо просто спекулятивными. Такого же подхода придерживались основатели школы «Анналов» (М. Блок [23], [24], [246], Л. Февр [203]).

Помимо коллективной и социальной памяти, в философии также разрабатывалось понятие «культурная память».

В философский оборот термин «культурная память» ввёл немецкий египтолог Ян Ассман. Он сформулировал задачи ее изучения, связывая формирование культурной памяти с опытом прошлого. Созданное им научное направление, в котором используется термин «культурная память», Я. Ассман назвал «историей памяти». В стремлении охватить весь спектр проблематики памяти Я. Ассман выделяет четыре типа памяти: миметическую память, предметную память, коммуникативную память, культурную память [9, с. 20-21].

Алейда Ассман продолжила исследования, посвященные культурной памяти. Она выделяет четыре типа памяти: «память индивидуума, социальной группы, политического коллектива нации и память культуры» [8, с. 13]. А. Ассман рассматривает индивидуальное воспоминание не только как непосредственное свидетельство прошлого, но и как показатель культурного контекста самого

вспоминающего индивидуума.

В существующей литературе выделяются и другие виды памяти. Так, американским исследователем Д. Боднаром в научный оборот было введено понятие «публичная память», проявляющееся во взаимодействии между официальными и вернакулярными практиками памяти [247, р. 32]. По мнению Боднара, периодически между этими типами памяти в одном и том же коммеморативном пространстве могут происходить столкновения.

Достойный вклад в исследование философских проблем социального происхождения памяти и её видов, а также их влияния на личность был внесён отечественными учёными, имеющими отношение к различным гуманитарным специальностям.

Ю. М. Лотман рассматривал память как знаковую систему, способную хранить и воспроизводить информацию. Ю. М. Лотман разрабатывал семиотический подход, выделив «культурную память», аккумулирующую символы, культурные системы, артефакты. Он обозначил контуры теории культурной памяти, обосновав два актуальных подхода, рассматривающих культуру как память и память как феномен культуры, тем самым предоставляя возможность видеть в настоящем прошлое общности [110, с. 621].

А. Г. Васильев отмечает, что «проблемы культурного разнообразия и культурных идентичностей невозможно обсуждать вне проблематики памяти и забвения в культуре» [213, с. 60]. Память он рассматривает в качестве социального и культурного феномена, который стал предметом активного исследования в 80-е годы XX века в мире («мемориальный бум»). По мнению ученого, представления о прошлом подвергаются непрерывной трансформации, являясь не застывшей суммой исторических истин, а скорее всего, функцией от постоянных социальных изменений [37].

Другой отечественный философ И. Т. Касавин затрагивает в своих исследованиях вопросы памяти, придавая большое значение идее её социальной обусловленности. Также он рассматривает традицию как один из способов трансляции памяти [84, с. 13-14].

Современный российский исследователь К. П. Шевцов в своем труде «Философия памяти» [227] рассуждал о работе памяти и обращал внимание на то, что припоминание связано с усилием, каждое усилие вплетается в сеть культурных практик. Посредством метафор социум связывается единой сетью коммуникаций, единым культурным планом действия выработки и резервации смыслов.

Другой российский автор Е. Г. Турбина, как и М. Хальбвакс, выделяя понятие «коллективная память», отмечает, что это «совокупность действий, предпринимаемых коллективом или социумом, по символической реконструкции прошлого в настоящем» [181, с. 328]. По её мнению, коллективная память стала объектом целенаправленной философской рефлексии только в период модерна, поскольку сохранение прошлого в условиях традиционного общества задается самим укладом жизни его членов, повседневной жизнью.

Советский и российский философ В. А. Лекторский рассматривает память в качестве конституирующего начала как индивидуальной, так и коллективной идентичности. Он выделяет коллективную память первого типа (это язык, система ценностных представлений, совокупность правил поведения) и коллективную память второго типа (это память об исторических событиях, значимых для идентичности данного коллектива). Ученый отмечает, что коллективная память хранит в себе знания о культуре сообщества, исчезновение или искажение которых может привести к утрате её идентичности [103, с. 14].

Л. А. Ширяев, уделяя внимание понятию «социальная память», писал, что «социальная память раскрывает себя как исторически определенный способ накопления, сохранения и передачи от поколения к поколению духовно-практического опыта» [229, с. 234].

Е. В. Грязнова рассматривает социальную память как элемент культуры и предлагает следующее определение: «Социальная память – это сохранение актуальной социальной информации и передача её от поколения к поколению» [58].

О. Д. Гаранина также выделяет взаимосвязь культуры и социальной памяти. Она полагает, что «культура – это способ создания социальной памяти,

необходимой для хранения и трансляции ценностных смыслов, знаний и других духовных объектов» [48, с. 45].

По мнению О. Т. Лойко и Н. А. Вакуриной, «социальная память в своей интенции направлена на достижение ценностно-смыслового консенсуса; память историческая стремится сохранить и передать истинные знания о прошлом» [108, с. 161].

Серьёзное внимание взаимосвязи исторической памяти и этнического сознания уделяют отечественные философы А. Я. Зарипов и Ф. С. Файзуллин. Они дают следующее определение: «этническое сознание – это неиссякаемая кладовая каждой общности, т.к. в нем сконцентрированы историческая память народа, его мироощущение, мировосприятие и миропонимание, мудрость, психология, менталитет, неисчерпаемые духовные силы» [71, с. 19]. Ф. С. Файзуллин также отмечает важное значение социальной памяти в формировании «ценностного сознания нации» [201, с. 143].

Существенный вклад в понимание взаимосвязи общественного сознания и социальной памяти вносит С. А. Храпов. Он определил три аспекта взаимодействия социальной памяти и общественного сознания [219, с. 38].

Д. Г. Давлетшина выделяет нравственную память как форму социальной памяти, которую следует рассматривать в качестве основы нравственного сознания [60].

М. Л. Шуб в ходе анализа различных видов индивидуальной и надиндивидуальной памяти указывает на то, что в настоящее время «научное сообщество до сих пор не выработало четкого понимания того, как называть и интерпретировать форму памяти, свойственную не отдельному человеку, а социальным группам» [232, с. 23-24].

Как мы отмечали выше, среди научных работ лишь исследование С. П. Калиты непосредственно посвящено социокультурной памяти, её структуре, механизмам и социальным институтам. Учёный определяет понятие социокультурной памяти как «совокупность знаний, механизмов и алгоритмов, обеспечивающих регулирование (управление) социально значимой информацией,

отражающей опыт культурного развития человечества» [81, с. 13]. Другие определения данного понятия «социокультурная память» касаются различных аспектов жизнедеятельности общества.

Завершая краткий обзор изучения социокультурной памяти как предмета социально-философского исследования, мы считаем необходимым отметить следующее. Указанные выше виды памяти объединяет то, что все они связаны с воспроизводством прошлого и их носителями являются индивид, личность, группы и общество. Кроме того, по своей форме виды памяти могут быть надындивидуальными (память общества) и индивидуальными (память индивида) и могут способствовать формированию идентичности. Отличаются же они различными аспектами своего содержания.

В связи с тем, что в нашей работе необходимо исследовать влияние социокультурной памяти на общество, а также рассмотреть вопросы социокультурной динамики, нам оказались полезны научные труды известных зарубежных авторов П. А. Сорокина, Т. Парсонса, Э. Гидденса, Н. Лумана, Б. Андерсона и П. Штомпки, в той или иной степени посвящённые социальным изменениям и социокультурной динамике, а также взаимосвязи культуры и социальности.

Для определения понятия «социокультурное», в первую очередь, следует обратиться к трудам русско-американского социолога П. А. Сорокина. Учёный в своих исследованиях использовал терминологию, в которой присутствует прилагательное «социокультурное». П. А. Сорокин указывал на сменяемость типов культур, происходящих в процессе социокультурной динамики [180, с. 435]. Он выделял внутренний (смысловое, ценностное содержание) и внешний (материальное воплощение смыслов и ценностей) аспекты культуры. Им было определено несколько состояний (типов) культуры: идеациональная культура (умозрительная), идеалистическая (интеллектуально-чувственная) и чувственная культура. В каждой культуре складывается свой тип личности, но может формироваться и смешанный тип личности.

Американский учёный Толкотт Парсонс не разделял культуру и социальность

[145, с. 87]. Он писал следующее: «Культура, с одной стороны, является продуктом, с другой стороны – детерминантой систем человеческого социального взаимодействия» [145, с. 87].

Немецкий социолог Никлас Луман признавал общество в качестве некой социальной системы, способной описать и отличить себя от других. Он писал, что социальная реальность формируется на границе «самоописания» и «саморазличения» [116, с. 27]. На наш взгляд, основой данного процесса выступает социокультурная память.

В исследованиях социальных систем английского социолога Энтони Гидденса рассмотрено взаимодействие общественного сознания и социальной памяти. Он отмечал, что данное взаимодействие характерно для любой социальной системы и создает «ощущение членами общества особой идентичности, независимо от того, как оно выражается или проявляется» [53, с. 242].

Британский политолог Бенедикт Андерсон обозначил характерную тенденцию, что в современном обществе, в отличие от традиционного общества, у индивида возникла возможность выбирать между культурными традициями разных обществ, а не следовать лишь какой-то одной. Б. Андерсон доказывает, что все сообщества являются лишь воображаемой реальностью. Однако закрепившись в представлениях людей (т.е. в социальной памяти) «воображаемые сообщества» формируют социальную реальность, по сути, внутри неё и существует индивид [3, с. 48-49]. Сплочению сообщества способствуют её «воображаемые ориентиры» или, другими словами, сформулированная мировоззренческая база, в соответствии с которой общество (нация) рассматривается в качестве целостного организма, существующего более длительное время, чем отдельный индивид.

Известный польский социолог Пётр Штомпка, изучавший социальные изменения, акцентировал внимание на специфике перехода традиционного общества к современному, а также на возникающих новых формах социальной жизни. П. Штомпка отмечал, что изменения осуществляются индивидами и коллективами посредством различных видов деятельности, при этом субстанциями изменений являются неосвязаемые вещи – идеи и нормы [231, с. 16], оказывающие

влияние на поведение людей. Интерес представляют исследования социальных изменений или специфики перехода общества от традиционного к современному.

Возвращаясь к концепциям видов памяти следует отметить, что нам наиболее близка концепция М. Хальбвакса, отстаивавшего вслед за Э. Дюркгеймом идею социальной обусловленности памяти. Его трактовку коллективной памяти мы рассматриваем в качестве одной из основ для определения понятия «социокультурная память». Работа С. П. Калиты натолкнула нас на мысль о дальнейшей разработке исследуемого нами вида памяти. Кроме того, среди отечественных учёных нам очень важна позиция О. А. Липатовой, отметившей нерешенность проблемы отличия социального и культурного в сфере гуманитарного знания. Она пишет: «Сложность заключается в том, что категория «социальное» означает общественное, однако «культурное» также является продуктом общества. ... Бытие общества в целом является основанием и социального, и культурного» [107, с. 9]. Учёный утверждает: «Существует принципиальная разница между социальным и культурным, социальное – это состояние “здесь-и-сейчас”, культурное “раз-и-навсегда”; социальное изменчиво, культурное более устойчиво благодаря стремлениям к идеалу, к идее Духа и этическим составляющим» [107, с. 12]. Кроме того, в процессе исследования нами использовался социокультурный подход [222, с. 122]. Выше мы подчеркивали, что культура и социальное взаимодействие людей неразрывно связаны друг с другом и взаимообусловлены, на этом выстраивается и методология социокультурного подхода. По мнению Ю. Л. Беляковой, системный подход стал базой методологии социокультурного подхода, «сущность которой состоит в попытке рассмотрения общества как единства культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека» [16].

При данном подходе социальность и культура рассматриваются неразрывно друг от друга, а также социокультурный подход позволяет рассматривать связь личности с обществом через призму регулирующих данные отношения ценностей и норм, даёт возможность ясного осознания значимости социокультурной памяти в аспекте формирования личности и её духовности.

Применение терминов зависит от отрасли науки и, соответственно, предмета исследования: в социальной философии распространение получил термин «социальная память», в культурологии – «культурная память», в исторической науке – «историческая память» и т.д.

Как мы отмечали выше, в социально-философской литературе до сих пор не разработано единое понятие, которое отражает одновременно феномен памяти и культуру различных социальных групп и общества в целом, а также их актуализированный общий духовный опыт.

«Социокультурная память» как философско-культурная универсалия пока в должной мере не вошла в понятийные аппараты ни отечественной, ни зарубежной философии и обществоведческих наук, не имеет за собой традиции, и её категориальный статус пока не установился. Термин «социокультурный(ая)», относящийся к культуре общества, а также к социальным проблемам культуры, широко используется в философии и гуманитарных науках, особенно в культурологии. Объяснить это можно сложностью самого понятия «социокультурная память», включающего в себя сразу три элемента: «общество» («социальное»), «культура» и «память». Первые два элемента, могут анализироваться по отдельности друг от друга лишь абстрактно. Понятие «память» определяется как «способность сохранять восприятия и представления после момента переживания; память означает также (образно выражаясь) хранилище» [209, с. 329].

Необходимость введения в оборот понятия «социокультурная память» обосновывается следующими обстоятельствами.

1. Основополагающее предназначение памяти – это сохранение «следов прошлого». При этом сохраняя прошлое, она формирует настоящее. Если исчезает память, то опустошается и сознание как индивидуальное, так и общественное. Память, как некое общее, существует не сама по себе, а через отдельное и в отдельном, то есть через свои виды. Когда под памятью понимается память определённого вида, то к слову «память» добавляется прилагательное, обозначающее его вид. Так, понятие «индивидуальная память» отражает

субъективные особенности памяти индивидуума, сформированной им в процессе своей жизни.

2. Социальная память воспроизводится с помощью социального взаимодействия, важнейшими элементами которого являются коммуникация и общение. Социальная память транслирует опыт социальной деятельности и характеризуется состоянием «здесь-и-сейчас» [107, с. 9]. Социальные субъекты опредмечивают [123, с. 593] социальный опыт и оказываются связанными с продуктами культурной деятельности.

3. В современной социальной философии общество, социальное и социальность рассматриваются в едином ряду. Так, под понятием «общество» В. Е. Кемеровым понимается «сумма связей, совокупность или система отношений, возникающих из совместной жизни людей, воспроизводимых и трансформируемых их деятельностью» [181, с. 310]. В этом ряду понятие «социальность» определяется философом как «взаимообусловленность людей, взаимообусловленность их жизнью друг друга, процессами и результатами совместной и индивидуальной деятельности» [181, с. 310]. Общество следует рассматривать как целостную и саморазвивающуюся систему, которая формирует человеческий культурный опыт. Существует множество обществ, отличающихся друг от друга культурным своеобразием. В определённом обществе именно общая культура и общий язык (хотя и не всегда) объединяют людей, осознающих их как «своих». В памяти общества фиксируется духовная культура, которая передаётся от прошлого через настоящее в будущее. При этом всё многообразие духовных форм освоения реальности отражается в общественном сознании. А. Г. Спиркин в связи с этим отмечал, что «когда рассматривают общественное сознание, то отвлекаются от итогового индивидуального, личного и исследуют взгляды, идеи, характерные для данного общества в целом или для определенной социальной группы» [185, с. 127].

Личность не может не считаться с общественным сознанием; она и вбирает его в себя, и одновременно противостоит ему. При этом каждая личность уникальна, по-разному реагирует на общественное сознание и может влиять на него.

4. Термин «культура» нами рассматривается как «ценностно значимый опыт прошлого» конкретного общества. При этом общество и культура взаимосвязаны между собой, поскольку культура является продуктом мысли и совместной деятельности людей. Ю. И. Семёнов в связи с этим писал: «Вообще нет явлений культуры, которые были бы только явлениями культуры и ничем другим. Поэтому любые попытки выделить явления культуры в особую самостоятельную область, противостоящую социальным явлениям и обществу в целом, несостоятельны» [172, с. 53]. Рассуждения о том, что культура и социальность, складывающиеся в отдельной группе или обществе в целом, – это самостоятельные феномены, которые возможно познавать отдельно друг от друга, можно сравнить с попытками человека рассуждать о происхождении пирамиды Хеопса, при этом не имеющего абсолютно никакого представления о Древнем Египте. Зачастую такие рассуждения заканчиваются предположением, что якобы пирамиду сделали боги или инопланетяне. Представляется, что продуктивнее рассматривать культуру в качестве сущностной, «центральной», духовной составляющей всей жизни общества. Культура и общество неотделимы друг от друга.

5. Культурная память воспроизводится путём передачи от поколения к поколению фиксируемых результатов (продуктов) социальной деятельности конкретного общества. Она характеризуется состоянием «раз-и-навсегда» [107 с. 9]. Культурная память придаёт своеобразие и специфику конкретным отдельно взятым обществам. Необходимо отметить, что культура не может рассматриваться как отдельная «субстанция» [172, с. 53], способная существовать без общества. Культура и социальность существуют в единстве, так как культура создаётся обществом в результате совместной, сознательной деятельности людей. Об этом писали Ф. Энгельс [240], Б. Малиновский [119] и другие исследователи.

Таким образом, социальная и культурная память взаимосвязаны и взаимообусловлены. Говоря о социальной памяти, мы подчёркиваем её связь с социальностью, с обществом. Выделяя культурную память, опять-таки отмечаем её связь с обществом и подчёркиваем, что культура – это продукт общества. Общество и культура не могут игнорировать друг друга, противостоять друг другу.

Следует отметить, что понятие «социокультурная память» в данной работе рассматривается как производное от термина «социокультура» (лат. *socialis* – общественный и *cultura* – возделывание, воспитание).

Д. Н. Захаров и Д. М. Винокурова отмечают многоплановость понятия «социокультура» и рассматривают её в двух смыслах: «В широком смысле – это проникновение культуры в экономику, в политику, социальную сферу. В узком смысле – это синтез социальных отношений и культуры, проявление социальной сущности культуры» [72, с. 154]. Ученые подчеркивают: «В социокультуре отражена мера владения культурным богатством общества, его производство и воспроизводство и применение в социальной деятельности отдельного индивида, конкретной социальной группы и общества в целом» [72, с. 154].

Социокультурой формируется духовный и связанный с ним материальный мир отдельного индивида и общества в целом, другими словами, – окружающая среда, в которой он живёт «здесь и сейчас», включающая в себя всё необходимое ему как духовному и социобиологическому существу, обладающему интеллектом, эстетическим кругозором и нравственными качествами. С опорой на «базу» достижений прошлого и преемственность социокультурная память способствует формированию и развитию социальных знаний, умений и навыков (компетенций) личности и дальнейшему её духовному формированию. Необходимо подчеркнуть, что содержание социокультурной памяти и общественного сознания во многом формируется именно личностью и её познавательной и творческой деятельностью. Причем оценка настоящего и проводимая личностью социокультурная «фильтрация» [165, с. 203] основываются на её ценностных ориентациях [57, с. 663].

Необходимо отметить, что социокультурная память представляет собой реальность, обладающую своими характеристиками и особенностями. В процессе формирования социокультурной памяти происходит не механическое «сложение» социальной памяти и культурной памяти, а осуществляется актуализация в настоящем «следов прошлого», транслируемых из поколения в поколение, фиксируемых и сохраняемых в общественном и индивидуальном сознании как

общий духовный опыт, который служит ориентиром для формирования в конкретном обществе и в индивиде устремлённости к духовно-нравственному развитию. Следует также отметить имеющуюся тенденцию по наполнению слова «социокультурный» содержанием, отражающим способность общества распоряжаться доставшимся от предков культурным наследием, прежде всего духовным, в современной социальной деятельности индивида, группы и общества в целом, вследствие чего термин «социокультурная память» наиболее адекватно отражает надлежащую суть соответствующего понятия.

Социокультурная память – не стагнация прошлого, а «база» для развития настоящего посредством его жизнеспособных элементов: «следов» прошлого, присутствующих в настоящем; диалектики старого и нового, а также «рождения» единого, стабильного и консолидированного общества, освобождающегося от профанации, сакрализации или десакрализации прошлого.

Изложенный выше материал позволяет определить понятие социокультурной памяти.

Социокультурная память – это актуальные в настоящем «следы прошлого», транслируемые из поколения в поколение, фиксируемые и сохраняемые в общественном и индивидуальном сознании как общий духовный опыт, который включает в себя значимые и противоречивые смыслы, символы, разноплановые ценности, нормы, социальную информацию, события и факты, достижения культуры, служащие в качестве ориентиров для формирования в конкретном обществе и в индивиде устремлённости к духовно-нравственному развитию, а также направленные на поддержание идентичности данного общества и его становление в качестве целостной саморазвивающейся социокультурной системы.

Социокультурная память является важнейшей детерминантой формирования личности и её духовности. Социокультурная память, её механизмы и институты призваны решать проблемы защиты и утверждения положительных культурных достижений общества, передаваемых от поколения к поколению, обеспечения социализации индивидов в условиях изменчивого, рационализованного и сложного современного общества, в котором авторитет традиций существенно

ослаблен и, соответственно, ослаблено значение прежних форм социального контроля.

Соприкосновение с достижениями культуры само по себе делает людей более одухотворёнными, изменяет их чувства и образ мыслей. Например, индивидуальное сознание работников учреждений культуры, в частности музеев, формируется на основе осознания ими своего предназначения в обществе как хранителей культурных ценностей, что в определённой степени отражается в их мышлении и поведении. Однако важно придавать формам соприкосновения индивида с достижениями культуры не просто общественно-значимый и целенаправленный характер, а показывать, что социокультурная память выступает в качестве одного из источников формирования и развития общества, её социокультурной динамики.

Социокультурная память, которую можно рассматривать как субстрат социальной деятельности, участвует в конструировании социокультурной реальности. Но конструирование отличается от конституирования, и это не следует забывать. Конституирование связано с особенностями человеческого восприятия, которое не показывает реальный окружающий человека мир, не изменяет его, а конституирует. Другими словами, воспринимаемая действительность формируется мозгом и является результатом происходящих в нём психических процессов, таких как внимание, воображение, мышление, память, речь и так далее. При этом продуктивная сила воображения определяет структуру общества.

Вместе с тем человеческая психика имеет два уровня отражения действительности: сознательное и бессознательное. Проблеме сознательного и бессознательного, их взаимосвязи посвящено множество исследований. Доказано, что сознание не является единственным уровнем, на котором представлены психические процессы. Философия и психология (прежде всего, её когнитивный и аналитический разделы) дают общее представление не только о сознании, но и подсознании (бессознательное) как индивида, так и общества. К. Г. Юнг исследовал коллективное бессознательное как опыт ушедших поколений. Он увязывал социальное поведение индивида с процессами, происходящими в его

подсознании. К. Г. Юнг говорил о существовании в подсознании архетипов, «закодированных в образы», в том числе и фантастических, которые возникают в снах, видениях, озарениях и т.п.

Посредством коммуникации в обществе среди индивидов распространяются не только знания, возникающие в ходе осознанного восприятия действительности, но и образы, возникшие в подсознании (бессознательное) индивида. Происходит трансформация этих образов (в том числе фантастических и полуфантастических) в признаваемые обществом представления и смыслы тех или иных событий и явлений общественной жизни. Складываются обобщённые формы социального опыта в виде символических образов, олицетворяющих «добро» и «зло», происходит формирование общественной мифологии. Данная проблематика подробно освещена в исследовании Э. В. Сикевич, О. К. Крокинской, Ю. А. Поссель [175].

Вместе с тем в человеческой психике ведущее положение занимает сознание. Осознание человеком себя как личности происходит посредством самосознания, с которым тесно связана рефлексия, влияющая на раскрытие духовного мира человека. Рефлексия включает в социальный оборот универсалии культуры. При этом самосознание формируется под воздействием не всегда благоприятной социальной среды [218]. Однако не только общество влияет на личность, но и личность пытается воздействовать на общество. А. В. Лукьянов и Н. А. Шергенг пишут: «Человек, творя самого себя, соответствующим образом преобразует и саму социокультурную действительность» [112, с. 1219].

В процессе конструирования социальной действительности социокультурная память выступает в качестве информационной базы. Заинтересованные субъекты, интерпретируя её содержание, обосновывают форму и этику жизни в своём обществе в определённый период времени.

Вместе с тем общества бывают разными. Они отличаются разнообразными формами и способами социальных связей, объединяющих людей в общество.

В традиционном обществе доминирует традиция. В таком обществе действие является оправданным, когда оно соответствует традиции. Принадлежность

индивида к определённой группе (сословию) всегда определяло его жизненные цели. Идентичность в традиционном обществе имела рамочные условия и гарантировалась путём усвоения традиционных правил, норм и обычаев. Закрытость такого общества долгое время не позволяла использовать опыт других культур для собственного развития.

То, что было невозможно в традиционном обществе, стало возможным в открытом современном обществе, которое, перенимая опыт других культур, само определяет форму культурной жизни. В современном обществе совместная жизнь людей регулируется с опорой на этические принципы, понимаемые как универсальные, не связанные с застывшими традициями, подвергаемыми критическому пересмотру. Примером такой нормы служит категорический императив Иммануила Канта [82], претендующий на роль универсального регулятора совместной жизни людей без связи с определённой традицией и независимо от принадлежности индивидуума к какой-либо отдельной культуре. В общественном сознании современного общества получила распространение критическая оценка представлений и знаний, притязающая на истину и не принимающая их на веру. В данном обществе индивидуум ориентирован не на воспроизводство традиций, а на инновационное развитие, подразумевающее постоянные изменения. В нестабильном, изменчивом современном обществе сложно добиться однозначной идентичности, в нём индивидуум обладает правом собственного самоопределения, что налагает на него серьёзную ответственность, которую он может и не осознавать.

Между традиционным и современным обществами выстраивается множество промежуточных вариаций, в каждом из них с помощью социокультурной памяти формируются обоснования сложившейся формы и этики общественной жизни.

Наблюдаемый в современном мире социокультурный кризис во многом порождён противостоянием ценностей традиционализма и модернизма. Данный кризис в явной форме проявляется в сложностях формирования стабильной личной идентичности именно в условиях современного общества, в котором проблематично её развивать путём усвоения лишь норм и ценностей,

полученных от предков, а также и тогда, когда следование им перестаёт быть обязательным. Индивидууму предоставляется возможность самому управлять своей жизнью в условиях нестабильных социальных отношений и социокультурного окружения.

Поиск сторонниками традиционализма и модернизма того, что их объединяет, способствует созданию условий для взаимопонимания и преодоления кризисных явлений. Важным вопросом является понимание в современном обществе особенностей оценки смыслов, ценностей и норм прошлого.

В рамках главной проблемы данной работы исследование духовного формирования современной личности через призму социокультурной памяти в конкретном обществе, достигшем определённого уровня развития, нам следует рассмотреть особенности личности современного российского общества. При этом, как мы отмечали выше, социокультурная память актуализируется как в общественном, так и индивидуальном сознании.

Современное общество предъявляет к человеку определенные требования и, в свою очередь, формирует его поведение. Наиболее полное исследование современной личности было проведено американскими исследователями А. Инкелесом и Д. Смитом. Они представили её аналитическую модель модернизирующегося общества. Учёные отмечали, что изменения, связанные с модернизацией общества, влекут за собой и изменения личности, характеристики которой в наибольшей степени отвечают требованиям современного постиндустриального общества. Данная модель актуальна и сейчас, и набор представленных в ней качеств считается залогом успешности человека в современном обществе XXI века [252].

Формирование личности – очень сложный процесс, но не менее сложным является вопрос стабильного существования личности в обществе. Влияние на процесс её формирования оказывают физиологическое состояние организма человека (объективный фактор) и социальная среда, в которой личность формируется, существует и развивается (субъективный фактор). Объективным фактором, влияющим на формирование и стабильное существование личности,

является её физиологическое состояние, в структуру которой включают возраст, пол, состояние здоровья, в том числе наследственность и врождённые дефекты как телесного, так и психического характера. Данные вопросы входят в проблематику медицинских наук и не являются предметом нашего исследования. Однако следует указать на значимость этого фактора в решении социальных вопросов. Соответственно, как отмечалось выше, субъективным фактором, влияющим на формирование личности, является социальная среда. А. Г. Спиркин отмечал, что «сознание каждого человека вбирает в себя опыт, знания, убеждения, верования, заблуждения, оценки той социальной среды, к которой он принадлежит» [185, с. 127].

Интерес к структуре сознания индивида проявлял ещё Э. Дюркгейм. Он писал, что «у нас есть два сознания: одно содержит только состояния, свойственные лично каждому из нас и отличающие нас, тогда как состояния, охватываемые вторым, – общи для всей группы. ... Но эти два сознания ... в итоге составляют одно целое» [67, с. 114]. М. Хальбвакс, развивая идеи Э. Дюркгейма, выделял рамки памяти группы или общества в целом, воздействующие на формирование содержания памяти каждого индивида, включённого в них. В настоящее время общеизвестно, что в социальной среде формируется сознание личности и развивается её составная часть – человеческая память. Выше мы отмечали, что человеческая психика имеет два уровня отражения действительности: сознательное и бессознательное. Следует отметить, что в памяти человека присутствует два уровня: произвольный (сфера сознания) и произвольный (сфера бессознательного).

Таким образом, основной детерминантой воздействующей на формирование сознания личности является социальная среда, в которой складывается определённая культура. Структуры социокультурной памяти формируют в сознании индивида общественную составляющую («внедряют общественный дух»), тем самым создают баланс двух частей сознания личности.

Личность во взаимосвязи с обществом можно рассматривать с разных точек зрения, но основным качеством человека, в котором сплетаются его родовые и индивидуальные черты, на наш взгляд, является духовность как универсальная

чувственность.

Следует говорить не о духовности общества, а именно о духовности личности. В сложном обществе индивидууму, одновременно включённому в сознание сразу нескольких социальных групп (трудовой или учебный коллективы, семья и другие группы), приходится постоянно приспосабливаться к изменяющимся требованиям и нормам данных групп и выполнению в них различных функций. Проблемой является то, что в условиях современного общества поиск духовных ориентиров, не имеющих абсолютной значимости для всех, становится делом самой личности, которая раскрывает в себе духовность, т.е. духовное стремление сделать себя и мир лучше и гармоничнее. Этот процесс не может совершаться без участия социокультурной памяти.

В данном исследовании мы не рассматриваем интеллект человека как характеристику его познавательных способностей, но подчёркиваем, что духовность личности невозможна без интеллекта и способности познавать себя и других.

Для обозначения духовного начала в человеке ещё древние греки и римляне использовали слова πνεῦμα (pneuma), ψυχή (psyche) и spiritus. Данные слова этимологически связаны с понятием духа, души, дыхания, и их, по мнению современного французского философа А. Конт-Спонвиля, следует понимать как «животворящее дуновение» [92, с. 171]. Философ, обращая внимание на связь между духовным и психическим, отмечает следующее: «Всё, что принадлежит духовной жизни, связано с психикой, но далеко не все проявления психики суть явления духовности» [92, с. 171-172].

Античное понимание духа как высшей внутрикосмической силы отличается от средневекового христианского понимания Духа «как сущности, запредельной тварному миру, но деятельно присутствующей в мире и преобразующей его» [208, с. 256].

Личность априори духовна, потому что она связана с нравственным долгом, о котором писал И. Кант [82]: о том нравственном моральном законе, который в каждом человеке устанавливает сам человек.

Подобно гегелевскому Духу, индивид, постигая себя и своё место в окружающем его мире становится разумнее и духовнее [50].

Знаменитый американский философ и психолог У. Джеймс рассматривал духовность предельно широко как человеческий дух во всём его проявлении, выраженный в разных формах. Он писал: «Мы разумеем под духовной личностью полное объединение отдельных состояний сознания, конкретно взятых духовных способностей и свойств» [62].

Духовность связывалась также с определёнными устремлениями личности. Философ К. Ясперс духовными влечениями называл «стремление к постижению определённого состояния бытия и к посвящению себя этому состоянию, проявляющемуся в ценностях – религиозных, эстетических, этических или относящихся воззрению субъекта на истину» [244, с. 278].

Автор придерживается мнения, что главными интенциями социального развития личности являются её потребности и интересы. К. Марксом и Ф. Энгельсом были выделены исходные предпосылки общественной жизни человека. Они подчёркивали, что человек – существо биологическое и социальное, его поведение обусловлено его потребностями, т.е. духовный мир людей оказывается вторичен и произведен от их жизненных условий [122, с. 7].

Исследование наличия духовности в личности через призму «вечных» споров о доминировании в ней эгоизма или альтруизма, коллективизма или индивидуализма и других противоположных качеств личности было актуально в прошлом, а сейчас степень актуальности такого исследования только усилилась.

При рассмотрении декларируемых норм и ценностей определённого общества и реализации их в социальной жизни исследование существующих противоположностей (их сочетание в личности определённой эпохи) помогает раскрыть и увидеть «лицо эпохи». В этой ситуации можно говорить о личности как продукте общества или его отражении. Прежде всего, периоды кризиса могут породить образцы духовности, но одновременно и продемонстрировать образцы аморальности и бездуховности как личности, так и общества в целом.

Актуальной проблеме духовности и бездуховности личности серьёзное

внимание уделяет философ Р. Л. Лившиц [106], [105]. Он отмечает, что «духовность – это такая жизненная позиция личности в мире, в которой реализуются ее внутренняя свобода и творческое начало» [106, с. 24].

В. Г. Федотова пишет: «Сегодня духовной опорой нашего общества может стать нравственный индивид, являющийся носителем тех норм, которые могут вдохновить других людей и быть институционализированы в обществе» [206, с. 84].

С. К. Бондырева, Д. В. Колесов писали: «Духовность – доминанта возвышенного в психике индивида» [26, с. 112].

Духовность проявляется в устремлении человека к высшим ценностям, к идеалу. Д. В. Пивоваров писал: «Идеал ... нечто возвышенное, совершенное, благое и прекрасное, высшая цель стремления» [181, с. 162]. Он также отмечает, что идеал – это «существо культуры общества или культуры индивида» [181, с. 162].

Другой современный философ С. Б. Токарева подчеркивает: «Духовность всегда связана с положительным общечеловеческим идеалом» [192, с. 7].

М. Ф. Калашников рассматривает духовность через призму концепции социального идеала. Он предлагает детальную классификацию социальных идеалов, в том числе деление идеалов по субъекту-носителю. В соответствии с ним философ выделяет: «... а) общечеловеческие, б) групповые (идеалы классов и других социальных общностей), в) индивидуальные» [80, с. 211].

Одухотворяет человека стремление к осознанному освоению высших ценностей, к идеалу.

На наш взгляд, потребность в идеале у общества есть всегда, а в периоды кризиса и нестабильности тем более. Именно в кризис определяется степень духовности как личности, так и общества.

Однако образ идеала изменчив, его содержание отражает потребности и стремления людей определённой исторической эпохи. Он проходит общественную, социокультурную фильтрацию. Каждая историко-культурная эпоха представляет собой звено, сцепляющее позитивные и негативные явления прошлого и будущего

в единое целое настоящего. Смена эпох связана с возникновением новых ценностей и уходом в прошлое отживших, но от поколения к поколению передаются ценности, без которых не было бы ни общества, ни человека (большие ценности) во всём их многообразии.

Высшей степенью развития индивида, по сути, является личность. Однако жизнь личности духовно многогранна, у неё есть как «светлые» гуманистически направленные (возвышенные или высшие), так и «тёмные» (низменные или низшие) стороны.

Духовность личности – это возвышенная сторона личности. Стремление к этой стороне есть путь к духовности. Проявление этого стремления можно обнаружить в конкретных характеристиках поведения личности, соответствующих сложившимся в обществе универсальным ценностно-мировоззренческим установкам и представлениям о духовности, носящим конкретно-исторический характер.

Г. В. Ожиганова выделяет понятие «духовная личность», под которым понимает личность, обладающую высокой нравственностью [139]. На наш взгляд, категория «духовность» включает в себя не только нравственную сторону жизни личности, но и её мировоззрение, отношение к миру в целом, понимание целей и смысла своей жизни, носящими гуманистический характер. Стремясь к жизненному благу, личность соизмеряет в этом стремлении свои поступки со сложившимися в обществе духовными (возвышенными) смыслами, ценностями, идеалами. Это даёт ей возможность обосновать свои поступки, осознать цели, которые она ставит перед собой.

Духовная личность – свободная личность. Социальная ценность свободы заключается в возможности самореализации личности в воплощении своего потенциала и имеющихся возможностях этот потенциал реализовать. Свобода предполагает как возможность, так и способность выбора. Причем последняя должна располагать критериями, формируемыми в связке с какой-либо системой ценностей и норм, которые определяют представления личности о предпочтительном и недостойном. Однако границы свободы предполагают

ответственность личности. Свобода и ответственность – понятия неразделимые. Об этом пишет философ М. А. Пушкарева [155].

Мы разделяем мнение А. Конт-Спонвиля о том, что «духовность есть одно из измерений человеческой сущности» [92, с. 171].

Центральным компонентом духовности личности, играющим определяющую роль в выборе варианта поведения деятельности, является его чёткая социальная самоидентификация, отношение к миру, к группе, с которой личность себя идентифицирует, к обществу в целом, к его ценностям и институтам, нормам и практике их применения, а также к собственному поведению.

Следует согласиться с С. Б. Токаревой в том, что «открытие духовной сферы, в том числе и в личном плане (то есть каждым конкретным индивидом в себе), отзывается нравственно-обостренным отношением человека к миру и к себе самому» [192, с. 221].

Духовная жизнь и культура общества неразрывно связаны между собой [21]. Центром или «осью» духовной жизни общества является общественное сознание. Оно, формируемое бытием общества в процессе духовного и материального производства, – надличностно.

Идеи, рожденные в индивидуальном сознании индивида, проникают в общественное сознание, далее они попадают в индивидуальное сознание другого индивида (при условии, что они ею востребованы) и проявляются в ней не как индивидуальный, а как общественный опыт. В индивидуальном сознании отражаются порождённые социальной средой (группой, обществом в целом) значимые и противоречивые смыслы и символы, разноплановые ценности и нормы, выработанные в ходе его развития. В процессе их освоения личность может выбрать следующее: формировать и развивать свою духовность или подавлять духовное в себе. Формы освоения могут быть разнообразными: мифологическими, религиозными, философскими, научными, художественными. Следует отметить, что индивидуальное сознание личности – относительно самостоятельная система и не зависит всецело от общественного сознания. Индивидуальность личности обусловлена особенностями нейрофизиологии, генетики, психики и т.д., а также её

индивидуальной социокультурной памятью, формируемой в рамках общественного сознания.

Составной частью общественного сознания является социокультурная память, включающая в себя зафиксированные совокупные результаты человеческой деятельности, достижения и неудачи исторического развития общества, их оценки и «уроки» прошлого, отражённые в смыслах, ценностях и нормах. Следует согласиться с С. А. Храповым, отмечавшим, что «содержанием общественного сознания является то, что зафиксировано, “о-сознано” обществом в настоящее время, в конкретный исторический период его существования» [219, с. 40]. Индивидуальное сознание делает возможным функционирование общественного сознания.

На наш взгляд, осознание действительности индивидом и обществом невозможно без социокультурной памяти, которая организует общественную жизнь и влияет на духовное формирование личности. Представляется, что социокультурная память является необходимой частью общественного сознания. Предполагается также, что общественное сознание – это некая аналогия сознания человека. Оно при восприятии нового ищет в своей памяти что-то, что человеку поможет понять это новое. Можно допустить, что общественное сознание представляет собой актуализируемое в определённый период времени содержание социокультурной памяти как реакцию на новую ситуацию в жизни общества. Какая-то часть содержания социокультурной памяти выходит на «авансцену», а какая-то остаётся «в тени». Творчески постигая достижения прошлых поколений и отражённую в современности преемственность, индивид формируется как личность, которая способна развиваться духовно. Это может происходить благодаря осуществлению ценностно-осознаваемой ею общественно полезной деятельности, приводящей и к определённым индивидуальным достижениям. Однако во всём объёме социокультурной памяти имеются противоречивые идеи и смыслы, разноплановые ценности, которые могут толковаться одной личностью как возвышенные, а другой – утопичные или вредные, например, идеалы коммунистического общества или идеал свободной личности. Более того, у одной

и той же личности даже за короткий период времени может происходить смена одних взглядов на противоположные. На такое состояние личности во многом влияет общественное мнение, формируемое средствами коммуникации посредством транслирования и интерпретации актуальной для общества социальной информации.

Как правило, общественное признание тех или иных смыслов и ценностей связано с их пользой в обыденной жизни для большинства людей. Но это не значит, что с такой установкой людям закрыт путь к духовности. Стремление к духовности – не декларируемое, а реальное и может потребовать от личности определённых ограничений и даже жертвенности, например, отказ от каких-то удовольствий. В отличие от стремления к материальному успеху, мерилom которого являются количество денег, формирование духовности личности связано со стремлением к ценностям, не измеряемыми деньгами, а к ценностям, носящими ярко выраженный гуманистический характер.

В современной России наиболее простым, доступным и одобряемым способом выражения стремления личности к духовности является её приобщение к религиозной традиции. Однако религия является лишь одним из способов духовной жизни. Светская духовность – явление более сложное, и должно рассматриваться как проявляющееся в личности стремление к мудрости, которое в той или иной степени находит отражение в её поведении.

Понимание, что такое «хорошо» и что такое «плохо», зависит от культурного опыта конкретной личности, но на такое понимание оказывает влияние и общественный опыт, в той или иной степени, воспринятый ею и ставший её знанием. На самооценку и на эмоциональное состояние личности, на то, как она мыслит и поступает, оказывает влияние то, что она читает, с кем общается, работает и отдыхает, а также множество других факторов. Через общение посредством языка общественное сознание проникает в индивидуальное и наоборот.

Социокультурную память можно представить как сохраняемый общественный опыт («мудрость общества») на основании которого и формируются

нравственные убеждения личности. Воспринятый из социокультурной памяти опыт может способствовать формированию духовности, но может также препятствовать этому процессу. Так, при желании разбогатеть современная личность может использовать опыт прошлого и воспроизвести в своём поведении способы, которые возвышенными назвать нельзя. Опыт, сложившийся в определённых группах негативных социальных практик, также может передаваться от поколения к поколению. Например, способы получения прибыли, «играя» на низменных проявлениях человеческой природы.

Необходимо учитывать, что представление в обществе о различных аспектах опыта прошлого подвижно: то, что в определённый период времени признавалось злом, в другом может считаться благом. Вместе с тем для понимания того, что возвышает личность, необходимо осознание и того, что ведёт к её принижению и деградации.

Особую роль во влиянии на формирование духовности личности следует отнести механизмам формирования социокультурной памяти. Они не только транслируют зафиксированный опыт прошлого, но и выявляют, посредством его переосмысления, важнейшие ориентиры (смыслы, ценности и нормы), которые призваны определять жизнь общества и личности в современной действительности.

Направляющая и настраивающая деятельность механизмов формирования социокультурной памяти влияет на отношение личности к жизни. Вместе с тем их функционирование способно оказывать и противоречивое воздействие на формирование духовности личности.

Воздействие механизмов формирования социокультурной памяти у разных людей вызывает различные реакции, на кого-то они влияют, имеют для них смысл и способствуют формированию и достижению личных целей, а на кого-то нет. Во многом это связано с тем, что на восприятие личностью данных механизмов влияют её убеждения и опыт, в соответствии с ними она интерпретирует транслируемые механизмами те или иные аспекты содержания социокультурной памяти.

Следует также учитывать, что хранящиеся в социокультурной памяти смыслы, ценности и нормы новыми поколениями постоянно подвергаются пересмотру; в этом процессе задействуются все пути формирования социокультурной памяти. Особенно жёстко такой пересмотр происходит в периоды кризисов, в переломные периоды истории общества. При социальных потрясениях переоценка ценностей становится более субъективной и подвижной, может меняться на противоположную; прежние идеалы зачастую объявляются ложными и могут полностью отрицаться. Другими словами, происходит разрушение ценностных основ общества и общественного центра, которым традиционно считается государство. В индивидуальном сознании искажается картина мира, изменяется социальная самоидентификация, во внутренний мир личности в таких условиях вносится хаос.

В зависимости от своих интересов разные социальные группы готовы транслировать в настоящее и будущее разные идеи и ценности из прошлого. Периодическая смена ценностных установок ставит под сомнение существование какого-то постоянного идеала духовности. В социокультурной памяти социальные группы находят обоснование своей позиции по отношению к сложившимся ценностям, а также на ту или иную форму организации общественной жизни. В таких условиях влияние социокультурной памяти на личность становится противоречивым. Основной причиной этого является наличие в социокультурной памяти по-разному оцениваемых и интерпретируемых событий и ценностно-мировоззренческих представлений и установок.

Для российского общества характерны разноплановость и противоречивость социокультурной памяти. Ценностно-нормативная сфера личности выступает в качестве первостепенной характеристики субъективного, духовного мира личности. По мере развития и обогащения данная сфера личности обретает все большую самостоятельность от внешних воздействий и принуждения. Личность обладает способностью к самостоятельным суждениям о разных сторонах как своей жизни, так и жизни общества. Отношение к памяти разное, общество расколото (например, на имперцев, на либералов, верующих и неверующих или

даже на тех, кто «ни за что и ни за кого» и т.д.). Но консолидация российского общества с точки зрения понимания прошлого и будущего России необходима, чтобы справляться как с внутренними, так и внешними вызовами.

Социокультурная память, входя в сложный комплекс социальной действительности, выступает значимой детерминантой духовного формирования личности. Общий духовный опыт, который включает в себя значимые и противоречивые смыслы, символы, разноплановые ценности, нормы, социальную информацию, события и факты, достижения культуры, сохраняемые в обществе и передаваемые из поколения в поколение (даже если они не зафиксированы формально), в той или иной степени влияют на формирование сознания индивида и его поведение. Духовность личности обуславливаются социальной средой и складывающейся в ней культурой с актуальными в настоящем «следами прошлого». Социокультурная память должна приниматься во внимание при анализе факторов, влияющих на духовное формирование личности.

Подводя итог данного параграфа, отметим следующее:

1. Обосновано, что социокультурная память формирует и актуализирует определенную духовную картину мира, детерминирует нравственное поведение личности и сохраняется как общий духовный опыт, который включает в себя значимые и противоречивые смыслы, символы, разноплановые ценности, нормы, социальную информацию, события и факты, достижения культуры, служащие в качестве ориентиров для формирования в конкретном обществе и в индивиде устремлённости к духовно-нравственному развитию, а также направленные на поддержание идентичности данного общества и его становление в качестве целостной саморазвивающейся социокультурной системы.

2. На основе анализа различных подходов к пониманию духовности личности, выявлено, что ценностно-нормативная сфера личности выступает в качестве первостепенной характеристики её субъективного, духовного мира. По мере развития и обогащения данная сфера приобретает все большую самостоятельность в отношении внешних воздействий.

3. Обосновано, что духовность личности проявляется в её стремлении

к формированию и развитию в себе возвышенных сторон человеческой жизни. Категория «духовность» включает в себя не только нравственную сторону жизни личности, но и её мировоззрение, отношение к миру в целом и к прошлому, понимание целей и смысла своей жизни, которые носят гуманистический характер, а не ориентированы лишь на материальную сторону жизни и социокультурная память в данном контексте выступает одним из ключевых источников становления духовной личности.

1.2. Функции, структура социокультурной памяти.

Институты социокультурной памяти

Исследование функций социокультурной памяти помогает лучше осознать её сущность и значение в жизни человека и общества, а также способствует системному анализу памяти. В практическом аспекте понимание функций социокультурной памяти даёт возможность составить продуманные, ясные, долговременные программы, найти приоритетные направления деятельности тех, кто призван реализовывать данные функции.

Термин функция (от лат. *functio*) понимается как «деятельность, исполнение» [209, с. 485]. Между исследователями в определении классификаций функций памяти до сих пор нет единства.

Выделение функций социальной памяти некоторыми авторами осуществлялось параллельно с определением видов памяти и производно от них. Так, Я. Ассман [9, с. 73-74] выделяет два вида культурной памяти: 1) «холодная», которая воссоздает образ прошлого как «вечного настоящего», реализует консервативную функцию сохранения и поддержания настоящего положения вещей; 2) «горячая» – направлена на динамику, развитие и сосредотачивается на уникальном и неповторимом – поворотных моментах истории: взлёте, упадке и становлении [226].

В. В. Красных отмечает совпадение функций культуры и культурной памяти. Предложенная автором классификация включает их общие функции: «конгломерирующую, дифференцирующую, идентифицирующую,

легитимирующую» [96, с. 73]. Конгломерирующая и дифференцирующая функции связаны с межкультурной коммуникацией. Легитимирующая функция задает определенную (должную) систему ценностей, оценок, ценностных установок. Благодаря идентифицирующей функции возможны культурная идентификация и самоидентификация личности, а также культурная идентификация того или иного феномена.

А. В. Верещагина, В. Н. Нечипуренко, С. И. Самыгин предлагают свою классификацию функций социальной памяти, которая передает знания о прошлом; формирует культурную компетентность (включая коммуникативную компетентность, то есть способы понимания определенных символов); демонстрирует модели поведения, которые важны с точки зрения групповой позиции; транслирует групповые ценности, которые считаются важными и, следовательно, достойными сохранения; передает информацию о фактической или предполагаемой (мифической или легендарной) истории (происхождении) и структуре группы; является фактором воспроизводства групповой идентичности; является фактором формирования отношений между соседними группами (в том числе между доминирующей группой и подчиненными группами); выражает какую-то идеологию (или социально-политические интересы); может быть способом узаконить власть; является фактором формирования будущего путем создания конкретной, относительно стабильной траектории групповой истории [41].

В целом, признавая обоснованными рассмотренные классификации, мы представляем обобщенную и, на наш взгляд, более полную классификацию функций социокультурной памяти: идентификационную, ценностно-мировоззренческую, коммуникативную, защитную, нормативно-регулятивную, культуротворческую, объяснительную и легитимирующую.

Первая среди выделяемых нами функций социокультурной памяти – идентификационная. Она чаще других отмечается всеми исследователями. А. Г. Васильев писал, что поиск идентичности стал одной из черт современности [213, с. 56].

Именно в этой функции выражается взаимосвязь социокультурной памяти с

культурным, духовным наследием. Идентификационная функция является хранителем идентичности общества. Проблемы идентичности приобрели особую значимость в условиях глобализации [170].

М. Л. Шуб отмечает, что в процессе идентификации, связанной с самоотождествлением личности или группы на какой-либо основе, например, на культурной, формируется своя уникальная идентичность [233, с. 72].

Идентификационная функция позволяет обществу и отдельным его индивидам находить общезначимое и ценное для них прошлое, создавая фундамент своего существования «здесь и теперь», тем самым придавая смысл своему существованию и развитию в будущем. Заметим, что понятие «мгновение» только в том случае является прекрасным, когда воссоединяет культурное прошлое и будущее.

С. И. Лошкарева-Имгрунт, исследовав семантические грани понятий «идентичность» и «идентификация», сделала вывод о том, что «понятие идентификации семантически коррелирует главным образом с процессуальным аспектом связи личности и социальной общности, а понятие идентичности – с аспектом относительно фиксирующегося результата этого процесса» [111, с. 94-95]. Для современной личности проблема идентичности становится важной составляющей осознания своего «Я». Это связано во многом с утратой в современном мире стабильных норм социокультурной определенности, которые в прошлом предоставляли традиционное общество. Г. Р. Гарипова пишет, что в современности осознание человеком своего «Я» происходит через информационное взаимодействие и отношения. Она обращает внимание на то, что «в перспективе общество нового типа стремится не к “Одномерности”, а скорее к “Многомерности мира” в едином информационном пространстве» [49, с. 22].

Следует отметить, что во многом проблемы идентичности связаны с социокультурным кризисом, который имеет место не только в России, но и в большей части мира. В общественном сознании и в общественной жизни он (кризис) проявляется в виде отказа от хранящихся в социокультурной памяти идентификационных образов и стилей, сформированных в прошлом и традиционно

передававшихся от поколения к поколению. В социокультурной памяти в настоящее время формируются новые идентификационные образы и стили. Это происходит в условиях дальнейшей информатизации мирового социокультурного пространства, когда у индивида появляется возможность формировать свою индивидуальную идентичность в едином пространстве мировой культуры и социальных взаимодействий, выбирая, например, соответствующие группы в социальных сетях и пытаться идентифицировать себя с ними.

В условиях десакрализации культуры и плюрализма моделей социокультурной идентичности, предоставляемых современным обществом, процесс идентификации индивида значительно усложнился. Уже в самом начале нынешнего столетия авторы говорили о том, что индивид, всё более освобождаемый от социальных связей благодаря технике и технологиям, становится самодостаточен и перестаёт испытывать потребность лишь в одной групповой идентификации [238]. На наш взгляд, данная тенденция получила дальнейшее развитие. А. И. Каптерев отмечает: «Легкость погружения в различные ценностные подсистемы, ...смена подходов, терминов и концепций способна усилить мозаичность сознания личности даже в одной предметной области, не говоря уже об образе мира в целом» [83, с. 265]. Данный фактор осложняет процесс идентификации личности, привносит в него «субъективность» в смысле отдалённости от «единой интерпретации» социокультурной реальности.

Необходимо также понимать, что общество и составляющие его группы, а также и личность, развиваясь во времени, всегда что-то сохраняют в себе как некий культурный «багаж», и попытка отказаться от него, как следствие, ведёт к потере идентичности и искажению восприятия социальной реальности. В качестве такого «багажа» и следует рассматривать социокультурную память, являющуюся основой преемственности в обществе.

Г. М. Галмагова и М. Н. Кокаревич выделяют социокультурную идентичность и отмечают её отличительные особенности. Они пишут, что «индивидам, являющимся членами конкретного общества, предоставляется возможность получать опыт прошлых поколений, а также находить и извлекать из прошлого

опыта ответы на проблемы настоящего» [47, с. 49]. М. З. Магомедова отмечает, что идентичность выступает символическим средством объединения с одними и дистанцирования от других [118]. Учёный также выделяет позитивную и негативную идентичность.

Данные взгляды подчёркивают специфику и важность этнокультурной идентификации. Однако наряду с этим видом существуют и другие виды идентичности. Примером может служить религиозная идентичность в монотеистических религиях, признаваемых как традиционные и создававшиеся как религии, универсальные для всех людей независимо от этнического происхождения и уникальности культуры отдельного этноса. Поэтому, на наш взгляд, проблема сложнее и требует осознания складывающейся социальной ситуации в мире, отдельных регионах, странах и ситуации внутри отдельной страны. Существование разных видов идентичности и, соответственно, их измерений, а также их гармоничное сочетание в социальных взаимодействиях становятся важной особенностью формирования современного общества.

С. Московичи подчёркивал: «Общества просто приходили бы в упадок, если бы не существовало возможности объединить людей интересами, если бы не было тех идей и ценностей, в которые они верят и которые объединяют их общей пристрастностью и передаются из поколения в поколение» [134]. Х. С. Вильданов также выделяет «идентификационное содержание ценностей» [43, с. 214].

Актуализация определенных аспектов социокультурной памяти позволяет индивиду, группе как дифференцироваться от иных социальных субъектов, так и интегрироваться с обществом в целом. Данный процесс может продолжаться из поколения в поколение.

Значимость данной функции можно подтвердить фактами. В современной России наблюдается рост интереса людей к своему прошлому. Объяснить данную тенденцию можно усилением в общественном сознании именно идентификационной функции социокультурной памяти. Данное усиление осуществляется в том числе мерами, предпринимаемыми государством в рамках культурной политики с помощью разнообразных коммеморативных практик

(публичных торжеств, ритуалов, праздников и т.п.). Издание политико-правовых актов, устанавливающих государственные праздники, связанные с важными историческими событиями, придают этим событиям идентификационное значение. Например, речь идет о таких праздниках, как 4 ноября – День народного единства, 9 мая – День Победы в Великой Отечественной войне и др. В современной России общество пытается извлекать уроки из прошлого, происходит осмысление отношения к Октябрьской революции, к годам большевизма, к событиям 90-х годов прошлого века и системе сложившихся ценностей. Примерами идентификационных процессов в традиционных религиозных общностях является паломничество в святые места, почитание святых и т.д. Социокультурную память, актуализируемую в общественном сознании, следует считать важнейшим ресурсом идентичности индивида, группы и общества. На наш взгляд, первостепенной задачей является развитие единой российской идентичности, в основе которой, прежде всего, лежит гражданственность [153]. Социокультурная память интегрирует все основные характеристики духовного производства и воспроизводства культурного человека. Она в этом плане детерминирует процесс духовного становления личности и общества.

Таким образом, идентификационная функция социокультурной памяти реализуется при формировании у общества представлений о его прошлом, способствуя тем самым его идентификации и интеграции.

Вторая выделяемая нами функция социокультурной памяти – ценностно-мировоззренческая функция, которая отражает важнейшее качественное состояние общества. Уже в детстве у индивидов появляются идеалы, образы личностей, которые они высоко ценят и хотят им подражать. Индивидуум в процессе жизни и деятельности, вступая в социальные отношения, становится общественным, социальным существом, т.е. личностью [74], [250], [78], [92]. Речь идёт о конкретном человеке, члене группы, общества, находящемся в определённых отношениях с другими людьми. Достаточно сильное влияние на личность оказывают её принадлежность к конкретной группе, обществу и жизнь в определённую историко-культурную эпоху. При этом, обладая общими чертами

с людьми своего этноса, своей социальной группы, каждая личность имеет свои особенности, делающие её неповторимой индивидуальностью [174], [162]. В сознании личности формируются убеждения, т.е. определённые взгляды на то, что совершается вокруг неё, и на свою деятельность. Система взглядов личности на мир, на общество и на саму себя получила название «мировоззрение» [228], [158]. В мировоззрении личности формируется индивидуальный взгляд на систему ценностей, имеющих в общественном сознании и социокультурной памяти. Для жизни в обществе во внутреннем мире человека должен сложиться набор определённых ценностей и норм как основание развития интеллектуальных, моральных и волевых качеств, выраженных в социальном поведении.

Процесс передачи от поколения к поколению всего того, что представляло ценность и влияло на жизнеустройство людей, развивался на протяжении всей истории человечества. А. Я. Гуревич писал, что «в каждом обществе на данной стадии развития существуют специфические условия для структурирования индивидуального сознания; культура и традиция, язык, образ жизни и религиозность образуют своего рода “матрицу”, а в ее рамках формируется ментальность» [203, с. 520]. В ходе развития человечества на социальное поведение отдельного человека стало влиять множество факторов, и их совокупность определяла форму жизнедеятельности всех людей, живущих в условиях определённой исторической эпохи и формирующейся цивилизации.

Следует осознать тот факт, что в ходе истории одна ценностная система противопоставлялась другой, мировоззренческие принципы одних сообществ противопоставлялись принципам других сообществ. Например, эллины, противопоставляя себя варварам, стремились показать превосходство своих ценностей и всячески обесценить «варварские». В крайней форме такое противопоставление порождало мысль о превосходстве одного народа над другим, и негативные последствия таких идей всем хорошо известны.

А. Маслоу в своей теории потребностей человека выделил сферу высших потребностей, включив в неё мегапотребности и метаценности. Утрата человеком ценностных ориентиров и неудовлетворение мегапотребностей приводят к

метапатологии, включающей в себя нигилизм, цинизм, ощущение бессмысленности жизни, чувство отчуждённости от окружающего мира, недоверие к другим людям, безнадёжное отношение к будущему [124]. На наш взгляд, готовность личности пожертвовать личным благом ради общественного является важнейшей ценностью и индикатором отношения личности к обществу и созданной в нём социальной системы. При этом степень ориентированности социальной системы на благо отдельной личности также является важным критерием её характеристики.

Ранее мы отмечали, что личность, как правило, идентифицирует себя с тем обществом, в котором живёт. Под влиянием общественного сознания личность осмысливает и переосмысливает свое место в обществе, впитывая в себя в той или иной степени выработанные и воспроизводимые обществом нормы и ценности.

Социокультурная память, по сути, представляет собой «резервуар», из которого черпается материал для формирования общественного сознания и конструирования социальной реальности. Общественное сознание, вбирая в себя разные формы индивидуального сознания, становится противоречивым, а по отношению к социокультурной памяти оно тем не менее избирательно.

Таким образом, социокультурная память постоянно проявляется в разных формах индивидуального и общественного сознания. С одной стороны, в памяти индивида и общества присутствуют традиции, идеалы, ценности, с другой стороны, в обществе на основе опыта прошлого идёт постоянный процесс формирования новых ориентиров для формирования поколений будущего.

Третья выделяемая нами функция социокультурной памяти – коммуникативная. На формирование социокультурной памяти влияют особенности социальной коммуникации, сложившиеся в том или ином обществе. Без коммуникации, которая осуществляется посредством передачи социальной информации от поколения к поколению, невозможны никакие формы взаимоотношений и деятельности.

Исследователи в целом сходятся во мнении, что память как составная часть сознания индивидуума формируется и развивается в конкретной социальной

группе в процессе деятельности и общения [86], [104], [167]. Люди в рамках социальной группы взаимодействуют и влияют друг на друга. В ходе общения у них могут формироваться общие взгляды и оценки: 1) на события, происходящие в своей и других социальных группах; 2) на поведение отдельных членов своей и иной группы. Другими словами, совместная деятельность, коммуникация и общение в определённой мере сплачивают социальные группы и общество в целом.

На сегодняшний день без умения воспринимать и перерабатывать информацию, представляемую в разных формах, индивид просто не сможет адаптироваться к современным реалиям. Информация индивиду необходима не только в связи с вопросами производства и удовлетворения своих материальных и духовных потребностей, но и для того, чтобы иметь возможность сформировать позицию по ключевым вопросам общественной жизни, национальной истории, содержания социокультурной памяти. Речь идёт о социализации индивида, о формировании гражданственности. Необходимо отметить, что адресатом рационального способа передачи информации является не пассивный исполнитель, а осознающая свою социальную ответственность, деятельная высокодуховная личность [114].

Коммуникативная функция должна способствовать формированию взаимопонимания между её участниками. Основу коммуникации должны составлять общие, понимаемые одинаково значения получаемой субъектом информации, закреплённые, прежде всего, в языке и образах, хранящихся в социокультурной памяти. Однако в коммуникации важен уровень предпонимания, который формирует социокультурную память. О. П. Хорошавцева отмечает, что «сохранение культуры связано с необходимостью сохранения и передачи культурной информации каждому поколению» [217, с. 354].

Широкую известность приобрела общая теория коммуникаций канадского социолога и культуролога Г. Маклюэна [256], писавшего, что развитие коммуникативных средств влияет как на развитие культуры, так и на смену исторических эпох. В первобытный период развития человеческое общение было ограничено рамками устной речи и мифологического мышления, что придавало

окружающему человека миру целостность, но в то же время локальность и изолированность.

Н. Луман считал, что коммуникация возникает тогда, когда кто-то видит, слышит, читает и понимает, что именно здесь могла последовать дальнейшая коммуникация [115, с. 11].

Так, появление новых электронных средств коммуникации способствовало изменению форм социальных коммуникаций и, как следствие, появлению в Сети у индивида квазидрузей, объединение в квазисообщества и квазиобщества и т.д. Б. А. Осипова пишет, что речь идёт «уже не о локальных коммуникативных обществах, а о мировом коммуникативном сообществе, не об отдельных коммуникативных связях, а о глобальном коммуникативном пространстве... в котором, при тотальном погружении в коммуникации, все отчуждены ото всех» [141, с. 128]. Кроме того, информатизация социокультурного пространства способствует не только расширению возможностей получения полезной информации, содержащейся в социокультурной памяти, но и накапливаемой в ней дезинформации и деструктивной информации. По мнению О. К. Валитова, «информационный рынок поставляет такое обилие новых интерпретаций истории и современности, такое разнообразие технологий воздействия на людей, которое лишает их последних прочных ценностных ориентиров, окончательно превращает в благодатный материал для манипуляций» [35, с. 24].

Современные масс-медиа, создавая в обществе условия «тотального завораживания» [176, с. 10], стали серьёзным фактором формирования современной культуры и в определённой степени социальной реальности. Построение виртуальных образов «общества потребления» способствовало укоренению в общественном сознании отношений «купли-продажи» в качестве основы или стержня жизни современной России.

Таким образом, коммуникативная функция неслучайно входит в тройку основных функций социокультурной памяти. Роль этой функции возросла с появлением электронных технологий и формирования новых медиа ввиду их доступности и суммарного воздействия на общество и индивида. Одновременно

появилось больше возможностей для манипуляционного воздействия, т.е. формирования и трансляции мифов и иллюзий.

Четвертая выделяемая нами функция социокультурной памяти – защитная функция. Для самосохранения группа и общество актуализируют такое содержание социокультурной памяти, которое позволяет им воспроизводить в общественном сознании наиболее важную систему ценностей и норм поведения. В них возвышается сакральное и героическое и принижается негативный, пораженческий опыт прошлого. Реализация защитной функции социокультурной памяти стала одной из наиболее значимых целей гуманитарной мысли после потрясений XX века.

Социокультурная память может обеспечивать защиту от воздействия на общественное и индивидуальное сознание деструктивной и дестабилизирующей информации, особенно в периоды социальных изменений. Опора на опыт прошлого позволяет стабилизировать сознание общества и индивида. Благодаря осознанию себя частью культуры общества индивид может почувствовать себя в условиях относительной безопасности и стабильности. Возникновение семьи, государства, языка, религии, права, морали, экономики, образования, науки, медицины и других элементов культуры явилось ответом на проявление угроз извне. В современном обществе индивида могут преследовать чувства неясности своего настоящего и неопределенности будущего. Обращение к прошлому, «работа памяти» становятся своего рода социокультурной компенсацией (индивидом и социальной группой) травмирующего воздействия повседневности. Зачастую реально понять настоящее помогает прошлое. Погружение в культуру может сопровождаться у индивида активизацией защитных механизмов, чувством оптимизма и жизненной перспективы. В обществе и государстве с новым витком технологического развития происходят различные изменения, и, согласно распространённой поговорке, «новым будет всего лишь хорошо забытое старое».

Таким образом, защитная функция социокультурной памяти позволяет индивиду, соприкасаясь с проблемами настоящего, находить их решение в культурном опыте прошлого, понять то, что происходит именно сейчас и что может

произойти в будущем. Защитная функция социокультурной памяти позволяет человеку и психологически, и фактически ощущать себя в относительной социальной безопасности.

Пятая выделяемая нами функция социокультурной памяти – нормативно-регулятивная функция. Данная функция включается в классификацию в связи с тем, что социокультурная память предоставляет возможность обществу, группам, индивиду, опираясь на опыт прошлого, устанавливать социально одобряемые и неодобряемые модели поведения.

По сути, общественное сознание представляет собой своеобразный «договор» индивидуальных сознаний в определённой ситуации на базе культуры, уровня развития которой удалось достичь в момент его заключения в том или ином обществе. Подобный договор подлежит постоянному пересмотру. При этом преемственность в перезаключении таких «договоров» обеспечивается именно социокультурной памятью ввиду того, что опыт жизнедеятельности людей постоянно пополняется, социально оценивается и отбирается. Он может передаваться в устной форме от человека к человеку или (после прохождения этапа знаковой символизации) распространяться в общественном сознании.

Следует отметить, что более подробно функция социального регулирования общества рассматривается в рамках социальной философии и философии права.

Шестая выделяемая нами функция социокультурной памяти – культуротворческая функция. Культура в целом является общей, сквозной характеристикой, раскрывающей качественную сторону деятельности человека, в которой отражены его формирование как биосоциального существа и то, в какой мере характеристики социальной деятельности индивида можно сопоставить с потребностями, нормами и традициями общества. Социальная деятельность человека, осуществляемая в определённом культурном пространстве как в сфере, прежде всего, духовной жизни общества, во многом связана с извлечением опыта прошлого и использования его для решения современных проблем. Культура создается благодаря социальному действию. А. Я. Зарипов и Ф. С. Файзуллин отмечают, что «социальное действие, направленное на преобразование

общественного бытия ...имеет тенденцию закрепляться в социальной памяти, откладываться в научных исследованиях, в культурной сокровищнице народов» [71, с. 149]. При этом культура производна от социальных взаимосвязей и, по сути, является их продуктом [220].

Человек, в отличие от животных, способен сформировать искусственную среду – культуру и сложную систему социальных взаимодействий – общество [7], [135]. Животное движется в тесном круге своих природных потребностей, а человек развивает границы природы и устремляется к «универсальной чувственности» [207], или духовности. Чтобы выжить, не имея запрограммированного поведения, человек вынужден обучаться социальным навыкам и умениям. Каждое новое поколение обучается на более высоком уровне по сравнению с предыдущим. Таким образом накапливались и углублялись знания. С момента появления «человека разумного» заканчивается биологическая и начинается социокультурная эволюция человека. Социальные формы жизни человека – продукт культуры, но и культура – продукт общества, продукт человеческой деятельности. Именно индивидуальные способности личности позволяют ей создавать, творить и воспроизводить культуру.

Культуротворческая функция реализуется и духовной деятельностью по возрождению созданного в прошлом (но забытого) и по созданию нового (например, какого-либо произведения культуры) для удовлетворения потребности общества в актуализации достижений прошлого в современных формах. Например, в последнее время в моду входит одежда с этническими элементами. Культуротворчество может осуществляться индивидом, группой, социальным институтом. Всё общество и все люди, его составляющие, в ходе своей жизнедеятельности в той или иной степени вовлечены в реализацию этой функции.

Когда мы говорим о культуротворческой функции, то имеем в виду результаты деятельности учёных, художников, писателей, которые остаются в памяти поколений. Однако культуротворчество присутствует и в практической деятельности крестьянина, рабочего, ремесленника и предпринимателя.

Любая полезная для жизнеобеспечения общества практическая деятельность

и опыт, связанный с ней, пополняют «копилку» социокультурной памяти, являющейся «фундаментом» здания социокультуры. Сюда следует отнести события в истории общества и опыт, фиксируемый также и в исторической памяти о реформах, революциях и войнах, о деяниях правителей и последствиях такого правления для общества и др.

Как уже отмечалось, общество и составляющие его группы, а также и личность, развиваясь во времени, всегда что-то сохраняют в себе как некий «багаж», и попытка отказаться от него может привести к утрате чего-то важного для личности и общества, например, потере идентичности и искажению восприятия социальной реальности. В качестве такого «багажа», подчеркиваем, и следует рассматривать социокультурную память, являющуюся основой преемственности в обществе. При этом каждое поколение по-своему рассматривает память о прошлом социума и его культуры, пытаясь внести в него своё понимание. Оно в своей деятельности, как правило, возвращается к «старому», но уже на новом качественном уровне, чему способствует преемственность, которую обеспечили следующему поколению их предки.

В результате взаимодействия социального опыта и культуры складывается важный элемент социокультурной памяти – культурное наследие. Официальное определение понятия «культурное наследие» зафиксировано в Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 года [90]. Понятие «культурное наследие», если сказать коротко, включает в себя всё то, что было создано в конкретном обществе, включая как материальную, так и духовную составляющую; оно, соответственно, шире понятия «социокультурная память». В отличие от культурного наследия, в социокультурной памяти общества сохраняется именно духовная составляющая (смыслы, ценности, нормы) наследия прошлого.

Материальное воплощение духовных идей часто носило знаковый характер, их «опредмечивание» выполняло задачу придания им статуса непреходящей ценности и демонстрировало необходимость их сохранения для последующих поколений. Например, храмы могли разрушаться, но если в обществе или какой-то

её группе сохраняется духовная идея, то разрушенные храмы, воплощающие эту идею, восстанавливаются.

Отношение к социокультурной памяти зависит от состояния духовности общества. Можно приводить разнообразные примеры варварского отношения к прошлому. Особо показательным может служить пример отношения к памятникам советским воинам-освободителям в современной Европе [27]. В настоящее время в Европе фиксируются многочисленные факты их осквернения или показательного-варварского сноса; при этом разрушается нравственная составляющая деятельности по их созданию.

Благодаря культуротворческой функции социокультурной памяти общественное и индивидуальное сознание наполнено идеями, символами, нормами, принципами, рождёнными в обществе в прошлом для организации совместной жизни людей в настоящем.

Седьмая выделяемая нами функция социокультурной памяти – объяснительная функция. Она способствует созданию пространства образов, смыслов и опыта. Объяснительная функция осуществляется при взаимодействии общественного сознания и социокультурной памяти. Можно сказать, что она представляет собой социокультурный фильтр, анализирующий и интерпретирующий смыслы как отражение опыта прошлого.

Последняя выделяемая нами функция социокультурной памяти – легитимирующая функция. Сущность данной функции заключается в том, что социокультурная память обосновывает право на существование того или иного феномена в настоящем, придаёт ему статус оправданного, достойного и признанного, а также утверждает его необходимость. Другими словами, данная функция подразумевает соответствие существующего порядка вещей тем ценностям, традициям, обычаям и нормам, которые составляют содержание социокультурной памяти конкретного общества, прошедшее «проверку временем».

Отдаляясь от многочисленных концепций политической науки, посвященных данной проблематике, следует отметить, что легитимизация складывающегося или

сложившегося порядка в обществе всегда предполагает присутствие ценностного начала в общественном сознании и общественных отношениях, так как вырастает из совместимости идеалов должного и стремлений к их воплощению у политической элиты и общества.

Легитимирующая функция социокультурной памяти проявляется в создании основ для формирования общественных отношений, ориентированных на диалог между обществом и субъектами власти, которые должны соответствовать социально-политическим и культурным ориентирам обеих сторон взаимодействия [63, с. 166].

Таким образом, функции социокультурной памяти призваны формировать духовность личности. Социокультурная память выступает результатом эволюции человеческого общества на конкретном этапе его существования. Социокультурная память сама оказывает существенное влияние на ход эволюции общества. При этом происходит формирование определенной структуры социокультурной памяти.

Полагаем, что структуру социокультурной памяти следует представить следующим образом:

1) Социокультурные ценности – «это система ценностей социальной, политической, экономической и духовной сфер общественной жизни, которые являются результатом социокультурного опыта общества в целом. Активное отношение человека к миру, формирование жизненного пространства общества, а также культурных смыслов проявляются в опыте социального взаимодействия» [131, с. 528].

2) Социокультурные нормы – «это общезначимые долговременные требования к индивидам, социальным группам и обществам, которые отражают их социально-значимые обязанности (гражданские, семейные, общечеловеческие и др.). Они являются важной частью правил, в соответствии с которыми должна развиваться общественная жизнь» [131, с. 528].

3) Информационная система социокультурной памяти – «это специфическая надындивидуальная система социокультурной информации, существующая в современном мире со сложившимися способами воспроизведения и

распространения, а также средствами обработки, хранения и передачи информации о прошлом и знаниях о нём» [131, с. 528].

Обработка, хранение и передача информации подразумевает техническую (вспомогательную) деятельность с данными, содержащими информацию о прошлом (обработку носителей информации техническими средствами). Воспроизведение социокультурной информации подразумевает исследовательскую и интерпретационную (ведущую) деятельность, именно посредством неё разворачивается информационный процесс социокультурной памяти общества. Техническая обработка данных в этом процессе является важным, но весьма вспомогательным этапом. Субъектами информационной деятельности выступают как профессионалы (учёные, писатели, журналисты, работники учреждений культуры и архивов, государственные служащие), так и непрофессионалы (блогеры и многочисленные пользователи социальных сетей, высказывающие своё мнение в Интернете, в том числе, и в интерактивном формате). Все эти субъекты участвуют в сохранении социокультурной памяти общества, осуществляют социально-культурную деятельность [4, с. 102].

На протяжении столетий люди пытаются передать грядущим поколениям сведения, выражающие их мысли и чувства, но они оказываются мало заинтересованными будущими людьми. Зафиксированная в прошлом на материальных носителях, в виде изображений, символов и иных знаков, а позднее в письменности и других носителях информация позволяет довести до сведения ныне живущих поколений знания, ценностные установки, идеальные представления о добре и зле, которые таким образом оставили в наследство их далёкие и не очень далёкие предки.

По большей части социокультурная информация хранится в виде письменных текстов, а точнее в текстах культурно-исторического наследия. На роль текстов культурно-исторического наследия в формировании ценностно-мировоззренческих установок и менталитета обратил внимание Л. С. Васильев, который, исследуя историю Древнего Китая, писал: «... вся мудрость Китая – в его древних письменных памятниках. В них собрана квинтэссенция бесценного опыта

поколений, достижений культуры, норм человеческого общения, принципов оптимальной организации социума» [38, с. 48].

Особо следует отметить, что социокультурная память является идеальной универсалией, которая несёт в себе идеальную информацию. Однако какой бы степенью идеальности ни обладала информация о ценностях, смыслах и нормах прошлого или современного общества, она формируется, передаётся и воспроизводится (объективируется) в материальной форме благодаря материальным носителям.

Хранение источников информации (документов и вещей), формирование информационной базы научных источников (для заинтересованных пользователей), популяризация среди населения культурного наследия прошлого – вся эта деятельность представляет собой огромный и важнейший пласт не только технической, но и научной и воспитательной работы, к сожалению, недооценённой в современном обществе. В этом процессе задействованы архивы, учреждения культуры (музеи, библиотеки) и средства массовой коммуникации, новые медиа.

Архивы обеспечивают непрерывность социокультурной памяти, сохраняя документальные источники. В архивном фонде хранятся документы, образовавшиеся в процессе деятельности учреждений, организаций, предприятий, общества либо человека, семьи, рода. В фонды архивов помещают текстовые документы, несущие ретроспективную информацию, существующие в единственном экземпляре, выполненном в основном на бумажной основе. Процесс цифровизации коснулся и этой сферы, архивные документы активно оцифровываются.

Собрания опредмеченной культуры в форме разнообразных памятников (текстов, произведений изобразительного искусства, скульптур и постаментов, зданий и сооружений, других предметов, имеющих культурную и историческую ценность) оформлялись в первые библиотеки, музеи, создавая условия для коммуникации между людьми на основе смыслов, заключённых в различных памятниках, и приобщения, к социокультурной памяти. В дальнейшем данные учреждения принимали разнообразные организационные формы, однако уже

в процессе их формирования четко проявилась их важнейшая функция – это хранение имеющегося культурного наследия в виде материальных объектов, носителей информации о прошлом.

Известный музейный хранитель, академик РАН М. Б. Пиотровский считает музей главным хранителем исторической памяти. Он пишет: «В этом его [музея] уникальная роль, тесно связанная с основным назначением производить научные знания и смыслы, которые и формируют память ... нации и наций» [149, с. 1210]. В настоящее время музеи являются одной из важных составных частей социокультурной жизни и связующим элементом в системе непрерывности социокультурной памяти. Музеи призваны удовлетворять важные социальные потребности в воспитании и становлении личности путем сохранения и демонстрации артефактов окружающего мира как свидетельств социокультурной памяти. Фонды музеев наполняются наиболее ценными в вещественном отношении памятниками истории и культуры [154, с. 43]. Тем самым, по мнению О. В. Беззубовой, музей выполняет функцию конструирования единства современного общества [13, с. 79].

Среди учреждений культуры библиотеки как хранилища разнообразных документов отличаются универсальностью [20, с. 139]. В них собираются документы независимо от типа, вида и формы [2]. Однако существенные изменения в жизнь библиотеки вносит информатизация [177, с. 360]. На первый план выходит электронная коммуникация, а книжно-документальная вытесняется на периферию. При этом библиотека в аспекте сохранения социокультурной памяти «рассматривается как символ культуры, идеальное духовное начало общества, обеспечивающее сохранение и передачу культурного наследия, духовной памяти человечества» [20, с. 648]. Но сейчас достижение этой цели осложнено.

Особая роль принадлежит традиционным средствам массовой информации (СМИ) и новым медиа. Л. Г. Исаева, исследуя традиционные СМИ, отмечает, что они «порождают единое информационное пространство, консолидирующее мысли, чувства, желания людей в единое общественное мнение» [75, с. 6]. Пока что

традиционные СМИ (телевидение, радио, бумажные газеты) продолжают играть немалую, но уже не первостепенную роль в эволюции общественного и индивидуального сознания, уступая Интернету.

Основой «новых медиа» [121] являются современные виды персональных компьютеров, подключенных к сети-интернет. В настоящее время традиционные средства массовой информации включены в единую комплексную систему новых медиа, и каждый пользователь персонального компьютера или иного электронного устройства может получить к ним доступ. Более того, современный пользователь может вмешиваться в содержание формируемого контента и становиться, по сути, его создателем. Таким образом, главной характеристикой цифровых средств коммуникации стала их интерактивность [177, с. 368].

В социокультурной сфере институты складываются как способы следования накопленному общему духовному опыту, т.е. социокультурной памяти. Институты, актуализирующие в настоящем «следы прошлого», транслируемые из поколения в поколение, фиксируемые и сохраняемые в общественном и индивидуальном сознании как общий духовный опыт, следует называть институтами социокультурной памяти.

Главным критерием выделения институтов социокультурной памяти является степень их участия в сохранении духовного опыта прошлого общества. К основным институтам социокультурной памяти следует отнести следующие: институт семьи, институт брака, институт государства, институт производства, институт армии, институт образования, институт добровольчества (волонтерства).

Важнейшим социальным институтом, участвующим в сохранении и передаче социокультурной памяти и духовном формировании личности, является семья. Передача опыта прошлых поколений начинается именно в семье [160]. Преемственность поколений в семье – это естественная ситуация, позволяющая ей развиваться. Через семью сменяются поколения, в ней осуществляется «производство самого человека» [239, с. 26].

Важнейшей задачей духовного воспитания в российском обществе является формирование ответственного отношения к созданию семьи. Тенденции

неблагополучия института семьи в современном мире и в России не могут не беспокоить. Среди них следует назвать рост разводов, распространение философии childfree («свободные от детей»), пропаганда «свободной любви» и ЛГБТ и др. Всё это ведёт к разрушению традиционного института семьи как узловой «клеточки» социального организма [183, с. 93].

З. П. Васильцова подчёркивала, что на процесс воспитания в семье значимое влияние оказывало коллективистское начало организации жизни общества (особенно в сельской местности). Она писала, что «главным учителем в обществе ... было общественное мнение, опирающееся на традиционные, выработанные веками мысли о моральных и правовых нормах» [39, с. 150]. Именно в семье сыновьям и дочерям должно прививаться ощущение общности с народом, чувство ответственности за него, патриотизм и желание защищать свою Родину. Эти черты старается воспитывать в своей молодёжи каждый народ. Различны лишь способы воспитания: прежде всего это национальные традиции, обычаи и обряды, заложенные в семье, при этом большую роль играет и религиозное мировоззрение.

Социокультурная память, традиции семьи выступают важнейшими составляющими процесса воспитания, так как в них концентрированно выражаются собственно семейный опыт и его нравственные ценности, а также опыт и ценности рода, этноса, народа. В семейном опыте воспитания сохраняют своё значение и национальные традиции, составляющие богатство педагогической культуры многонационального народа России.

Семья – институт, регулирующий отношения между супругами, между родителями и детьми, а брак – это институт, который регулирует отношения между полами.

Появление института брака связано с тем, что не все виды половых отношений одобрялись обществом. Традиционно брак предполагает определенные правила поведения, например супружескую верность, взаимоподдержку супругов. Юридический аспект института брака регулирует государство, определяя отношения в нем как официальные, так и неофициальные. Также брачные отношения регулируются и культурными нормами, которые формируются

обществом и хранятся в его социокультурной памяти, а как они используются уже зависит от уровня культуры индивидов. Однако нестабильность отношений в современном обществе увеличивает количество разводов и появление различных неофициальных видов брака.

Следует согласиться, что «сегодня мудрость старших поколений является одной из реальных возможностей сохранения в чистоте хрупкого духовного мира подрастающего поколения. Именно родители целенаправленно должны готовить детей к будущей ответственной жизни в браке, приобщать их к этике и этикету будущей супружеской жизни. Если учесть, что идеология сексуальной вседозволенности и свободы отношений... разрушила сегодня многие нравственные запреты и моральные нормы, то эта проблема приобретает сегодня судьбоносную значимость для родителей, озабоченных обустройством будущего своих детей» [159, с. 169-170].

Социальное назначение института государства как организации политической власти всего общества заключается в регулировании общих дел, вытекающих из природы любого общества и преломляющихся через призму социокультурной памяти. Одной из важнейших задач современного государства стало духовное воспитание гражданина. А. П. Булкин отмечает, что государственная власть направлена «на скрепление связей между институтами, общностями, прежде всего, там, где воздействие культуры оказывается недостаточным, где нормы морали требуют подкрепления в виде права, закона, принуждения» [30, с. 23].

Основой жизни и развития конкретных людей и общества является создание материальных благ (вещей и материальных услуг). Этот процесс представляет собой материальное производство, создающее, кроме того, материальную базу для социальной и духовной сфер жизни общества.

Институт производства определяется производительными силами, экономическими (производственными) отношениями и организацией людьми материального производства. Люди, использующие орудия и средства производства, обладающие трудовым опытом и навыками, являются носителями социокультурной памяти. По сути, социокультурная память есть база для развития

и совершенствования производительных сил и передачи опыта последующим поколениям.

Важнейшим направлением внешнеполитической деятельности Российского государства является обеспечение его военной безопасности. В п. 2 статьи 10 Конституции Российской Федерации 1993 года зафиксировано: «Вооруженные Силы Российской Федерации предназначены для отражения агрессии, направленной против России, для вооруженной защиты целостности и неприкосновенности её территории, а также для выполнения задач в соответствии с её международными договорами» [91].

В России войны издревле пользовались неизменной любовью народа. Защита Родины всегда считалась одной из самых благородных стремлений. И такое отношение к своим защитникам и к военной службе отразилось на формировании социокультурной памяти и национального характера россиян. В военных походах и сражениях у воинов воспитывались наилучшие морально-нравственные качества, которые передавались новым поколениям. Верность и преданность Родине, товарищество, взаимовыручка, решительность, героизм, отвага, а также справедливость стали основой патриотизма как неотъемлемой части духовной жизни российского общества.

Роль института образования и, прежде всего, гуманитарных дисциплин для духовного формирования личности чрезвычайно важна. А. Л. Сергеев, отмечая сложность и многомерность проблемы преподавания гуманитарных дисциплин, пишет, что «качество и идейно-смысловое наполнение в существенной степени влияет на будущее страны и личностное формирование новых поколений российских граждан» [173, с. 141]. Образование призвано решать задачи сохранения и передачи знаний, ценностей и норм новым поколениям, формируя их мировоззрение и социальность. Данные задачи решались в процессе развития общества. Эти институты стали вводить детей и молодёжь в систему определённых социальных ролей через обучение. Постепенно в обществе начинают оформляться комплексы разнообразных способов и приёмов передачи социокультурных образцов, ценностей и норм.

С переходом от традиционной формы общества к современной у института образования появились две важные функции: адаптирующая (социальная) и формирующая [30, с. 25]. Формирующая функция означает в педагогическом процессе формирование и развитие человека. Термин «культурация» использовал М. С. Каган [79, с. 64], а слово «инкультурация» в своих трудах задействовали И. М. Быховская и Е. Я. Александрова, которые отмечали следующее: «очевидно, что система образования является инструментом распространения традиционных, сложившихся в конкретной системе ориентаций, моделей, образцов, которые задаются индивиду в процессе его социализации и инкультурации» [33, с. 77].

Итак, опираясь на опыт прошлых поколений, составляющий социокультурную память, сохраняя и развивая его, образование вырабатывает нормативный образ нравственного идеала личности, наделяет его системой ценностей и в ходе обучения и воспитания осуществляет целенаправленную деятельность по воплощению данного образа в реальность. Но идеал легко может превращаться в идола. В этом плане социокультурная память предотвращает сползание идеалов в нечто тоталитарное.

В последние двадцать лет волонтерское движение в России активно развивается. Среди учреждений культуры добровольчество наибольший масштаб приобрело в музеях, осуществляющих деятельность по сохранению культурного наследия России. Волонтерами в музеях являются студенты и преподаватели вузов, прежде всего, гуманитарных специальностей. Мотивами добровольчества выступают в большинстве случаев духовные интересы. Для России оно не является нововведением и имеет давние традиции. Еще в годы царской России находились «сердобольные» люди, которые деятельно помогали нуждающимся в приютах, школах и учреждениях культуры. Официально добровольческая (волонтерская) деятельность закреплена в п. 1 ст. 1 и п. 1 ст. 2 Федерального закона от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» [204].

Добровольческая деятельность имеет большое значение для духовной интеграции общества. В ней принимают участие все слои населения независимо от

пола, возраста, уровня образования, сферы деятельности и доходов. Добровольчество (волонтерство) является формой гражданского участия в общественно полезных делах и способом социального взаимодействия. Институт добровольчества (волонтерства) содействует сохранению социокультурной памяти в нашей стране и даёт возможность волонтерам проявить социально-полезную активность, развивая в себе духовные нравственные качества.

Подводя итог данного параграфа, отметим следующее.

1. Обоснована иерархия функций социокультурной памяти по значимости их влияния: идентификационная, ценностно-мировоззренческая, коммуникативная, защитная, нормативно-регулятивная, культуротворческая (способность создавать, творить), объяснительная и легитимирующая.

2. Выявлена структура социокультурной памяти, включающая в себя: 1) социокультурные ценности; 2) социокультурные нормы; 3) информационную систему социокультурной памяти. Социокультурная память аккумулирует опыт развития российского общества, который фиксируется в том числе на материальных носителях и в той или иной степени идеально сохраняется и воспроизводится в памяти индивидов и общества.

3. Обнаружено, что к основным институтам социокультурной памяти следует отнести следующие: институт семьи, институт брака, институт государства, институт общественного производства и воспроизводства духовных ценностей, институт армии, институт образования, институт добровольчества (волонтерства).

ГЛАВА 2. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ КАК ДЕТЕРМИНАНТА СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

2.1 Особенности социокультурной памяти и её влияние на процесс духовного формирования личности

Социокультурная память присутствует в современной жизни в виде «следов прошлого» (проявляющихся в языке, поговорках, быту, умениях, навыках и т.д.), которые значимы для потомков тех, для кого эти «следы прошлого» были лишь простой повседневностью. Преведняя культурно-историческая эпоха, уступив новой, не исчезает, а продолжается, хотя и не всеми это осознаётся.

Социокультурная память включает в себя не только культурные ценности в узком смысле понимания культуры, но и в её широком смысле: это такие составляющие, как культура духа, политическая культура, культура хозяйствования, культура управления, культура мысли, культура поведения конкретного и самобытного общества, достигшего определённого уровня развития, что позволяет выделить её специфику и особенности. Социокультурная память воспроизводит в себе социокультурный опыт прошлого. Индивидуальный опыт ограничен, без знаний о достижениях и неудачах людей, как живших в прошлом, так и в современном мире, индивид не способен к полноценной социальной жизни и не может стать духовной личностью.

В качестве субъектов социокультурной деятельности следует рассматривать индивида, личность, социальную группу, конкретное общество, а также человечество в целом. Социокультурная память в этом плане формируется в процессе накопления опыта социокультурных взаимодействий, получения определённых результатов познания и освоения окружающей природы. Процесс накопления опыта социокультурных взаимодействий включает в себя кодирование, хранение и воспроизводство актуальной для общества информации из прошлого.

Социокультурная память обладает следующими характеристиками:

- 1) способна создавать в сознании индивида определённую картину мира

(мировосприятие), сочетающую в себе представления, прежде всего, о прошлом, а также настоящем и возможном будущем, оказывая влияние на его поведение;

2) воспроизводит в общественном сознании зафиксированный опыт прошлого, оценка и переоценка которого связана с изменениями и трансформациями, происходившими в обществе;

3) формирует идентичность её носителей (субъектов): индивида, личности, группы и общества в целом;

4) фиксирует и транслирует будущим поколениям систему ценностей с помощью сложившихся в обществе специальных механизмов, которые способны оказывать регулирующее воздействие на общественную и индивидуальную жизнь;

5) может интерпретироваться в соответствии со складывающейся социально-экономической и политико-правовой ситуацией в конкретном обществе, что позволяет говорить об её избирательности. Эта память, действительно, реагирует на то, что обществу наиболее полезно;

б) находит свое проявление в двух формах – материальной и идеальной; двух видах – негативном и позитивном; а также двух уровнях – обыденно-бытовом и профессиональном.

Критерием выделения форм социокультурной памяти выступает способ её проявления в человеке и социуме. В индивидуальной памяти материальная форма проявляется в происходящих в мозгу нейрофизиологических процессах («отделах памяти»), а идеальная – в процессах осознания смысла информации и её соотнесения с мировоззрением личности, её ценностями и идеалами.

Материальная форма социокультурной памяти общества выражена в нейрофизиологии памяти и мышления отдельных индивидов, их аппаратов речевого общения, а также в материальных носителях информации.

Составляющими идеальной формы социокультурной памяти общества являются язык, ценности, стереотипы поведения, менталитет, образы нравственных идеалов, передаваемые из поколения к поколению.

Особенностью современной жизни общества стала «загрузка» в электронные базы или «оцифровка» социокультурной памяти, когда используются возможности

современных электронных технологий.

Актуализированное содержание социокультурной памяти интерпретируется в её формах, в общественном сознании, в политике, морали, праве, религии, искусстве и, соответственно, в индивидуальном сознании. Формирование социокультурной памяти может сопровождаться субъективными интерпретациями и толкованиями манипуляторного характера. В ходе интерпретации социокультурной памяти заинтересованными субъектами могут использоваться следующие приёмы: «забывание», то есть сознательное замалчивание событий, фактов и ценностей прошлого, и «избирательная амнезия» – преобразование или «подгонка» опыта прошлых поколений под современные реалии. Именно при актуализации в общественном сознании информации о прошлом и в её тесной связи с настоящим проявляется избирательность социокультурной памяти. Из наследия прошлого что-то «забывается», а что-то, наоборот, намеренно «вспоминается», при этом искажается и приспособливается под необходимые в настоящем идеологические установки. Так, в 90-х годах прошлого века в России в средствах массовой информации намеренно искажались образы героев Великой Отечественной войны и ценность их подвигов, например, З. Космодемьянской, А. Матросова и других. В этот период был сформирован опыт «забывания» ценности патриотизма, солидарности и взаимовыручки. В современной России данные ценности вновь стали актуальными. Герои Великой Отечественной войны не должны забываться, напротив, они выступают «светочами» героического служения государству.

Английский историк Дж. Тош применительно к социальной памяти выделил три характерные черты, обладающие искажающим эффектом, которые можно отнести и к социокультурной памяти: традиционализм, ностальгия и вера в прогресс. Традиционализм ориентирован на авторитетные прецеденты; ностальгия в целом идеализирует прошлое, а культурный прогресс имеет направленность на идеализацию будущего [194, с. 22].

Нами выделяются следующие виды социокультурной памяти: негативная и позитивная. Критерием выделения видов выступает способ реализации

социокультурной памяти её субъектом.

Негативная социокультурная память – это искажение ценностей прошлого и сформированных на их основе современных ценностей, отрицание прогрессивного развития общества, что ведёт его к отсталости и регрессу, а в крайней форме – к обострению проявления национализма и религиозных заблуждений.

Позитивная социокультурная память – это утверждение современных ценностей, производных от ценностей прошлого, не потерявших актуальности в настоящем: уважение прав и свобод личности, благосостояние личности, хорошее образование, демократические институты, справедливые и эффективные законы, забота о семье и её благополучии и др.

Соответственно, если выстроить социальный континуум, то на одном полюсе будет позитивная социокультурная память, а на другом – негативная социокультурная память с множеством промежуточных вариаций между ними.

Социокультурная память включает в себя следующие уровни: обыденно-бытовой и профессиональный. Уровни определяются по способу субъективного воспроизведения содержания социокультурной памяти её субъектами.

Обыденно-бытовой уровень памяти воспроизводится в сознании групп, общества в целом и относящихся к ним индивидов в виде образов, символов и представлений прошлого и часто является реакцией на современные события. В связи с этим Г. В. Зубко особо подчеркивала значимость символа как средства сохранения наследия прошлого, отмечая, что «ядро символа – его “вечная составляющая”, которая никуда не уходит; она постоянно присутствует в символе, составляя его главный смысл» [73, с. 62]. В научных источниках данный уровень социокультурной памяти и реакция людей, которая связана, в том числе и с современной повседневной жизнью, могут быть охарактеризованы, к примеру, как «бытовая память народа» либо как «коллективная историческая память народа» [142, с. 6-7]. На наш взгляд, отдать предпочтение следует термину «обыденная социокультурная память».

Профессиональный уровень памяти реализуется в целенаправленной деятельности по формированию ценностных ориентаций в обществе, официально

признаваемых властью для написания государственных программ, выработки идеологических установок, разработки научных концепций и т.д. Заинтересованными при этом субъектами производится целенаправленный отбор некоторых аспектов прошлого для удовлетворения текущих и, возможно, перспективных потребностей современного общества и управления социокультурным процессом. Профессиональные субъекты отбирают из духовного наследия прошлого то, что, на их взгляд, актуально сейчас, в настоящее время, и на этом основании они могут своеобразно задавать вектор развития современного общества. Здесь проявляется общественная роль гуманитарной интеллигенции, способной или неспособной влиять на властную элиту и общество. При этом, несмотря на их различие, обыденная и профессиональная социокультурная память, а также их субъекты тесно взаимосвязаны между собой и влияют друг на друга.

В процессе своего самоопределения индивидуум, находясь в окружающей его социокультурной среде, постоянно оказывается перед выбором ответа на внешние обстоятельства, воздействующие на него. Люди не рождаются с инстинктом правильного выбора поведения возможного в любых обстоятельствах. Личность, опираясь лишь на свой культурный опыт, ограничена в выборе верных решений. На правильное решение проблемы может указать духовный опыт общества, находящегося в динамике. Личность должна быть устойчивой в нравственном отношении к этим изменениям. Она должна вырабатывать социальный и духовный иммунитет в отношении к вредоносным влияниям. Эффективные пути формирования социокультурной памяти придают систематизированный и целенаправленный характер развитию всех сторон личности и её свободы.

Смена исторического типа общества даёт старт пересмотру устоявшихся в нем ценностей и норм. Формируемые представления о духовности являются отражением уровня развития общества. Особенно это заметно при переходе от традиционного к современному обществу. У разных народов этот процесс принимал свою специфическую форму и занимал немало времени. Во многих обществах, включая российское, переход от традиционного общества

к современному, по мнению некоторых авторов, не закончился до сих пор.

Индивидуальные и общественные ориентиры обращения к социокультурной памяти могут быть выстроены в нескольких вариантах: с опорой на прошлое (воспроизводство опыта прошлого), и именно здесь локализована социокультурная память; с опорой на настоящее (благоприятные и неблагоприятные обстоятельства настоящего времени); с опорой на будущее, иногда фантастическое (например, надежда на «светлое будущее» или «грядущую перспективу»).

Россия обладает огромным историческим и культурным опытом существования в условиях традиционного общества. И в настоящее время социокультурный потенциал российского общества во многом основывается на традициях, его функционирование происходит в процессе постоянного преодоления противоречий между старым (традиционным) и новым (инновационным). В обществе с укоренёнными традициями, пережившем серьёзные социальные потрясения в своём движении к современности, неизбежно формируется особая – сложная и неоднозначная – форма социокультурной памяти, выстраиваемая социальными механизмами её формирования.

Лишь потомки тех, кто жил раньше, могут увидеть, что объединяло их предков, но при условии небезразличного отношения к прошлому. Не всё из социокультурного наследия прошлого становится заметно и интересно потомкам, живущим сейчас, а лишь то, что, действительно повлияло на общественные отношения на определённом этапе развития общества. Возникновение субъектов, выстраивающих систему новых ценностей, а также появление субъектов, разделяющих их, знаменует, как правило, смену типа социальности, а следовательно, смену характера общественных отношений.

Между тем это не означает, что данный переход осуществляется мгновенно, одномоментно. Для одних социальных групп этот переход может произойти быстро, другие группы могут еще долго оставаться в условиях традиционализма. При этом данные группы живут в одно и то же время, но как бы в «параллельных» типах социальности – традиционном, индустриальном и постиндустриальном (информационном) обществах.

Необходимо подчеркнуть, что на развитие общества и типа личности влияет слишком много условий. Проанализировать и описать их очень сложно и порой невозможно. Однако главным элементом изменений является повседневная и творческая деятельность личности; результаты данной деятельности могут иметь разнообразные последствия. Одно и то же социальное явление даже в одном обществе, но на разных этапах своего развития выглядит неодинаково; каждое общество в определённую историческую эпоху формирует своё представление о духовности и социальности.

В рамках настоящего исследования отметим особенности социальных процессов, повлиявших на формирование личности в современной России, обращая внимание на динамичность современной общественной жизни не только в нашей стране, но и в мире в целом.

Начало «современности» было заложено в позднем Средневековье, в эпоху Западной Европы, и связано оно с появлением «новых людей» – гуманистов, а эпоха в духовной жизни Западной Европы, когда жили гуманисты, получила название эпохи Возрождения или Ренессанс (XIV-XVI вв.). Для «новых людей» свой опыт и духовное наследие Античности становились главными ориентирами в жизни, которые привели их к идее духовного прогресса и развития светской культуры. Вместе с тем гуманисты проповедовали в социальных отношениях индивидуализм практически на грани полного эгоизма и вседозволенности, но индивидуализм никогда не мог соприкоснуться с духом гуманных отношений.

«Новые люди» устремили своё внимание на человека, назвав его высшей ценностью на земле. В отличие от духовенства, постоянно провозглашавшего идею «греховности» человека, они считали, что человек не так уж и плох. «Новые люди» утверждали, что человек имеет право на земное счастье, на свободу, право творить самого себя, свою индивидуальность. Не принадлежность к привилегированному сословию, а всесторонне развитые способности, содержательный внутренний мир, яркая индивидуальность стали признаваться достоинством личности. В прошлом, именно в эпохе Античности гуманисты находили идеалы гармонии и красоты [77], [66].

В эту эпоху европейцы познавали мир за пределами Европы, совершали географические открытия и одновременно колониальные захваты, сопровождавшиеся порабощением и уничтожением неевропейских народов. Жестокость, жажда наживы и идеи гуманизма соседствовали в сознании человека со стремлением к обогащению. Отражением противоречивости той эпохи стал образ торговца, который одновременно тогда был и пиратом [147, с. 219].

Для нашей же работы значение имеет факт возникновения протестантизма, ставшего основой изменения отношения к рыночным ценностям. В отличие от Средневековья, в XVI и первой половине XVII вв. в Европе произошла Реформация, которая имела множество последствий (они являются отдельной темой исследования). Ценности традиционного общества, выстроенные на феодально-сословной основе, стали противоречить складывающимся ценностям капиталистического общества. Возрождение («новые люди») и Реформация (протестантская этика) заложили основы появления современной «рыночной личности». Как писал М. Вебер, для протестанта земная, мирская жизнь стала священной, а выполнение своей работы и рациональная организация своей деловой деятельности были священным долгом и способом спасения «души». В основе протестантской этики лежит главное достоинство личности, определяющее её самоуважение и уважение к ней других людей, – это зарабатывание денег [40, с. 27]. К этому следует добавить то, что трансцендентное и мирское (земное) в протестантизме не просто противостоят друг другу, а им просто нет дела друг для друга, и поэтому мы живем сегодня как бы в «разволшебствлённом» мире.

В XVII веке, в условиях сложившихся рыночных отношений, деньги как средство обмена становятся в западноевропейском обществе первостепенной общественной и даже религиозной ценностью.

В период становления капитализма и первоначального накопления капитала отношения по большей части не были идеально-добродетельными и возвышенными. Переход к капитализму сопровождался насилием, жестокостью и ложью, т.к. в его основе лежит главная цель – прибыль с наименьшими затратами.

В период первоначального накопления капитала (по К. Марксу) на авансцену вышли буржуа (примерно то же, что и мещанин; в русской культуре слово «мещанин» имело зачастую отрицательное значение). Буржуа стали проводниками новых общественных отношений, они всё пытались пересчитать на деньги, например, время, что было невозможно в традиционном обществе.

У буржуазии своя мораль: в её основе лежит утилитаризм и прагматизм. Показателем такого рода отношений между людьми может быть ответ на вопрос: «Сколько ты стоишь?». Идеальную «рыночную личность» вопросы транслирования социокультурной памяти могут интересовать лишь в связи с получением дохода, прибыли.

Новые отношения, возникшие в Западной Европе (Запад), позднее стали распространяться по всему миру, в том числе и в России.

Итак, формирование рыночных (капиталистических) отношений оказало влияние на существовавшее тогда традиционное общество и способствовало формированию рыночного сознания на основе предпринимательской деятельности, целью которой стала прибыль. В обществе, достигшем состояния «современное общество», постепенно формируется «рыночная личность».

Современное капиталистическое, постиндустриальное общество является порождением и наследием того раннего капитализма, который принял более респектабельный и привлекательный вид, однако природу свою он не изменил, и главной его целью остается прибыль.

В 60-70 гг. XX века Э. Фромм написал о «рыночной ориентации» западного человека, употребив показательную фразу: «моё Я определяется ценой, какую за меня дали» [211, с. 76]. Э. Фромм писал, что у личности с рыночной ориентацией «...развиваются те свойства, которые можно пустить на продажу» [211, с. 79].

Представляет интерес критика современных отношений, высказанная английским философом З. Бауманом, который рассматривал их на примере взаимоотношений между участниками телевизионных игр «Старший брат» и «Слабое звено». Эти игры демонстрировались как своеобразное отражение жизни современного (прежде всего западного) общества. З. Бауман отмечал, что эти два

телевизионных шоу демонстрируют зрителям так называемую «используемость» человека в современных взаимоотношениях, подразумевая, что люди для достижения своих целей просто используют других людей, и ценность личности заключается лишь в том, какую выгоду можно извлечь из взаимодействия с ней и ничего больше [12, с. 43].

Процветание индивидуализма в форме эгоизма часто пытаются представлять в образе свободной индивидуальной личности. Западная личность с «рыночной ориентацией», в зависимости от запроса на «желаемые свойства» и конъюнктуру рынка, может демонстрировать способности и приобретать качества по типу: «что хотите, но за дополнительную плату». Например, в современной Японии, известной своей демонстративной на публике вежливостью, продавцам специально доплачивали, чтобы они демонстрировали это качество в отношениях с клиентами. Руководством фирмы решено было провести социальный эксперимент. В какой-то момент доплачивать за вежливость перестали, и продавцы в течение месяца качество – вежливость «потеряли». Вежливость, оказывается, продаётся.

Становится понятно, что в современном рыночном обществе качества личности можно формировать в зависимости от конъюнктуры рынка или других экономических факторов. Духовность в этом обнаружить сложно.

После распада СССР в России продолжилось активное внедрение «рыночных отношений».

В прошлом, в советский период, «рыночные ориентации» до второй половины 80-х годов XX века формально были запрещены и обществом осуждались, хотя уже в период «брежневского застоя» полулегально существовали.

Особенностью рыночных отношений является то, что рынок составляют субъекты (индивидуумы, группы и страты общества), вступающие в специфические субъект-объектные отношения при осуществлении производственно-распределительной деятельности [54, с. 14]. В. Д. Голиков, Е. В. Кузнецова и Ю. Ю. Черкасова пишут о том, что в истории любого общества существовала торговля и складывался рынок [54, с. 15].

В современной России всё население в той или иной степени связано с

рынком. Для нашего исследования важно рассмотреть то, как введение рыночных отношений повлияло на образ жизни россиян.

При реформировании страны много надежд возлагалось на возрождение духовности, которая может положительно повлиять на осовременивание России. Однако суть реформирования заключалась в изменении экономических отношений и внедрении в жизнь принципа полезности: хорошо то, что приносит прибыль, духовность ушла куда-то в сторону.

После легализации «рыночных отношений» большая часть населения страны была вынуждена адаптироваться к происшедшим изменениям. Вместе с тем весьма немногочисленная группа российского общества, для которой близость к власти была вполне осязаемым ресурсом, присваивала в собственность бывшие советские активы. Философ В. А. Кутырёв писал об этом следующее: «Историческая задача реформ в том, чтобы вырвать больные зубы русско-советско-социалистической духовности и заменить их вставными (и стальными) челюстями западного рационализма» [98, с. 174].

В постсоветской России стал складываться новый тип личности – «рыночно-ориентированный». Одним из проявлений такой личности стали широко оглашаемые ценностные установки: «работаем, лишь бы деньги платили», «за всё надо платить» (предельно широко толкуя данную фразу), которые негативно отразились на качестве производственных и межличностных отношений. Появились новые слова: «новые русские», «адекватные люди», «лохи», «терпилы» и т.д., которые в большинстве своем пришли из криминального мира. «Современный рынок в России побуждает работать не по специальности, не по интересу, а по заработной плате, принуждает брать взятки, наглеть, “шустрить”, обзаводиться связями “наверху”, порождая многочисленные социальные проблемы и перипетии» [54, с. 41].

В современной России прежде запрещённые и осуждаемые принципы «рыночных отношений» переносятся во все сферы жизни общества и личности, в систему управления обществом, в том числе в дружеские, интимные, творческие отношения и даже религиозные, в то, что, например, в традиционном обществе

признавалось «святым», сакральным.

В. А. Кутырёв отмечал, что теперь всё то, что приносит пользу можно считать «типом рациональности». Рациональными могут быть мораль, религия и другие формы общественного сознания, так как они полезны. Принцип полезности торжествует в общественных отношениях [98, с. 165].

Чтобы заботиться о целостности духа личности, о возвышенных смыслах, ценностях и нормах, составляющих важнейшие ипостаси её духовности, речь необходимо вести не о типах рациональности, а о духовно-нравственном отношении личности к миру.

Как известно, все попытки организовать социальную жизнь на рационально обоснованной догматике либо не были реализованы (пример – Платоновское «идеальное государство»), либо заканчивались крахом (попытка большевистскими вождями построить коммунизм на основании ортодоксального марксизма).

Для современной России неизбежность функционирования рыночных отношений очевидна, мы не пытаемся отрицать эффективность рынка. В современном мире рыночные механизмы функционируют за счёт интенсивного использования экономической формы принуждения личности к труду как более эффективной, нежели внеэкономическая форма принуждения. Проблема состоит в том, как оставаться личностью и при этом сохранять, развивать в себе духовность в обществе, в котором рынок активно пытается править всеми сторонами человеческих взаимоотношений?

Президент Международной социологической ассоциации Ален Турен в 2002 году писал предостережение миру, в котором победил капитализм: «Мир становится всё более капиталистическим ... Это привело к дезорганизации всех форм социальной организации, особенно в случае городов. Распространился индивидуализм. Дело идёт к исчезновению социальных норм, заменой которых выступают экономические механизмы и стремление к прибыли» [197, с. 11].

С момента написания этих слов Туреном и для России возникла опасность, что все общественные отношения личности будут рассматриваться лишь через призму товарно-денежных отношений. Такое же рационально-прагматичное отношение

угрожает и социокультурной памяти, необходимость сохранения которой будет жёстко увязана с возможностями извлечения прибыли и личного обогащения.

В России XXI века отражением рыночных отношений стала количественная оценка личности, ценность которой можно определить целым рядом параметров. Достижениями «теории человеческого капитала», разработанного на Западе, активно пользуются российские менеджеры разного уровня, управляющие отраслями общественного производства. Они активно придумывают разнообразные рейтинги и тесты для «эффективной» оценки наёмных работников. В этом проявляется попытка «стандартизации» и «формализации» личности.

В современной России основой отношений между людьми стали отношения «продавца» и «покупателя». Такие общественные отношения вполне стабильны и предсказуемы, ориентированы на «полезность», в них есть порядок. Работодатель стремится определить ценность личности, которая будет отдавать свой труд, а сама личность стремится «продаться» подороже, боясь «продешевить», а по возможности – зависить свою социальную цену.

Возникает вопрос, может ли эта личность быть социальным субъектом и личностью, в которой развивается духовность?

Наш ответ – нет, потому что такая личность сама по себе вообще не субъект, она способна быть лишь объектом, на который оказывается воздействие. Устойчивая черта такой личности – изменчивость установок при выгодной перспективе, даже если это противоречит морали – не позволит ей стать субъектом и по-настоящему личностью, стремящейся к возвышенным сторонам человеческой жизни. Причём сам этот субъект своим текущим состоянием может быть в целом доволен и, возможно, будет рационально и цинично обосновывать свои эмпирические установки. В своём индивидуальном сознании он будет отражать лишь «рыночные отношения», ограничиваясь той частью социокультурной памяти, которая связана с ними. В этом плане можно развить мысль, согласно которой «лицо», «личность» в содержательном плане больше, чем просто субъект. Личность стремится сохранить память не только для того чтобы взаимодействовать с миром, но и для того, чтобы и будущих своих потомков втягивать в круг своей

духовной деятельности.

Эмпирические «личности», интерпретирующие моральные нормы под себя, служат (или прислуживают) сначала одному «хозяину», поддерживая стабильный, а часто и жёсткий порядок; как только меняется ситуация, быстро «продаются» другому «хозяину», всегда находя оправдания своим поступкам. При этом субъект может даже и не осознавать своего лакейского поведения, а считать его нормой. Очевидно, что здесь нет стремления к возвышенным сторонам человеческой жизни, к духовности и культуре.

Подчеркнём, что в культуре общества по отношению к каким-то явлениям и людям используются оценочные термины «духовный» и «бездуховный», «нравственный» и «безнравственный», «традиционный» и «нетрадиционный», «современный» и «несовременный», «запоминаемое» и «незапоминаемое» и т.д. Их использование необходимо для того, чтобы рассматривать общество и личность как реальность, где наряду с высшими проявлениями духа есть негативные и деструктивные (зло, жадность, цинизм, клановость, преступность, мафия и др.).

Безнравственность и личность – несовместимые понятия. Личность всегда нравственна, потому что связана с нравственным долгом [82], а если она безнравственна и в ней нет стремления к возвышенным сторонам человеческой жизни, то это лишь индивид, который связан с чисто эмпирическим образом жизни.

Для более ясного представления о духовности личности в современной России следует дать характеристику бездуховности личности (достаточно большое исследование данному вопросу посвятил Р. Л. Лившиц [106]), в которой могут, на наш взгляд, присутствовать следующие корреляции.

Бездуховность личности проявляется в том, что в её познавательной деятельности и социальной жизни доминируют холодный расчёт, беспринципность (часто выставляемая как «адекватность» или как «гибкость») и эгоизм с преимущественной ориентацией на присвоение материальных благ и обретения власти, которые являются средствами, позволяющими, с её точки зрения, получать от жизни наибольшее удовлетворение. Стремления, желания такой личности, как правило, направлены на цели, представляющие интерес только для неё: это

обогащение, жажда власти, чинов, социального статуса. Для достижения своих целей она «использует» людей. При этом «личность» может внешне лицемерно декларировать основополагающие ценности общества, извлекаемые из опыта прошлого, и соглашаться с необходимостью их освоения, внутренне же относясь к нему равнодушно или отрицая их. Стремление удовлетворить свои эгоистические интересы является её высшим не духовным, а именно «бездуховным» принципом, при котором все другие интересы игнорируются, как только это становится возможным. Упомянутая «личность» при возможности либо отбрасывает осознанно или неосознанно любые ценности общества, которые не вписываются в её картину мира, либо интерпретирует их, руководствуясь своими эгоистическими псевдоценностями или антиценностями. Слово «совесть» для такой личности – пустой звук, и остановить её может только страх наказания. Самое опасное для общества и других людей, когда «личность», в которой подавлено стремление к духовности в силу своей интеллектуальной изворотливости, сумеет занять руководящую должность и добьётся того, что судьба других людей окажется в её власти.

В настоящее время понятия «добра» и «зла», к сожалению, во многом размываются. В таких условиях преодоление испытаний современной жизни становится основой формирования духовных качеств личности.

Создание образа возвышенной стороны личности, идеала, в котором отражена система ценностей конкретного общества, безусловно, предполагает, чтобы люди стремились к этому идеалу. Но что собой представляет сейчас такой идеал? Как сформировать духовность личности? На какие идеалы ориентирована личность? Кто влияет на формирование этих идеалов? Какие из них истинные, а какие ложные? Как социокультурная память может повлиять на личность и развитие в ней духовного начала, так востребованного в современной России? Попытаемся ответить на эти вопросы.

Рыночное общество во многом способствует появлению большого количества людей, которые ради выгоды готовы совершать аморальные поступки. Например, молодой человек заявляет во всеуслышание: «Пусть меня будут считать

“моральным уродом”, я согласен с этим, если такое уродство позволит мне обладать дорогой “иномаркой”, большим домом с участком в престижном районе, доходом, позволяющим содержать семью, отдыхать за границей и иметь все другие элементы “красивой жизни”. Счастье для него, как он его понимает, имеет вполне конкретное выражение. Можно сделать вывод о том, что у этого молодого человека есть интеллект и представления о нравственных качествах, так как он сознательно выбирает «сторону зла». Молодой человек не стесняется говорить о том, о чём стыдливо умалчивают солидные взрослые люди. Более того, он фактически заявляет, что будет предпринимать действия, чтобы добиться того, что желает. Но вряд ли такие устремления имеют отношение к духовности и подлинной нравственности.

Но почему для этого нужно «моральное уродство»? Возможно, молодой человек считает, что в обществе, в котором он живёт, для достижения поставленных целей ему придётся пойти на сделку с совестью? Что будет представлять собой общество, в котором таких индивидов будет всё больше и больше и где они будут между собой «эффективно конкурировать»?

Совершая важные жизненные поступки, личность руководствуется своими представлениями о ценностях, в основном воспринятых ею в раннем детстве из своего социального окружения.

В российском обществе в ходе развития культуры сформировалась социальная группа – интеллигенция, провозглашавшая, что её предназначение заключается в том, чтобы быть совестью общества, формировать высшие цели жизни личности, создавать духовно-нравственный идеал. В современной же России свой статус российская интеллигенция, к сожалению, утрачивает. Это связано с тем, что универсальным «мерилом» достижения успеха личности как и во всём современном мире, так и в современной России, стали деньги. У личности, ориентированной на зарабатывание денег, как правило, две цели: много и быстро заработать денег и правильно их потратить. Айн Рэнд писала, что «отношение к деньгам – барометр состояния общества» [169, с. 119-120]. Рассуждая о рыночных отношениях, Людвиг фон Мизес утверждает: «Капиталистическая свобода рынка

не предполагает вознаграждения человека согласно его ... неотъемлемым достоинствам и моральному совершенству... В условиях рыночной экономики важно не научное определение ценности, а та реальная оценка, которую дают данной вещи люди, покупая или не покупая её» [130, с. 174]. В последние десятилетия потребление стало специфическим средством социального контроля. На потребление оказались ориентированы многие слои общества.

Сознание современных людей стало утилитарным и прагматичным, на первое место выходит выгода. Упование некоторых людей на религию в обществе, где всё направлено на материальный успех, деньги и выгоду, вряд ли оправданно. В новых социальных реалиях личность зачастую вынуждена идти на компромисс с совестью и совершать поступки, противоречащие религиозным предписаниям, чтобы, например, сохранить своё рабочее место и доход, зачастую ориентируясь на инстинкт самосохранения.

Для того чтобы направить личность (или создавать условия, чтобы она могла сама себя направлять) на духовное развитие, необходимо всеобщее осознание того, что полное погружение личности в зарабатывание денег делает её духовно ограниченной. В то же время очевидно, что без создания в обществе условий для обеспечения благосостояния личности очень сложно надеяться на развитие её духовно-нравственных качеств.

Деньги – это элемент культуры общества. К сожалению, само зарабатывание денег стало для большинства людей главным устремлением, что в условиях рынка является вполне одобряемым и «стандартным», но стимулируемым и вынужденным поведением. Можно отметить, что деньги предоставляют возможность как для возвышения достоинства личности, формирования её духовности, так и для её деградации. И именно представление о деньгах как универсальном «мериле» для оценки жизненного успеха может стать серьезным «барьером» для становления духовности личности.

На наш взгляд, современная личность способна обладать определёнными духовными качествами.

1. Представляется, что она должна быть способной к самооценке степени

своей духовности, уметь оценить степень духовности другой личности и общества, в котором она живёт.

2. У личности должна быть воля в стремлении к духовному формированию. Такая личность будет постоянно находиться в состоянии должного «нравственного выбора», и не заниматься самообманом и не идти на «делку с совестью».

3. Данная личность размышляет о нравственном идеале и стремится к нему.

4. У такой личности должно быть своё осознанное представление о прошлом российского общества, его культуре, путях развития, его нравственных проблемах и осознание своей ответственности перед ним.

5. В современной России личность, развивающая в себе духовность, призвана видеть за внешним фасадом того или иного социально-экономического или политико-правового явления его внутреннее содержание, опираясь на социокультурный опыт прошлого, отражённый в духовных нормах и ценностях, актуальных и в настоящее время.

Необходимо отметить, что предназначение социокультурной памяти заключается в том, чтобы, опираясь на опыт и культуру общества, общественное сознание, личность могла сформировать свои ценностно-смысловые установки. Наличие таких ценностно-смысловых установок позволяет выстраивать иерархию своих смыслов и ценностей. Иерархия ценностей дает возможность личности ориентироваться в ситуациях, когда требуется решить для себя вопрос, чем можно пожертвовать, а чем нельзя ни при каких обстоятельствах, что священо и неприкосновенно? Отсутствие ценностно-смысловых установок личности, а значит, и отсутствие иерархии ценностей является серьёзным препятствием на пути к духовности личности.

Исследуя нравственный идеал нашей эпохи и выделив так называемую идеологию «успешного человека», О. С. Селиванова и А. С. Некрасова задались вопросом: «Можно ли утверждать, что идеология успешного человека стала символом эпохи? Скорее да, чем нет. Стал ли образ успешного человека новым нравственным идеалом? Скорее нет, чем да» [171, с. 43].

Следует согласиться, что новый нравственный идеал пока не складывается.

Однако, по нашему мнению, в современном российском обществе такой нравственно-духовный идеал есть, более того, он существовал на протяжении всей истории России, занимая прочное место в социокультурной памяти. Хотя следует признать, что порой в некоторые периоды отечественной истории его ставили под сомнение.

Для формирования в обществе духовности необходимо прежде всего решение задачи воспитания достойных граждан, но без опоры на социокультурную память ожидать положительного результата, скорее всего, не приходится. При этом следует учитывать современные реалии. В. А. Жилина отмечает, что «вместо традиционного отождествления гражданской идентичности с целостностью общества сегодня идентификация предполагает, прежде всего, индивидуализацию» [70, с. 174].

По мнению О. Н. Полухина, идея гражданственности является важным элементом общественного сознания, «отражающего отношения между обществом, государством и отдельной личностью, по поводу осуществления общих целей» [153, с. 12]. А. В. Соколов отмечает, что «мерой этической зрелости гражданина служит ощущение ответственности за свое поведение» [177, с. 16]. Очевидно, что воспитание гражданственности и формирование духовности личности – близкие по содержанию нравственные цели и их достижение без сохранения, передачи и воспроизводства социокультурной памяти невозможно.

Российскую гражданственность нужно рассматривать в качестве интегрирующей основы российского общества и становления российской идентичности. Осознание этого особенно важно для нашей многонациональной и многоконфессиональной страны. С. В. Рыжова пишет, что «становление солидаризирующей российской идентичности рассматривается исследователями как фактор гражданской консолидации» [55, с. 27].

Л. М. Дробижева и С. В. Рыжова считают, что российская идентичность включает в себя не только политико-правовую связь с государством, но и элементы гражданственности [182, с. 120]. Государственная российская идентичность, прежде всего, связана с понятием «гражданство», которое характеризуется

политико-правовой связью личности и государства и подразумевает также осознание личностью своей ответственности за судьбу Российского государства и ответственность последнего за благополучие гражданина, обеспечение его прав и свобод.

Подчеркнём, что стремление личности к определению своей идентичности выступает естественной потребностью её развития. Формирование идентичности является важной составляющей социальной адаптации индивида в обществе [241]. Необходимо особо отметить, что на процесс социальной адаптации человека и его аффилиации с группой и обществом серьёзное влияние оказывает социокультурная память, которая в науке освещается в основном в связи с этнической идентичностью (язык и культура) и межкультурными различиями.

Формирование российской идентичности олицетворяет собой восстановленную связь времён, ведь в ней присутствуют пласты досоветской, советской и новой (тридцатилетней) российской – и не только исторической, но и, прежде всего, социокультурной памяти, т.е. общее прошлое всей нашей многонациональной страны. Развитие российской идентичности не отменяет этническую идентичность и межкультурные различия, а олицетворяет единый народ России, его единую российскую социокультурную идентичность, которая производна от всего российского общества и российской цивилизации. Л. М. Дробижева отмечала: «Очевидно, все же есть в обществе ценности и потребности людей, которые становятся цементирующими. Сама страна, где ты родился и жил, Родина – ценность для большинства людей. Представление о ней обычно эмоционально окрашено и составляет тот компонент идентичности, который именуется патриотизмом (речь идет о нормальном, не квасном патриотизме)» [55, с. 42].

Историк Е. М. Малышева подчеркивала, что патриотизм «всегда был показателем высокой гражданственности, сопричастности и с судьбой страны и выражался в стремлении к активным действиям во благо Отечества» [120]. Антиподом патриотизма является национализм. Антиподом державного сознания – государственный и национальный нигилизм [146, с. 13].

Пути формирования духовности личности одной историко-культурной эпохи и другой отличались. Однако во все периоды российской истории постоянным олицетворением образа возвышенной стороны личности был воин-защитник, воин-патриот, в том числе заступник слабых, униженных и оскорблённых. Этот образ нашёл отражение в народной социокультурной памяти о воине-защитнике и воине-патриоте, защищающем Отечество как от внешних, так и внутренних врагов: бандитов, недобросовестных «царёвых» слуг (бюрократов-лихоимцев). О нём складывались былины, легенды, сказки, песни, этот образ также отразился в пословицах и поговорках многонационального народа России. Образ воина-защитника в той или иной форме отражён в фольклоре всех народов России [78], [151], [224]. Сегодня в культивирование этого образа включились писатели, поэты и композиторы, журналисты, кинорежиссёры, телевизионные работники, а в настоящее время к ним присоединились и многие пользователи Интернета.

Проблемой является то, что любые характеристики духовности личности всегда носят субъективный характер. В общественном сознании формируется идеал совершенной личности, в котором может быть актуализирован тот или иной аспект социокультурной памяти. В литературе, в том числе и философской, каждый заинтересованный автор предлагает свои характеристики или критерии духовности личности [139] либо комментирует какое-то авторитетное мнение. В основном предлагается перечень положительных качеств личности.

Но простым перечислением качеств духовности личности дело не может быть ограничено. Невозможно не обратиться к проблеме нравственного выбора личности. Казалось бы, причём здесь социокультурная память? При том, что, совершая поступок, даже неблагоприятный, личности нужно хотя бы для себя найти обоснование и оправдание своего действия. Исключение составляют примитивные, с дефектами психики индивиды, для которых «муки совести» просто неизвестны. Речь идёт о возможности соотнесения хранящихся в социокультурной памяти общества и групп представлений о нравственном идеале и возможных вариантах культурного развития, степени допустимости отклонения от идеалов.

В традиционном, переходном и современном обществах выстраивается своя

иерархия смыслов и ценностей, но все они черпают свои идеалы из социокультурной памяти общества. У традиционного общества опыт более древний, глубокий и проверенный временем, у современного общества (например «американского»), в силу его короткого периода существования (300 лет), меньше своего опыта и может выглядеть такое общество менее устойчивым. У переходных обществ ситуация самая сложная. Но важно то, что они могут не только конфликтовать друг с другом и быть в чём-то даже непримиримыми по отношению друг другу, но и нести конструктивный потенциал, в том числе и по отношению к жизни личности.

Для личности всегда может возникнуть ситуация нравственного выбора, когда в социокультурной памяти отсутствует образец поведения. Однако индивид, при желании в своих действиях, отталкиваясь и ориентируясь на идеалы духовности из социокультурной памяти общества, может реагировать на возникшую ситуацию, находить должное решение и выстраивать новую иерархию смыслов и ценностей, пополнив социокультурную память общества.

В социокультурной памяти личность может найти значимые смыслы и символы, духовные ценности, социальную информацию, дошедшую до настоящего времени и руководствоваться ими в собственной творческой общественно-полезной деятельности.

Происходит это следующим образом: субъект (личность или группа) несет в себе то, что входит в содержание его социокультурной памяти (например, ценностные ориентации); результатом взаимодействия субъекта и объекта являются новые знания субъекта, необходимые для жизни в обществе. Речь идет о нормах, ценностях, способах мышления, общения и т.д. При этом могут сложиться две крайности: личность либо всецело принимает эти ценности, либо отвергает их, но в основном складываются промежуточные формы.

Возникает сложная взаимосвязь между субъективным отражением духовных ценностей и достижений культуры, сформированных в прошлом, и актуальными ценностными установками и инструментами, используемыми субъектом (индивидом, личностью, группой и обществом) в настоящем.

Позитивная социокультурная память является связующей нитью между прошлым и настоящим, она хранит и воспроизводит гуманистические идеалы человеческих отношений в прошлом и не даёт им безвозвратно исчезнуть.

При этом, как мы отмечали выше, социокультурная память нуждается в целенаправленном сохранении и осмыслении в условиях современного общества. Результаты модернизации, проводимой с 1993 года в России по западному образцу, с внедрением «рыночных отношений» выявили необходимость сохранения своего самобытного опыта и принятия мер для сохранения духовности, центрообразующей силой которой выступает единство добра, истины и красоты.

Духовность личности формируется в процессе социализации, освоения традиций и восприятия форм общественного сознания. У развивающейся личности появляется возможность сначала неосознанно, а позднее и осознанно найти способы формирования духовности в себе, т.е. речь идет о становлении духовного «Я» человека. Среди данных способов можно назвать: освоение смыслов, ценностей и норм, доставшихся от прошлых поколений; на этой основе осуществление деятельного построения своего мировоззрения в процессе служения обществу и государству, а также добросовестного выполнения своих профессиональных обязанностей; формирование своей социокультурной идентичности, например, в процессе восприятия народного творчества, фольклора, произведений литературы и изобразительного искусства, созданного в прошлом и др.

Вместе с тем в рационализированной Европе в условиях постиндустриального и цифрового общества стало популярным движение за реставрацию примордиальной традиции, за возврат к Средневековью как образу жизни и признанию церкви в качестве высшей инстанции при решении важнейших вопросов общественного устройства. На Западе немало сторонников этого движения. Последователи Р. Генона [51], Ю. Эволя [236] и других теоретиков современного традиционализма распространяют по сути арийско-языческие ценности, используя для этого возможности информационного общества. Традиционное общество – самое устойчивое образование. Сейчас много стран с

традиционным менталитетом (Ю-В Азия, Иран, Ирак, Саудовская Аравия, ОАЭ и др.). Парадоксально, но именно современное западное общество, подавляя традиционные устои, порождает в конечном счёте то, с чем оно боролось или подавляло распространение в современном мире традиционалистских настроений. Речь следует вести не о возвращении в Средневековье, а о критическом осмыслении устойчивых черт традиционного общества, учитывая лишь полезный для современности социокультурный опыт. Определённым выражением последнего является социокультурная память.

Очевидно, что в современной России для защиты социокультурной памяти необходимо создание атмосферы уважительного отношения к социокультурному опыту, наработанному предшествующими поколениями. Олицетворением такого духовно-нравственного образа, как мы отмечали выше, является воин-защитник, воин-патриот. Для формирования и воспитания воина-защитника, воина-патриота необходимо ставить реалистичные, конкретные цели с учетом современных вызовов для России.

На данном этапе развития современной России, как считал В. А. Кутырёв, «идеалом должен быть не “человек разумный” и даже не “человек духовный”, а “человек целостный”» [98, с. 176]. А. С. Панарин предсказывал появление постэкономического человека, «ориентированного на духовные, культурные и экологические приоритеты» [143, с. 414].

Абсолютно совершенных во всех отношениях личностей не существует, но обществом в разные эпохи создаётся духовно-нравственный идеал, о котором люди имеют представление и на который пытаются ориентироваться, проявляя в своём поведении те или иные духовные, нравственные качества.

В современных реалиях, когда прагматизм доминирует в отношениях между людьми, духовность личности находится в опасности: «светлые», гуманистически направленные стороны личности уступают «тёмным» её сторонам. На первый план выходят эгоизм, потребительское отношение к людям, равнодушие, жестокость. Для преодоления данной ситуации нужно задействовать все пути формирования социокультурной памяти.

Социокультурная память базируется, прежде всего, на оценке прошлого в настоящем, т.е. на чувстве современности. Однако оценка субъективна и зависит от качеств оценивающего субъекта. Люди, являясь современниками и соотечественниками, могут одно и то же явление оценивать по-разному. В связи с этим важным является вопрос об истинности или ложности оценок, которые могут опираться на обыденные представления и опыт, а также на научные знания. Однако общим критерием истинности является общественная практика, а не автоматическая принадлежность оценки к науке или обыденному знанию. Оценка субъективна, её природа внутренне противоречива. Вместе с тем истинность оценки связана с адекватным пониманием субъектом объективного значения, оцениваемого им явления (или объекта) и осознания степени его ценности для данного субъекта, проявляющейся в поведении субъекта, его стремлении к формированию и развитию в себе возвышенных сторон человеческой жизни, т.е. духовности детерминированной социокультурной памятью.

На основании оценок субъекты выносят конкретные решения. Практическая деятельность по реализации этих решений имеет как количественные (объективные), так и качественные (субъективные) критерии оценки. Если количественная (объективная) оценка связана с возможными объективными характеристиками оцениваемого явления и ориентирована на получение знания, то качественная (субъективная) оценка основывается на реакциях субъекта на явление (объект) и направлена на формирование моральных норм. Сложившиеся в обществе нормы обретают относительную устойчивость, пока происходящие в нём в ходе развития изменения не приведут к критике прежних оценок и старых норм и созданию новых. Вместе с тем потребность индивида иметь устойчивую духовную опору в своей социальной жизни способствует тому, что в обществе социокультурная память воспроизводится и передаётся от поколения к поколению.

В обществе развиваются различные пути сохранения и трансляции опыта прошлого, влияющие на духовное формирование личности. Для того чтобы сохранить, воспроизвести и транслировать культурное наследие и смыслы, необходимы усилия нынешнего поколения людей по сохранению социокультурной

памяти в современной России. Для этого требуется многое: заинтересованность общества, финансы, кадры. Так, формированием социокультурной памяти занимаются институты культуры (музеи, выставки, библиотеки, архивы), институты религии – религиозные конфессии и их организации, институты образования, готовящие кадры для сохранения культурного наследия, СМИ и др.

При этом необходима и материальная составляющая, включающая в себя финансы, оборудование, помещения для научных центров, средних, среднепрофессиональных и высших учебных заведений, научных учреждений. При этом чем больше людей будет задействовано в сохранении досоветского, советского и постсоветского опыта, тем большая вероятность, что оно будет сохранено в памяти российского общества без однобоких и идеологизированных интерпретаций.

Социокультурная память, содержанием которой является опыт прошлого, очень хрупка и противоречива, может быть «короткой», избирательной и подверженной «амнезии». В истории России неоднократно предпринимались попытки разрушить социокультурную память и заменить её «новой» или «истолковать» в пользу заинтересованных субъектов. Для того чтобы хранить, воспроизводить и передавать от поколения к поколению социокультурную память, требуются усилия каждого поколения. По мнению А. П. Булкина, существует система социальных механизмов, призванная выступать гарантом стабильности общества. Эта система состоит из двух подсистем: подсистемы культуры и подсистемы власти [30, с. 23]. Ограниченность культуры дополняется творческими возможностями власти. Мы согласимся с ученым только частично. При всех недостатках «рыночного общества» в современной России, движущейся к современности, не следует забывать о роли и возможностях гражданского общества и частной инициативы, а также доброй воли и деятельности энтузиастов, например меценатов, волонтеров, вносящих свой вклад в сохранение социокультурной памяти своими духовно-нравственными поступками, являющимися примером для остальных. Образцом также могут служить построенные на народные деньги в условиях современного прагматичного

общества памятники и храмы, собранные коллекции музеев и фонды библиотек, формируемые в том числе благодаря добровольцам, желающим сохранить предметы, представляющие определённую культурную ценность. Задействуются различные меры формирования социокультурной памяти и присутствия «следов прошлого» в жизни всех её субъектов.

С 2014 года в Российской Федерации объявляются тематические «именные» года, которые «имеют культуротворческое измерение, идут в одной духоформирующей связке и пронизаны очевидными культурно-гуманистическими смыслами» [159, с. 70]. Так, 2022 год прошёл как Год культурного наследия народов России, а 2023 год стал Годом педагога и наставника, 2024 год объявлен Годом семьи. В рамках «именных годов» проводятся масштабные и значимые культурные мероприятия самых различных уровней, направленные на экологию многонациональной отечественной культуры и духовности, на защиту интересов подвижников этой нужной и важной сферы, принимаются многочисленные законы, реализуются масштабные федеральные проекты, укрепляющие культурную инфраструктуру в регионах. Очевидно, что данная тенденция – не очередной модный тренд или формальная «культурная кампания», а объективная необходимость.

Кроме того, с целью сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей были изданы Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [200]; Указ Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [198]; Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [199].

Пути формирования социокультурной памяти создаются обществом, находящимся на определённой стадии развития, причем у отдельно взятого общества складывается свой специфический механизм её формирования. Они призваны, в итоге, оказать существенное влияние на формирование мировоззрения

личности, соответствующего современным запросам общества, и при этом сохранить преемственность поколений, сберечь своё культурное прошлое и свою идентичность.

Создаваемые в обществе механизмы формирования социокультурной памяти способны менять взгляд личности на социальную жизнь. В моральном аспекте на личность отрицательно воздействует предвзятая, не имеющая объективной основы интерпретация смыслов, ценностей и норм прошлого. Однако их оценка зависит от самой личности, поэтому она субъективна, её природа часто внутренне противоречива. При этом мы рассматриваем духовность, прежде всего, как индивидуальную практику конкретной личности, стремящейся к пониманию высшей цели своей жизни и смысла отношений с другими людьми и обществом в целом.

Само по себе наличие такого общественного явления, как социокультурная память, не гарантирует решение проблемы духовного формирования личности. Важным является ответ на вопросы, какие смыслы, ценности и нормы берёт из социокультурной памяти в свою жизнь и постоянно практикует конкретная личность. Созданные обществом механизмы формирования социокультурной памяти предоставляют ориентиры, опираясь на которые живущая сейчас личность может понять современное положение дел и сделать выбор своего поведения, в том числе в условиях неопределённости и стохастичности современной жизни.

Нами выделяются следующие механизмы формирования социокультурной памяти: 1) социокультурные традиции; 2) процесс социализации; 3) формы общественного сознания (политика, мораль, право, религия, искусство). Данные механизмы в целом представляют собой систему, каждый отдельно взятый механизм также можно рассматривать как автономную социальную систему. Известно, что отношения в системе могут быть гармоничными и конфликтными. Более того, социокультурная память формируется в конкретном обществе, которое представляет собой саморазвивающуюся систему, также несвободную от противоречий и конфликтов.

Таким образом, механизмы формирования социокультурной памяти призваны

оказывать направляющее и настраивающее воздействие на личность и формирование её духовности.

1. Социокультурные традиции.

Среди механизмов передачи социокультурной памяти традиции имеют первостепенное значение, поскольку обращение общества к прошлому реализуется и через традицию. З. Р. Валиуллина, Л. Р. Хасанова пишут: «Традиция позволяет утверждаться устоявшимся, сохранившимся схемам, нормам и идеалам деятельности людей» [36, с. 127]. Уже на обыденном уровне общественного сознания традиции объединяют индивида с обществом. М. Шелер трактует традицию как проявление своеобразной видовой программы, осуществляющейся через индивида [228, с. 146].

В основе образа будущего расположены осознанная необходимость репрезентации конкретных традиций и обращение к их авторитету. Интересную мысль высказал В. В. Аверьянов. Он замечает, что «традиция есть не только форма социокультурного наследования, организованная таким образом, чтобы обеспечить возобновление вложенного в него содержания, но ... и сам процесс организованного таким образом наследования» [1, с. 7].

А. В. Костина отмечает, что «в каждом обществе и формируемой им культуре существует определённое динамическое соотношение традиционности и инноваций» [94, с. 61]. Традиционность поддерживает стабильность, а инновации способствуют изменению общества. По сути, это две стороны одной медали, отличающие одно общество от другого и обладающие своеобразием или самобытностью (идентичностью). В обществе как системе имеется своя внутренняя динамика; при этом оно одновременно испытывает на себе и внешние воздействия. Эти два фактора проявляются в общей характеристике традиционных и современных обществ и принципах их социокультурной регуляции. Однако традиция не является чем-то несовместимой с модернизацией и не сводится лишь к мифологическим трактовкам социальной реальности прошлого, а проявляется как стабилизирующий и регулирующий фактор изменения [237]. П. С. Гуревич подчеркивал, что «суть традиции не в том, что она противостоит переменам, а

выражает некие неизменные константы человеческой жизни, которые находят свое отражение во всех культурах и социумах» [59, с. 5].

Социокультурная память в разных исторических условиях функционирует по-разному. При стабильном существовании общества постоянно воспроизводится привычный уклад жизни, складываются спланированные ритуалы, деятельность индивидуума не отличается от деятельности его предков. Принято считать, что эти характеристики относятся к традиционному доиндустриальному обществу, в котором первостепенным механизмом формирования социокультурной памяти выступает традиция.

Однако с традициями необходимо обращаться аккуратно; прошлые социокультурные практики, хранящиеся в социокультурной памяти, могут вступать в противоречие с современными, что приводит к дестабилизации социальной ситуации, ценностной системы общества. Примером служат социальные кризисы постимперской и постсоветской России. Традиция обуславливает прошлым настоящее и будущее. В обществе традиции могут передаваться по-разному, но не все они воспроизводятся последующими поколениями. Традиции могут быть адаптированными и архаичными, т.е. неадаптированными к условиям жизни современной личности и общества, и иметь как позитивный, так и негативный потенциал. Например, в прошлом были распространены традиции человеческих жертвоприношений, самоубийства вдов и т.п. В современных условиях традиции, препятствующие общественному прогрессу, в основе которого стоит гуманизация общества и формирование в нем достойных условий для жизни людей, не могут приниматься и одобряться современной личностью и обществом. По мнению С. Н. Комиссарова, «следствием архаизации в современном российском обществе является определенный эклектизм принятия конструкта традиционных ценностей» [89, с. 23].

Вместе с тем устойчивость норм и ценностей в обществе говорит о его самобытности и наличии условий, способствующих сохранению в нём культурной традиции. Однако негативный потенциал некоторых традиций может привести к стагнации общества. Это происходит тогда, когда процесс консервации

определённой системы ценностей, догматизации идеологии, архаичных, изживших себя форм общественных отношений (например, традиция поклонения должности руководителя (вождя), его культ) сопровождается одновременным подавлением в обществе нововведений и заимствований; при этом стандартизируются определённые формы общественного бытия и сознания, одновременно вытесняются «не канонизированные» их формы. Исторический опыт показывает, что это может привести к ситуации, когда стандарты перестают отвечать требованиям развивающегося общества, к возникновению кризисных явлений, осознанию необходимости изменений, их осуществлению или полному разрушению общественной регуляции и хаосу. Таким образом, трансформация общества и появление его нового состояния связано с процессом переосмысления прежних норм и ценностей в условиях новых запросов общества. Эффект приобщения личности к группе и обществу и их традициям создаётся благодаря ритуалу и обряду, частью которого индивид себя ощущает. Универсальными обрядами, например, выступают бракосочетание и похороны.

Ритуал и обряд проявляется в организованных мероприятиях, воссоздающих значимые образы прошлого, которые актуализируются в современном общественном сознании. Важное значение имеет возраст человека, участвующего в ритуалах и обрядах. В частности, хранителями знаний о порядке проведения религиозных обрядов были в основном люди пожилого возраста. Большое значение придаётся участию в ритуалах и обрядах детей. Г. В. Любимова отмечает: «Г. С. Виноградов одним из первых обратил внимание на то, что ... этнографы мало уделяют внимание “процессу унаследования культуры”, тому, какими путями каждое новое поколение “вступает во владение культурным богатством, добытым ранее живущими поколениями”, и призвал изучать детский возраст, поскольку именно в это время совершается “процесс унаследования”» [117, с. 54]. Следует подчеркнуть значимость организации системы деятельного участия людей в памятных ритуалах и обрядах (например, в шествии «Бессмертного полка» или участии в национальном празднике Сабантуй).

Особенно мощным средством выражения и закрепления должного в сознании

индивида, механизмом формирования социокультурной памяти является символ. Примером служит Могила Неизвестного солдата у Кремлёвской стены. Разнообразные символические ритуалы, акции, мероприятия, несущие социокультурное содержание, призваны культивировать в общественном сознании признанные в обществе позитивные цели, смыслы и ценности, формируя мировоззрение и социокультурную идентичность личности, или, наоборот, они способны внушать ей негативные идеи и смыслы, способные содействовать её деструктивному поведению. О роли символа во взаимодействии прошлого и настоящего писала Е. А. Царева, которая рассматривает символ как способ бытия «социокультурной памяти» [221].

2. Процесс социокультурной социализации.

Воздействие социальной среды и культурного опыта общества на личность осуществляется в процессе социализации. С одной стороны, в ходе этого процесса общество передает индивидууму социальный опыт, с другой стороны, происходит усвоение им данного опыта. Социализация может оказывать на индивида как целенаправленное воздействие, так и спонтанное, стихийное влияние. А. В. Соколов подчёркивает, что свобода действия в любом обществе имеет определённые рамки, воспринимаемые в процессе социализации: «свобода социализированной личности соотносится с общественным законом и, соответственно, с ответственностью за его соблюдение» [177, с. 15]. Социализация происходит на всем протяжении жизни индивидуума и имеет социокультурное измерение (знание общественных норм и ценностей).

Социокультурная память является результатом субъективного отражения ценностей и достижений культуры, сформированных в обществе на конкретном историческом этапе развития. Данное субъективное отражение осуществляется в условиях конкретного общества и в рамках сложившихся в нём ценностных установок, формальных и творческих инструментов познания и оценки прошлого и настоящего, прогнозирования будущего. Однако необходимо учитывать, что подобные ценностные установки и инструменты также формируются на основе достижений культуры, созданных в прошлом конкретного общества.

В процессе социализации происходит усвоение (в случае отрицательной социализации, наоборот, неусвоение) социокультурной памяти с помощью специального механизма в психике человека. Речь идёт о процессе, называемом интериоризацией [45] (от лат. interior – внутренний).

Выше мы выделили два вида социокультурной памяти: негативную и позитивную, кроме того, обсудили характеристики бездуховности и духовности личности. В характере человека возможно разнообразное и бесчисленное сочетание этих составляющих. Предполагается, что в структуре духовно развитой личности преобладает позитивная социокультурная память, что, соответственно, находит отражение в её поведении. Возможно, негативная социокультурная память больше доминирует в структуре бездуховной личности и также отражается на её поведении.

Социализация личности может быть положительной, способствующей развитию духовности личности, или отрицательной, препятствующей формированию духовности личности. В этом проявляется избирательность сознания личности, которое принимает ценности общества или отвергает их.

3. Формы общественного сознания: 1) политика, 2) мораль, 3) право, 4) религия, 5) искусство.

Первоначальной формой общественного сознания была мифология, представлявшая собой единую форму духовности. Произшедшее разделение труда, а также сфер жизни общества способствовало дифференциации мифологического сознания. По мнению К. Ясперса, появление в «осевое время» [245] мировых религий и философии вывело человека на новый уровень духовного освоения мира и поставило перед ним вопрос о смысле бытия и его существования. Возникла система религии, морали, политики, права, искусства, в эволюции которых важнейшую роль играла преемственность. Каждая из них представляет собой относительно автономную систему, тесно связанную с другими. Вместе они составляют единую систему, являясь разными гранями единой духовной жизни личности и общества.

1) Политика. Политическая деятельность обуславливается интересами людей

и находит отражение во взглядах на политику. Политика рассматривается и как государственная деятельность, и как сфера жизни общества, в которой государства, общественные институты и отдельные люди реализуют свои цели и интересы, используя возможности власти [186]. Составной частью политики является идеология. Нормы и ценности, обозначенные в идеологии, формируются на основе социокультурной памяти. Различные политические силы берут из последней то, что нужно им, пытаясь доказать, что они единственные могут реализовать волю всего общества, но не все члены общества разделяют навязываемые им идеологические установки.

2) Мораль. Мораль представляет собой систему воззрений на социальную жизнь общества, истории и индивида. Людям удалось сформировать представления об основных ценностях, отнеся к ним совесть, счастье, справедливость, честь, долг и добро [157, с. 402]. На протяжении истории в выборе между личным или общим благами приоритет моралью отдавался общему благу. Вместе с тем в ходе своего развития человечество все больше стремилось совместить благо личное и общее. В. С. Соловьев отмечал: «Само нравственное начало предписывает нам заботиться об общем благе, так как без этого заботы о личной нравственности становятся эгоистичными, т.е. безнравственными» [178, с. 290-291]. Однако моральные оценки одной и той же социальной проблемы со временем могут меняться. Во многом это связано с изменением социальной и политической ситуации в обществе и актуализацией определённой части социокультурной памяти, которая либо обеспечивает данные изменения, либо призвана этим изменениям противостоять. Не каждая личность готова воспринимать мораль трансформируемого общества (например, переход от социалистической морали к буржуазной).

3) Право. В системе социальных норм важнейшее место занимают нормы права, они, в отличие от других социальных норм, устанавливаются или санкционируются государством и обеспечиваются возможностью применения мер государственного принуждения. Нормы права, нормативно-правовые акты, правовое сознание и другие юридические явления можно рассматривать как

специфическую проекцию политико-правовой культуры конкретного общества. Право достаточно прочно связано с моралью. Юрист и философ П. И. Новгородцев писал: «... основы морального сознания... это те начала, которыми всегда питалось прогрессирующее правосознание и которыми оно всегда будет питаться впредь» [137]. В нормах права, нормативно-правовых актах и, прежде всего, в Конституции отражаются сложившиеся представления о том, каким должно быть общество и государство, а также фиксируется преемственность прошлого. Так, в ч. 2 статьи 67.1 Конституции Российской Федерации 1993 года закреплено: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство» [91]. Однако в тоталитарных и авторитарных государствах власть использует право как средство запугивания и нелегитимного насилия в отношении большинства членов общества, нарушает принцип равенства всех перед законом и судом, выбирая из социокультурной памяти то, что оправдывает такие действия. В таких государствах формируемое право, выраженное в законах, будет больше всего препятствовать формированию духовности и стимулировать развитие бездуховности в худших её проявлениях.

4) Религия. В жизни общества и индивида религия выполняет целый ряд задач [93]. Важнейшими из них являются сохранение традиций, норм и ценностей прошлого в религиозной форме, их воспроизводство в современном обществе. Религия как система верований, норм и ценностей способствует поддержанию целостности общества [29, с. 229]. Религиозные нормы, изложенные в Библии, Коране и других писаниях, дополняют систему социальной регуляции общества и, как отмечает Л. С. Астахова, разделяя взгляды Э. Дюркгейма [69], могут иметь принудительный характер [10, с. 19]. Нормы общежития народов России вырабатывались под воздействием религиозных представлений православного христианства, ислама, буддизма, иудаизма и разнообразных верований различных этнических групп. Эти религиозные ценности и нормы поведения в российском обществе трактуются как предписанные варианты поведения, как требование

соответствующих поступков в определённых обстоятельствах. Доктор богословия Бекир Карлыага пишет, что «религия позволяет человеку открыть возвышенные ценности» [76, с. 96], однако религия может выступать и как реакционная сила.

5) Искусство. Искусство возникает на основе эстетического отношения человека к действительности, отражает и развивает эстетическую практику человечества и служит средством формирования чувств, воли и разума личности [136, с. 14]. Духовный мир личности не может быть безразличен ко всему, что его окружает и вызывает переживания. Это отношение к действительности и породило явление искусства. Оно оказывает важное влияние на складывающиеся представления о действительности в духовном мире личности. То, что в других сферах человеческой жизни может находиться в зачаточном состоянии, в искусстве отображается в развитой форме как воплощённый в реальность идеал. В силу своей идеальности красота имеет жизнеутверждающий характер, противостоит деградации и разрушению. Это сближает искусство и нравственность, потому что безнравственные поступки не оцениваются как красивые [113]. Образ возвышенной стороны личности, передаваемый от поколения к поколению, в том числе и через искусство, вдохновляет людей на его воплощение в реальной жизни.

Вместе с тем с помощью искусства или, правильнее сказать, псевдоискусства, широко представленного в массовой культуре, зачастую создаётся иллюзия реальности, обладающая разрушительным для психики личности потенциалом. Развитие экономических отношений способствовало коммерциализации искусства. Важнейшим показателем её развития стала прибыль, получаемая за продукцию массмедиа. В рамках такого псевдоискусства формируются образы псевдогероев, в поступках которых размыты «добро» и «зло», а успех символизирует «чемодан с деньгами», который «хорошими» парнями был отобран силой или хитростью у «плохих» парней. С помощью информационных технологий псевдоискусство тиражируется в информационном пространстве и становится доступным для несовершеннолетних детей. Например, в сюжетах псевдоискусства негодяи могут быть представлены как успешные люди, а их жертвы как сами во всём виноватые неудачники. Такое «искусство» не способствует формированию возвышенной

стороны (духовности) личности.

Всё многообразие содержания социокультурной памяти, отражённое в формах общественного сознания, может в той или иной степени восприниматься или не восприниматься конкретной личностью, что неизбежно влияет на её духовное формирование или, напротив, способствует её бездуховности.

Каждый из механизмов вносит свою лепту в формирование, сохранение и передачу социокультурной памяти. Следует признать и их противоречивый духоформирующий потенциал. Механизмы формирования социокультурной памяти обладают возможностями, которые могут способствовать развитию духовности личности, но могут и препятствовать этому процессу.

Подводя итоги данного параграфа, можно отметить следующее.

1. Нами выявлены характеристики социокультурной памяти, которая: 1) способна создавать в сознании индивида определённую картину мира (мировосприятие); 2) воспроизводит в общественном сознании зафиксированный опыт прошлого; 3) формирует идентичность её носителей (субъектов): индивида, личности, группы и общества в целом; 4) фиксирует и транслирует будущим поколениям систему ценностей с помощью сложившихся в обществе специальных механизмов; 5) может интерпретироваться в соответствии со складывающейся социально-экономической и политико-правовой ситуацией в конкретном обществе, что позволяет говорить об её избирательности; 6) находит свое проявление в двух формах – материальной и идеальной; двух видах – негативном и позитивном; а также двух уровнях – обыденно-бытовом и профессиональном.

2. Обосновано, что для сохранения, воспроизводства и интерпретации социокультурного опыта прошлого необходимы усилия каждого поколения. Требуются специальные механизмы, которые призваны актуализировать этот опыт и сделать неотъемлемой частью общественного и индивидуального сознания. Механизмы формирования социокультурной памяти оказывают существенное влияние на духовность личности.

3. Выявлены следующие механизмы трансляции социокультурной памяти, влияющие на процесс формирования личности: 1) социокультурные традиции;

2) процесс социокультурной социализации; 3) формы общественного сознания (политика, мораль, право, религия, искусство). Духоформирующий потенциал социокультурной памяти реализуется в личности при её формировании и развитии. Этот процесс направляется обществом (как целостной социальной системой) с помощью разнообразных способов передачи социокультурной памяти.

2.2. Социокультурная память в контексте социальной ситуации современной России

Социокультурную память целесообразно рассматривать в контексте социальной ситуации современной России. Под термином «современная Россия» в данной работе имеется в виду хронологическое понятие, определяющее период времени с даты прекращения существования СССР 26 декабря 1991 года по настоящее время.

Термин «современность» учёные интерпретировали по-разному. По Э. Гидденсу, современность определяется четырьмя институциональными комплексами: капитализм, индустриализм, современное национальное государство, а также контроль над средствами насилия и надзор за населением, который является прерогативой современного государства [52]. О характеристиках современности писал также П. Штомпка [231, с. 105].

Интересная интерпретация современности принадлежит философу А. Г. Дугину. Разрабатывая свою концепцию «Премодерна-Модерна-Постмодерна», он отмечает, что традиционное общество «мыслится в Модерне (“Современность”) не только как нечто предшествующее “современному обществу” (обществу Модерна), но и как противоположное ему» [64, с. 129]. Философ утверждает: «“Традиционное общество” устроено так, чтобы как можно дольше (а если возможно, то и вообще никогда) не становиться “современным”» [64, с. 129]. А. Г. Дугин также пишет о том, что «глобализм ... это пик модерна, но и модерну, современности можно сказать категорическое “нет”. Сегодня вопрос стоит очень жестко: либо глобализм как самая продвинутая фаза “модерна”, либо многополярность, которая, по сути, означает радикальную переоценку ...

планетарную консервативную революцию, поскольку сторонники многополярного мира, в той или иной степени, оказываются в лагере защитников традиционного общества ... и национальных традиций перед лицом американского “melting pot”, всеобщей унификации и нивелировки» [65, с. 94].

Под понятием «социальная ситуация» С. Г. Климова понимает «последовательность взаимосвязанных событий, локализованных во времени и в социальном пространстве» [87]. В современной России прослеживается взаимосвязь социокультурной динамики и складывающейся социальной ситуации. Под воздействием преобразования доминирующей системы ценностей изменяется и социокультурная система [180]. Изменения, происходящие в различных сферах общественной жизни, влияют на трансформацию социальной ситуации в российском обществе и на процесс формирования личности.

В разные историко-культурные эпохи складываются определённые общественные отношения, отражающие условия, в которых находится общество на том или ином этапе своего развития. Типология и эволюция обществ может быть темой отдельного исследования. Мы кратко поясним некоторые моменты, касающиеся вопросов социокультурной динамики и типологии обществ. Критериев типологий может быть много. Среди них можно выделить критерий развития коммуникативных технологий М. Маклюэна [256]; в качестве критерия Л. Моргана [133] можно рассматривать взаимоотношения людей, их образ жизни, обычаи, традиции. На основе критериев формы собственности и способа производства К. Маркс [122] предложил формационную типологию обществ. Д. Белл разработал теорию, в соответствии с которой историю человечества он разделил на три стадии: доиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную [14]. Ф. Фукуяма пытался обосновать идею восходящего развития, т.е. формирования мировой цивилизации на основе стандартов развитых западных стран [212]. Существуют и другие типологии общества, в их числе концепция «волн цивилизации» А. Тоффлера [193].

С. Крук [248] и С. Лэш [253], [254] выделили концепцию премодернистского, модернистского и постмодернистского обществ. Ф. Махлуп [125] и Т. Умесао [261] положили начало теории информационного общества. На сегодняшний день разработаны

различные теории постиндустриального общества, которые стали потом называть постмодерными. На наш взгляд, постиндустриальное общество – лишь промежуточное звено между современной и грядущей цивилизациями, название которой пока не придумали.

В рамках цивилизационного подхода, набирающего всё большую популярность в современной России, разработано множество теорий, среди них преобладают циклические теории (Н. Я. Данилевский [61], О. Шпенглер [230], П. А. Сорокин [180], А. Тойнби [191]). В развитие циклической теории большой вклад внесла школа «Анналов» (М. Блок [23], Л. Февр [203], Ф. Бродель [28]). С. Хантингтон [216] разработал теорию столкновения цивилизаций, предсказывая, что в будущем между собой столкнутся не государства, а цивилизации. Циклические теории положены в основу цивилизационного подхода, главной чертой которого выступает представление о существовании большого числа разнообразных локальных культур и цивилизаций. Данный подход противостоит линейному подходу и теориям, утверждающим жёсткие однолинейные схемы общественного прогресса.

Вкратце охарактеризуем сложившиеся представления о социальных процессах, происходящих в современном мире.

Западные учёные Д. Белл и А. Тоффлер утверждали, что во второй половине XX века передовые в технологическом смысле страны подошли к постиндустриальному обществу. Д. Белл писал, что постиндустриальное общество представляет собой «новый принцип социально-технологической организации и новый образ жизни, вытесняющий индустриальную систему» [14, с. 109].

Согласно постиндустриальной или информационной теории, в постиндустриальном обществе система ценностей прежнего, индустриального общества и её влияние на формирование индивидуума, по сути, отбрасываются как устаревшие, ненужные. В результате формируется новая система ценностей, построенная на использовании информационных технологий (её также стали называть «обществом потребления», «обществом масс-медиа», «информационным обществом»).

В постиндустриальном обществе происходит умножение объектов, услуг,

товаров. В этом заключается фундаментальное изменение общества и личности. В деятельности современных людей участвует все больше посредников, носящих символический характер. Основной формой деятельности личности в постиндустриальном обществе становится потребление, которое одновременно выступает как социальный институт, а также составляет самостоятельную систему ценностей. Материальное положение и обладание определенным видом вещей становятся намного важнее развитого духовного мира личности. В новом социокультурном пространстве главенствует молодость, а старость и смерть «вытесняются» за его пределы. Формируется «культ» безграничных возможностей, открывающихся перед индивидом, который, даже не выходя из дома и имея компьютер и Интернет, может достичь успеха, разумеется, прежде всего, материального. Духовность представляется как наивность или мечтательность.

Основой качественных изменений в странах Запада и Востока стали информационно-коммуникационные технологии, которые включали в производственный процесс практически все секторы экономики, в том числе образование, медицинское обслуживание и культурную сферу. К завершению XX века модернизированные страны Западной Европы и США создали материально-техническую базу современного постиндустриального общества, чертами которого стали компьютеризация и автоматизация, Интернет, сетевые сообщества, а главное – глобализация экономики и финансов.

Для нашего исследования взгляды о происходящих в мире изменениях вызывают интерес, прежде всего, в связи с переменами в России. Эти изменения позволяют утверждать, что в технологическом плане Россия в начале XXI века частично вошла в постиндустриальную эпоху, и данный процесс активно продолжается. В данной работе понятие «постиндустриальное общество» рассматривается как новый (в технологическом отношении) тип (стадия, этап) общественного развития.

Синонимом слова «современность» в соответствии с положениями теории модернизации стало слово «модернизация», появившееся в середине XX века.

Движение к современности связывалось с постепенным или радикальным

переходом от традиционного к современному обществу. В.Ф. Чеснокова в связи с этим обратила внимание на то, что в своё время Э. Дюркгеймом была поставлена проблема: «... что происходит с сознанием людей и с моральным состоянием социума» [223, с. 160] в процессе его движения от традиционного общества к обществу современному, «основанному на системе договоров, формальном юридическом праве и обосновывающее это последнее общественным мнением» [223, с. 160]? Ответ звучит так: в процессе указанного движения изменяется «структура сознания индивида, члена общества» [223, с. 161]. Выше мы отмечали, как Э. Дюркгейм определял структуру сознания индивида. Два сознания (индивидуальное и коллективное) в итоге, по Дюркгейму составляют одно [67, с. 114], но их соотношение в сознании индивида может быть различным. Изменение соотношения двух составляющих сознания связано с типом общества, к которому относится индивид. В традиционном обществе общественная составляющая в сознании индивида доминирует, а индивидуальная едва заметна. Изменение данного соотношения ведет к трансформации социальных связей «на пути превращения традиционного общества ... в общество современное» [223, с. 161]. Данный процесс сопровождается и изменением культурного наполнения новых социальных связей. При этом в обществе происходит процесс трансформации солидарности «механической» в «органическую». В процессе разделения труда, появления отдельных групп и усложнения общества в сознании индивида, помимо слабеющей общественной составляющей, появляется групповая составляющая, а в дальнейшем, по Дюркгейму, в современном обществе происходит процесс формирования личности, в сознании которой становится доминирующей индивидуальная составляющая.

Об особенностях традиционного общества и его отличиях от современного написано немало трудов [251], [231], [64], [143], поэтому в данной работе эти вопросы рассматриваются лишь в связи с темой нашего исследования, требующего понимания термина «современное общество».

Среди отличий между традиционным и современным обществами следует выделить следующие особенности.

1. Если рассматривать два этих типа обществ через призму нормы, то можно сказать, что традиционное общество – это общество «нормы», современное общество – это общество рациональной интерпретации нормы с претензией когда-нибудь выйти за её пределы.

2. В современном обществе время движется не по кругу, как в традиционном обществе, а скорее – по экспоненте. Формирование современного общества связано с развитием индустриального производства и капиталистического рынка, стимулировавших формирование бюрократического государства и рост городов. Следует признать, что сегодня формируется так называемое «глубинное государство», т.е. когда значительно сохраняется часть управленческого аппарата, какими бы ни были политические изменения.

3. В отличие от традиционного в современном обществе происходит освобождение от «предопределения», и у людей возникает представление о множественности альтернатив при выборе, будущее становится открытым. Ещё в традиционном обществе началось движение человечества к субъективному началу. Позднее личное выделяется из общественного, появляется «частная жизнь». В современном обществе (модерн) происходит разделение на частную и публичную сферы.

4. В традиционном обществе признаётся незыблемость существующих порядков. В современном обществе допускается пересмотр существующего порядка. Традиционное общество ищет идеал в прошлом, а современное общество создаёт идеальные образы, направленные на совершенствование настоящего и формирование лучшего (в сущности, технического) будущего.

Важным является вопрос: обеспечивает ли социокультурная память формирование социальной действительности в традиционном и в современном обществе? В традиционном обществе социальная действительность формировалась путём воспроизводства прошлого с помощью «власти традиций». Сохранение традиций способствовало относительно стабильному существованию данного общества, неизменной в нём идентичности и относительно стабильному воспроизводству прошлого и социокультурной памяти. Смена традиционного

общества современным изменила ситуацию. Феодалное сословное общество сменилось индустриальным обществом, которое двигалось от сложившихся в прошлом социальных норм и порядков. Процесс этого движения в одних обществах происходил путем реформ, в других он принимал более радикальные формы вплоть до попыток полного разрыва с прошлым. В последнем случае учреждался тип общества, строящегося на собственных основах, прежние смыслы, идеалы и нормы обесценивались, подлежали отмене и теряли своё значение. В случае реформирования этот процесс проходил значительно менее радикально и зачастую противоречиво. Современное общество динамично и способно к самообновлению. В нем сложнее проходит процесс формирования идентичности. В современном обществе доминирует критический взгляд на прошлое, настоящее и будущее. Под сомнение ставятся идеи, смыслы, ценности, нормы и другие составляющие содержания социокультурной памяти, выявляются противоречия и теневые стороны того или иного явления, формируются альтернативные взгляды на прошлое. В таком обществе деятельность в настоящем направлена на совершенствуемое и усложняемое будущее. Настоящее в нем есть отправная точка движения к будущему. Современное общество представляет собой сложную, самоорганизующуюся систему. Формирование социальной действительности – как в традиционном обществе путём простой реконструкции прошлого – в современном обществе невозможно. Задавая себе критические вопросы и рефлексировав, индивидуумы в современном обществе из прошлого в настоящее берут только то, что для них имеет смысл с осознанием той изменяющейся реальности, в которую они погружены. Поэтому социокультурная память в таком обществе избирательна и может трактоваться по-другому, чем в обществе традиционном.

Следует также отметить, что представление о духовности личности в ценностных системах традиционализма и модернизма существенно отличаются друг от друга. Замкнутости на собственной системе ценностей традиционного общества в той или иной степени противостоит открытость общества модерна, пытающегося найти универсальные ценности для всех народов и обществ.

В современном обществе на любое мнение можно найти противоположное, для каждой ценности обнаружить её противоположность. Однако социальная жизнь требует согласованных целей и действий, а также осознания своего единства в том числе, когда необходимо взаимодействие представителей разных культурных общностей. Основой единства должен стать зафиксированный в социокультурной памяти общий духовный опыт. Для нахождения актуальных в настоящем следов прошлого, являющихся «базой» для развития настоящего, нужны личности, устремлённые к собственному духовно-нравственному развитию и способные за собой повести остальных, в том числе и своим примером. При этом необходимо учитывать, что информацию из данной «базы» можно интерпретировать и придать ей смысл, который, зачастую, может воспрепятствовать развитию духовности личности.

Однако следует подчеркнуть, что споры о дихотомии «традиционность – современность» в науке продолжаются вплоть до её полного отрицания. Данное обстоятельство нельзя не учитывать. А. С. Панарин критически отмечал: «Дихотомия “традиционность-современность” пронизывает все отрасли современной либеральной общественной теории. Все недочеты современного общественного развития приписываются пережиткам традиционализма» [143, с. 32]. Учёный писал, что понимание современности с позиции либерализма «лишает народы права на историческое творчество – на преобразование господствующих ценностей и институтов» [143, с. 32]. Последствием вестернизации мира может стать «инверсионный взрыв» [143, с. 410].

Понятие «современное общество» применимо не только к западным странам. Нельзя Японию, Южную Корею и ряд других стран юго-восточной Азии считать несовременными. Вместе с тем культурные традиции в данных обществах достаточно устойчивы. Это говорит о том, что традиционное общество и современное общество не обязаны исключать друг друга. Любое современное общество представляет своего рода сплав традиций и новаций. Соотношение традиций и новаций служит основанием для характеристики общества, при этом традиции необязательно являются помехой для модернизации.

В настоящем исследовании социальная ситуация современной России рассматривается как взаимосвязь двух (даже трех) типов развития российского общества: сохраняющихся элементов традиционного общества, действующих сегментов индустриального, а также активного перехода в стадию постиндустриального общества. Эти типы развития в социокультурной реальности современной России тесно переплелись между собой. И в индустриальной современности, и постиндустриальной современности в той или иной степени проявляются и традиционные элементы.

Понятие «постиндустриальное общество» рассматривается нами как новый в технологическом отношении уровень развития современного общества, т.е. переход от индустриального общества в постиндустриальное. Предпосылки демодернизирующего импульса были заложены прежде, в период развития индустриального общества. В постиндустриальных обществах, в ряды которых вошла Россия, происходит развитие устоявшихся некоторых установок индустриального общества и возникновение новых противоречий, отражающихся в общественном сознании. Перечислим данные противоречия.

Первое. Капитализм «свободной конкуренции» в той или иной степени справлялся с задачей поддержания индивидуалистической системы ценностей, сочетавшейся в определенной мере с моралью традиционного общества. Данная система фактически смягчала социальные антагонизмы. Однако в постиндустриальном обществе прежних принципов морали недостаточно для социальной интеграции в условиях идеологии индивидуализма. Отсюда это противоречие можно сформулировать как противоречие между индивидуумом и обществом.

Второе. В современной России на государственном уровне и уровне морали поощрялись и легализовались основы общества потребления, а поведение, выходящее за рамки культа потребления, порицалось. Отсюда возникает второе противоречие. С одной стороны, делается попытка одновременно внушать потребителю, что потребление является главным критерием социальных достижений, с другой стороны, – добиваться от него самопожертвования во имя

других и блага общества.

Третье. Противоречия постиндустриализма наиболее ярко проявляются в феномене современной молодежной субкультуры. С одной стороны, в её основе находится философия постмодерна, с другой стороны, она представляет собой что-то вроде демодернизации или возврата к роду традиционного общества [56], [225]. Не зря некоторые социокультурные тенденции сегодняшнего дня описываются в терминах «Новое Средневековье», «Новое Варварство».

Четвертое. Интернет из средства коммуникации стал средством манипуляции и тотального контроля за личностью.

Переход к цифровому обществу дал возможность расширить и в определённой степени снять рамки традиционалистского сознания общества. В последние двадцать лет в связи с массовым распространением персональных компьютеров и развитием глобальной сети Интернет широкую известность и популярность приобрело понятие «виртуальная реальность». В современных социогуманитарных исследованиях используется также термин «виртуальное пространство» или пространство разнообразных коммуникаций. По мнению Б. А. Осиповой, «в современной ситуации ... возможности человека присоединяться к самым разным коммуникативным потокам ограничиваются только его способностью включаться в контексты разных “языковых игр”» [141, с. 128]. Современное коммуникативное пространство дает возможность всем людям, имеющим доступ к Интернету, погрузиться в мир разных культур. Это иным образом формирует содержательный контекст социокультурной памяти и, соответственно, разных ценностей и смыслов. Поскольку об особенностях межкультурной и монокультурной коммуникациях написано немало работ [126], [127], в данном исследовании мы лишь касаемся этой проблемы в рамках заявленной темы.

Процесс информатизации (в культурном смысле) в России постепенно превратился в освоение системы ценностей западного общества. Следует согласиться с мнением А. И. Каптерева: «Пересечение границ, фактическое размывание границ всего и вся, возможно, когда-нибудь приведет к созданию метакультуры, но сегодня это происходит с одновременным отрывом от культуры

традиционной для того или иного региона и невольным восприятием ценностей западной цивилизации» [83, с. 265]. Кроме того, в сети индивид теряет связь с реальным миром, и происходит его уход в мир цифровой информации. По мнению философа И. В. Жадуновой, неограниченная возможность трансляций на широкую аудиторию мнений «с применением риторики ненависти» [184, с. 251] является одной из предпосылок повышения «уровня агрессии в коммуникативном пространстве» [184, с. 251].

В общественных науках для описания динамических процессов, в том числе и социокультурных, происходящих в обществе, используется понятие «социальное развитие». В социальной философии «развитие» определяется как «понятие, характеризующее качественные изменения объектов, появление новых форм бытия, существование различных систем, сопряженное с преобразованием их внутренних и внешних связей» [181, с. 401]. Являясь универсальным процессом, развитие не осуществляется одномерно, последовательно и линейно. Его характеризуют «отступления» и «возвраты», прогресс и регресс, цикличное и челночное движение. Е. Ю. Рудкевич отмечает, что если рассматривать общество как открытую систему с нелинейными обратными связями, то процесс его «развития ... сопровождается многочисленными флуктуациями, возникновением неустойчивостей и обратных движений, чередующихся с периодами стагнации» [168, с. 205].

Общество всегда находится в динамике, в нём могут меняться взгляды, в том числе и на историческое прошлое. То, что в общественном сознании актуально сегодня, может завтра перестать быть таковым. Социальное развитие является результатом взаимодействия большой совокупности социальных процессов, основу которых составляет целенаправленная деятельность людей – субъектов этих процессов. П. Штомпка пишет о социальном развитии как о «направленном процессе, т.е. таком, в котором ни одно из состояний системы не повторяется ни на какой предыдущей стадии, а на более поздней выходит на более высокий уровень в какой-либо сфере» [231, с. 25]. Чтобы понять общество в нынешнем его виде, необходимо осознать сущность процесса изменений, который привёл общество в

его современное состояние. Социокультурную память целесообразно исследовать, связывая её с социальными изменениями, происходящими в современном обществе.

Для более полного понимания современной социальной ситуации следует вернуться к рассмотрению понятия «модернизация», которое часто авторы используют не только в качестве синонима понятия «современность», но и понятия «развитие». В нашей работе модернизация рассматривается в плане обозначения прогрессивного развития общества, т.е. в широком смысле.

В. Г. Хорос отмечал: «Модернизация в широком смысле этого слова есть переход от традиционного общества к современному, от аграрного к индустриальному. Этот переход охватывает длительный исторический период примерно от XVI века по настоящее время (для многих стран он еще не завершен)» [166, с. 12].

Теория модернизации претерпела множество пересмотров, но продолжает сохраняться в научном обороте, в том числе предметом дискуссии был вопрос соотношения модернизации и вестернизации. В итоге был признан дискурс о «модернизации в обход вестернизации» (или «множественности модернити») [101, с. 100].

Современные трактовки теории модернизации уже не утверждают, что траектория развития всех обществ едина и линейна; учитывая различия в развитии и западных стран, признаётся, что унифицированный процесс модернизации для всех стран и народов в современном мире невозможен.

Общая специфика модернизации (развития) современной России характеризуется следующим.

1. Первостепенную роль в России в процессе модернизации занимает государство [85, с. 134-135].

2. Российскую модернизацию авторы относят к неорганическому типу модернизации [15, с. 51].

3. Современная Россия причисляется к странам «догоняющей» [95], [202], [46] модернизации.

4. В России процесс модернизации отличается длительностью и растянутостью во времени, и данный процесс отличается своей незавершенностью [140, с. 53].

5. России, в отличие от стран «классической» [187, с. 161] модернизации, свойственны не линейно-поступательная, а волновая, циклическая направленность [15, с. 51], а также инверсионность.

6. Модернизация в России отличается недостаточно четким разграничением общественных сфер деятельности. А. Турен отмечает: «Главным условием модернизации является функциональная дифференциация подсистем, в частности, разделение политики и религии, экономики и политики, формирование автономных сфер науки, искусства, частной жизни» [259, р. 237]. Прежде всего должно произойти отделение рынка от других сфер общественной жизни. По мнению К. Поланьи, «саморегулирующийся рынок требует ничего иного, как институционального разделения общества на экономическую и политическую сферы» [257, р. 105]. В России такого разделения не произошло, однако активно реализуется практика государственно-частного партнерства при осуществлении инвестиционных проектов [102], [42].

Выделенная специфика, по мнению сторонников западной модели модернизации, доказывает незавершённость модернизации в современной России. Вместе с тем то, что считается «незавершённостью», может рассматриваться как органический эволюционный процесс, когда то, что не соответствует сложившейся социокультуре конкретного общества, с течением времени «не приживается» в нём. Выше отмечалось, что процесс модернизации не следует рассматривать как универсальный для всех обществ; с точки зрения цивилизационного подхода, результатом модернизации для России может стать формирование современного, но не западного общества.

В условиях модернизации российское общество стало более открытым, поэтому персонифицированные отношения в нем могут быть мобилизованы для достижения конкретной цели и ориентированы на «проектную» деятельность даже в обход традиционных норм. В традиционных отношениях в основном не

предусматриваются постоянные изменения. Вместе с тем по мнению А. И. Олейника, «... в проектной сфере отношения чрезвычайно гибки и могут изменяться так быстро, как этого потребует специфика работы над проектом» [140, с. 60]. Поэтому современные нормы проникают в традиционные взаимодействия. Нормы традиционного общества трансформируются в современные формы взаимодействия, прежде всего в сфере экономики.

Следует также отметить, что развитие (модернизация) выступает общим понятием, охватывающим изменения во всех четырёх основных сферах общества: экономической, политической, социальной и духовной. Социокультурная сфера является связанной с духовной сферой. Однако исторический опыт показал, что модернизация не всегда носит системный характер. Например, проводимые с 1979 года в Китае реформы были инициированы руководством КПК и направлены на структурное изменение экономики, которая приобрела отчасти рыночный характер. Однако политическая система там остаётся практически неизменной.

Вместе с тем наряду с общими понятиями «модернизация», существуют специальные видовые понятия, такие как «социальная модернизация», «экономическая модернизация», «политическая модернизация». В рамках темы работы важно выделить понятие «социокультурная модернизация», которое характеризует динамику изменений социокультурной сферы общества [132, с. 231]. Социокультурная модернизация представляет собой противоречивый и неоднозначный социокультурный процесс формирования структур и институтов общества, соответствующих требованиям и вызовам современности.

Среди авторов, разрабатывавших проблему социокультурной модернизации в России, следует назвать, прежде всего, А. С. Ахиезера [11] и А. С. Панарина [143]. В дальнейшем данной проблематике посвятили свои работы В. Г. Федотова [205], Н. Е. Тихонова [189], [190], [188], С. М. Поздяева [152]. Прикладной аспект социокультурной модернизации разрабатывал коллектив исследователей под руководством Н. И. Лапина [161], исследованием данного аспекта процесса модернизации в России занималась Н. В. Латова [101].

Новое состояние общества возникает в процессе его дальнейшего развития.

В основном новые элементы в общественное бытие и сознание вводятся путём переосмысления культурного наследия и придания новых смыслов устоявшимся традициям, кроме того, приспособления внешних заимствований к сложившейся системе ценностей. Ослабление влияния в обществе прежде устойчивых идеалов, ценностей и норм происходит в процессе снижения их значимости. В данном случае в обществе формируются и находят признание иные смыслы и способы понимания мира. Данные процессы могут быть приостановлены формализацией и унификацией общественной жизни, в том числе и духовной, обеспеченной принудительной силой государства и разными приёмами эклектики идей и смыслов (например, в соответствии с конъюнктурой могут быть соединены ценности религии и науки, капитализма и социализма, социалистического реализма и постмодернизма в искусстве и т.д.). Это говорит либо о сохранении общества как целостной системы, синтезирующей новое и старое, либо о кризисе и завершающем этапе развития общества в условиях его застоя и формирующейся потребности перехода в новое качественное состояние.

Если рассматривать модернизацию как системное явление (что бывает не всегда) и, как её часть, социокультурную модернизацию, то становится очевидной их взаимосвязь. Специфика социокультурной модернизации в современной России заключается в следующем.

1. Распад СССР сопровождался кризисом идентичности российского общества; в данных условиях стала складываться новая идентичность, замысловато сочетающая в себе старые и новые ценностные установки, зачастую исключаящие друг друга. Разрушение прежних социальных институтов повлекло за собой возрождение посттрадиционных социальных и этнокультурных ценностей. Стали формироваться локальные идентичности и архаизация общественного сознания и отношений [32].

2. На протяжении истории России социокультурная модернизация сопровождается конфликтами, принимающими разные формы, между правящей элитой и остальной частью общества, что способствует увеличению социокультурного «раскола» [15, с. 52]. В современной России образовались

элитарные группы людей, у которых есть возможность жить в новой современной реальности и воспроизводить её с выгодой для себя, формируя свои цели, смыслы, нормы и ценности. Однако для значительной части населения эти возможности и ценности в условиях социального расслоения по большей части недоступны.

3. Разнообразные социокультурные группы по-своему трактуют ход модернизации и её результаты, что ведёт к ценностному расслоению общества. Социокультурная стратификация любого общества, в том числе и российского, приводит к тому, что в разных социокультурных группах складываются свои варианты ценностей, смыслов, норм и свои взгляды и реакции на модернизацию российского общества [143, с. 12-13].

4. После распада СССР стали проявляться две тенденции. С одной стороны, возвращение общества к былым консервативным традициям старой России, с другой – произошедшие изменения структуры общества и унификация современного образа жизни россиян, характерного для городского образа жизни и постепенного стирания традиционных культурных особенностей групп и общества, хотя этот процесс и носит нелинейный характер [32].

5. В российском обществе преобладает персонификация социальных отношений. В персонифицированных отношениях личное знакомство является первостепенной предпосылкой для взаимодействия. Они устанавливаются в рамках сложившейся на данной основе системы отношений. Такая система самодостаточна и стремится закрыться в себе самой. Она строится в рамках традиционных взаимодействий и взаимозависимостей между «домашними», или «своими». Французские социологи Л. Болтански и Л. Тевено подчеркивали, что в данных социальных отношениях «величие людей определяется их положением в системе отношений, основанной на строгой иерархии и личной зависимости» [25, с. 150]. Организация отношений в обществе остаётся в пределах взаимодействий, характерных для малых групп. Такой порядок воспроизводит отношения, характерные для традиционного общества, «чужим в нём нет места». Л. Тевено выделяет в организации традиционного порядка три базовых элемента: «Традиционный порядок (l'ordre domestique) характеризуется тройным

градиентом: временным (центральная роль традиции и прецедента), пространственным (локализация трансакций) и иерархическим (отношения господства и подчинения)» [258, р. 185]. В рамках традиционных взаимодействий могут осуществляться производственные, коммерческие и другие отношения, однако их функционирование подчинено нормам персонифицированных отношений.

6. В России продолжает воспроизводиться дуализация норм, т.е. накладывание норм традиционного общества на нормы переходного общества (к современному). Связывается данное положение также с устойчивостью малого общества в большом обществе и их влияния друг на друга. А. Н. Олейник пишет: «Степень дуализма норм может служить мерой продвижения того или иного общества по пути модернизации. Чем более двойственны нормы, тем менее современно общество, построенное на их основе, и наоборот» [140, с. 56]. Проявление дуализации норм, по мнению А. Н. Олейника, обнаруживается в следующем: «Прямо противоположное поведение в отношении, с одной стороны, к членам сообщества, к своим, и, с другой стороны, к тем, кто находится вне сообщества, другим, чужим» [140, с. 56]. Об этом пишут и другие учёные [190], [101].

Вместе с тем современное общество движется к постепенному стиранию социальных различий между индивидами как представителями разных социальных групп.

Дуализм можно представлять и как сосуществование в жизни российского общества двух крайностей. Первая крайность – это попытка превратить смыслы, ценности и нормы, возникшие в прошлом, ещё в традиционном обществе, в обязательные и не подлежащие критике, которые необходимо безусловно выполнять. Например, средневековые католические теологи считали, что данные нормы делают людей добродетельными, при этом оставляя за собой право толковать их и объявляя, что соблюдение предписанных религией норм даёт возможность спасения души, а их несоблюдение ведёт в ад. Вторая крайность – это попытка освободиться от прежних систем мировоззрения, включающих в себя

смыслы, ценности и нормы, сложившиеся ещё в традиционном обществе. При этом осуществляется деятельность по вытеснению их из социокультурного пространства для расширения внутренней и внешней свободы личности, деятельность, ведущая к раскрепощению и усилению автономности свободной личности; предпринимаются всяческие попытки сформировать «новые ценности», соответствующие современным реалиям, а все ценности прошлого объявляются архаичными. Данная тенденция наблюдается наиболее рельефно в переломные этапы развития общества. В современной России индивид ментально находится между этими крайностями. Отвергая ценности и нормы прошлого, в погоне за изменениями и новшествами он, зачастую, не соответствует требованиям настоящего времени и поэтому не чувствует себя уверенно в набирающей обороты постсовременности.

Следует отметить, что процесс социокультурной модернизации способен оказывать влияние на все сферы общественной жизни. Однако в первую очередь для эффективной работы новых социальных институтов (не обязательно по западному образцу) необходимо изменение типа «базисной личности»: в России же речь идёт о преобразовании советского или постсоветского человека в иной тип, т.е. формировании личности современного российского общества. В 70-е годы А. Инкелес, описывая личность западного типа, назвал её «А Modern Man» [252]. Он отмечал, что личность должна соответствовать требованиям современного общества. А. Г. Вишневский писал, что если отождествить модернизацию и вестернизацию, то для наглядности это можно представить так, как будто российские «обломовы» поголовно стали бы «штольцами» [44]. Результаты проведённых А. Инкелесом исследований современной личности актуальны и в настоящее время для современной России. По сути поставлен вопрос о соотношении технологического развития общества и сохраняемых в нём самобытных традиций.

По мнению А. Г. Дугина, начиная с эпохи Просвещения европейцы, а за ними остальное человечество (не всегда охотно) выбирали прогресс и современность. Он указывает на следующее обстоятельство: «Сегодня мы сталкиваемся с

доведенными до логического конца последствиями этого выбора ... появление “нового человека”, идеального субъекта глобального общества – человеческого клона» [65, с. 95].

Что займёт доминирующую позицию? Западные ценности и западный образ жизни или ценности локальных обществ и их самобытный образ жизни? Возможно, сформируется гибкий и причудливый синтез, который наблюдается последние несколько лет практически во всех незападных странах, в том числе и в России?

В начале XXI столетия, рассуждая о взаимоотношениях общества и личности, советский и российский философ и социолог Н. И. Лапин определил типы взаимоотношений индивида и общества: традиционалистский и либеральный [99]. В данной типологии можно выделить промежуточный (смешанный) тип, содержащий в себе особенности обоих типов наблюдаемый в современной России. Н. И. Лапин также признавал симбиоз выделенных им типов в российском обществе [100].

В. А. Ядов отмечал, что успешная модернизация обществ не приводит к полной смене их национальной идентичности. Это проявилось на примере ряда азиатских стран, прежде всего, Японии. В них модернизация экономики сопровождалась демократизацией при отсутствии институтов гражданского общества и «разумно эгоистичных индивидов». В ряде других развивающихся стран копирование западной модели общественного устройства было безуспешно [243, с. 14]. Усердное копирование западных образцов не всегда способствует успешной модернизации, потому ставит под сомнение важное положение теории модернизации о непереносимости друг другу степени технологического развития, типа социальной организации общества и сложившегося типа сознания.

Российский же опыт продемонстрировал, что реформирование экономики без развития структур гражданского общества приводит к криминализации и росту теневого бизнеса. В 90-ые годы российским обществом в целом из социокультурной памяти был извлечен худший опыт смутных времен. В. А. Ядов писал: «Наша страна претерпевает социетальную трансформацию, но не модернизацию в принятом понимании термина» [243, с. 15].

Показателем модернизации в современной России стали существенное усложнение социальной структуры общества и увеличение разнообразия интересов, а также появление и функционирование новых социальных групп и институтов. Подробно о сложностях, возникающих в процессе усложнения общества, писал Э. Дюркгейм. Проблема обеспечения сплочённости общества «органической солидарности» по-прежнему в надлежащей мере не решена. Личность в таком обществе во многом утрачивает «общее моральное чувство, которое разделяют все члены общества» [223, с. 162]. Невозможность индивиду обходиться без услуг других не решает проблемы сплочённости общества, если в нём сфера всеобщих норм, вызывающих общее моральное чувство, сокращается и утрачивает свой сакральный характер [223, с. 165].

В 90-х годах Россия оказалась отброшена на десятилетия назад в эпоху первоначального накопления капитала, стихии рынка и политической раздробленности; при этом возникла угроза потери самостоятельности страны. Российские социологи Ж. Т. Тощенко и С. В. Харченко писали тогда о проведённых реформах, что «эти меры потрясли население, его быт и уклад жизни и надолго деформировали его социальное настроение» [195, с. 54].

Вместе с тем происходившие в конце XX века в российском обществе социокультурные процессы имели и положительное значение. Освобождение от идеологического давления благоприятствовало развитию свободы творчества личности. Складывающиеся экономические отношения устранили дефицит товаров. В развитии культуры появились многообразие и разнонаправленность [195, с. 54]. Однако, к сожалению, отечественная массовая культура стала утрачивать оригинальность и, ориентируясь на западные образцы, выдавать продукты, нацеленные на коммерческий успех.

Для российского общества характерны разноплановость и противоречивость социокультурной памяти. Отношение к памяти разное, общество расколото (например, на имперцев, на либералов, на сталинистов или тех, кто ни за что и ни за кого и т.д.). Консолидация и единство общества с точки зрения понимания

прошлого и будущего России давало и даёт возможность российскому обществу справляться как с внутренними, так и внешними вызовами.

В новом столетии руководству России удалось подправить курс и предпринять попытку войти в глобализированный постиндустриальный мир XXI века. Продолжение модернизации и открытость России внешнему миру, а также процессы глобализации остро поставили проблему сохранения преемственности социокультурных самобытных традиций, национальных культур и совмещения их с тенденциями мировой культуры. В настоящее время в России идет сложный процесс рождения новых форм социальной, духовной и культурной жизни, сочетающей эти подходы.

Дальнейшее развитие современной России зависит от способности общества дать адекватный ответ на вызовы внешней и внутренней среды.

К вызовам внешней среды относятся протяженная территория и климат России. Огромная территория оказывает как негативное, так и позитивное влияние на её развитие [147]. С одной стороны, обширная территория даёт большое многообразие природных ресурсов. С другой стороны, богатство ресурсов создаёт соблазн ограничиться развитием сырьевой, а не высокотехнологичной экономики, что не способствует комплексному развитию страны. Что касается климата, то на большей части России он неблагоприятен для жизни населения. Также к вызовам внешней среды следует отнести враждебный настрой соседних государств (объективные факторы-обстоятельства).

К вызовам внутренней среды относятся вызовы, определяемые количеством и качеством человеческого капитала; вызовы, исходящие из состояния институциональной среды и имеющегося социального капитала. Речь идёт о социальном окружении личности и его состоянии (субъективные факторы-обстоятельства) [183].

Возникает вопрос: «Нужна ли социокультурная память индивиду и обществу, к которому он относится, для преодоления вызовов современности?»

Наш ответ – просто необходима, потому как опыт даже всей жизни индивида ограничен, и без передаваемых из поколения в поколение смыслов, ценностей и

норм его социальная жизнь будет ущербной. Именно общество порождает такое системное явление как социокультурная память, выступающее связующим звеном между прошлым и будущим, она транслирует смыслы, ценности и нормы, актуальные для индивида и общества. Справиться с вызовами внешней и внутренней среды способно то общество, которое стремится к достижению ценностного согласия. А. Б. Курлов в связи с этим писал: «Устойчивость и направление развития социальной системы во многом зависит от характера отражения в сфере общественного сознания единой системы ценностей» [97].

В ходе социокультурной практики в обществе происходит формирование социокультурной памяти, актуализируется духовный опыт прошлого. Социокультурная память является важнейшей и необходимой частью находящегося в динамике индивидуального и общественного сознания. В России в условиях реформирования общественной жизни происходят многочисленные попытки интерпретировать социокультурную память. При этом либо провозглашается незыблемость прежних идеалов, либо они всячески очерняются и заменяются другими. Примером служит Перестройка в позднем СССР, все 90-е годы и 2000-е годы, когда сначала высшими были провозглашены либеральные ценности, а потом в обществе заговорили о необходимости сохранения и защиты самобытных духовных ценностей, причем взятие кредита превращается в «ценность на все времена». Это говорит о том, что после развала СССР общественное сознание было далеко до стабильного состояния. Дюркгейм называл такое состояние общественного сознания – диссоциацией. События, происходящие в российском обществе, зачастую объясняют менталитетом, представляя его в качестве глубинной основы жизни общества. О менталитете написано немало исследований [196], [128]. Признавая этот фактор, следует отметить, что объём данной работы не позволяет раскрыть роль менталитета в духовном формировании личности, описанная проблематика будет рассмотрена в последующих работах автора.

В общественной жизни России взаимодействуют различные социальные группы, каждая из которых пытается представить собственную интерпретацию общего прошлого. В связи с этим в социокультурной памяти российского общества

в той или иной степени конкурируют разные версии прошлого и его культурного наследия. В общем социальном дискурсе, как правило, получает преобладание лишь та версия содержания социокультурной памяти, которая сформирована социальной группой, доминирующей в обществе.

Такая черта социокультурной памяти, как избирательность, связана с интересами как социальных групп, так и общества в целом. Хранимые социокультурной памятью нормы и ценности прошлого могут получить в общественном сознании статус либо непреходящих и вечных ценностей, являющихся образцом нравственного поведения для всех поколений общества в целом, либо актуальных лишь для определенной группы ценностей, которой общество может отдать своё предпочтение, но на какой-то период времени.

В России социокультурная память стала объектом интерпретаций разнообразными субъектами. Примером может служить борьба и конфликт либеральных и консервативных ценностных установок во взглядах на социальное развитие современной России. В то же время в разных сферах общественной жизни наблюдается попытка сосуществования данных ценностных систем [99].

Посредством современных средств коммуникаций и общения в сознание индивидуума в различных формах внедряются самые разные содержательные составляющие и аспекты социокультурной памяти.

Несмотря на противоречивость социокультурной памяти, её искажение, а возможно, и её отмена или потеря могут привести к утрате обществом своих духовно-нравственных ориентиров и утрате идентичности. Отрицание старого типа социальных взаимодействий в обществе и складывание нового вида этих взаимодействий сопровождаются утверждением новой ценностной доминанты и идеалов, а также формированием личности, способной этот идеал реализовать. На базе данных ценностей происходит социализация, элита создаёт систему трансляции ценностей и систему формирования идентичности. С. Хантингтон писал: «...национальные интересы вырастают из национальной идентичности. Необходимо понимать, кто мы такие, прежде чем определять сферу своих интересов» [215, с. 31-32].

Сохранение социокультурной памяти связано с реализацией потребностей и интересов конкретных людей: оно не происходит автоматически само по себе. Со стороны всех заинтересованных лиц, представляющих большинство, требуются усилия и целенаправленные действия для сохранения социокультурной памяти, которые могут принимать форму борьбы за сохранение традиционных ценностей и противостояния опасным для общества асоциальным нововведениям, например, попыткам легализации «лёгких» наркотиков или пропаганде ЛГБТ. Стимулируя в личности устремлённость к формированию и развитию в себе возвышенных сторон человеческой жизни, т.е. духовности, социокультурная память выступает как фундамент разрешения общественных противоречий.

Социокультурная память, следовательно, является детерминантой формирования духовной сферы общества и духовности личности, и её сохранение напрямую влияет на развитие социокультуры. То, что создаётся в настоящем, основано на том, что было раньше, и на знаниях о прошлом. В современном обществе именно социокультурная память позволяет сохранить непрерывность духовной традиции и сберечь отечественное культурное наследие.

Процесс модернизации, принявшей вид вестарнизации в России (в её американском варианте), поставил под сомнение традиционные ценности и нормы, напрямую или опосредованно навязывая гипертрофированные ценности индивидуализма в форме эгоизма. Это приняло характер информационной войны [144], направленной на формирование определённого типа личности, в котором в явной или неявной форме культивировалась попытка создания человека с восприятием, «очищенным» от опыта прошлых поколений. Россиянам пытались внушить вину и стыд по отношению к прошлому своей страны, своего народа, (например, убеждали, что в СССР все достижения строились «на костях»). Западные авторы доказывали, что западная модель социокультурного развития является универсальной и правильной, «раздувая» или преувеличивая негативные и преуменьшая позитивные аспекты российской истории и культуры.

И. А. Шульгина выделяет следующие черты сложившейся в России ситуации: «1) отсутствие единства, целостности общества и как следствие – его

дихотомичность, полюсность, полярность; 2) отсутствие духовно-нравственных идей, способных выполнить роль консолидирующего фактора; 3) сосуществование различных типов сознания, их противоречивое взаимодействие и нередко конфликт на уровне сознания различных социальных групп и отдельного человека» [234, с. 41].

На наш взгляд, социальная ситуация в современной России отличается сегодня социокультурной (духовной) нестабильностью. Радикальная трансформация общественно-политической системы российского общества ведет к утрате прежних ориентиров, осложнению адаптации к новым устоям жизни и появлению потребности в стабильности. Наблюдаются противоречивые тенденции в сфере нравственности. Грани между добром и злом размываются, что отражается и на представлениях о духовности. Следует признать, что преодоление социокультурной (духовной) нестабильности в современном обществе – требование времени.

В 90-е годы с введением «рыночных отношений» и построением рыночной инфраструктуры постиндустриального общества в стране кардинально изменилась экономическая жизнь, которая оказала серьезное влияние на духовно-нравственное состояние общества. Желание заработать деньги за счёт других охватило огромную часть населения России. Примером может служить появление разнообразных «финансовых пирамид», фирм и банков-«однодневок», возникших после приватизации «предпринимателей», приобретавших промышленные предприятия для того, чтобы их продать или закрыть, до сих пор существует проблема обманутых дольщиков и т.д. В это время начались попытки формирования «рыночной личности». Но сами эти факты говорили о кризисном состоянии общества во всех его сферах и, прежде всего, в духовной. Появление разнообразных сект, псевдоцелителей, распространителей «лекарств», обманывающих людей пожилого возраста и откровенно их грабящих, – всё это демонстрировало духовную деградацию российского общества. В настоящее время эти явления не исчезли, они либо мимикрировали, либо «перешли в тень», их организаторы сейчас презентуют себя как «солидных предпринимателей»,

периодически появляются новые «финансовые пирамиды».

Современной тенденцией, наблюдаемой не только на Западе, но и в России, является безразличное отношение к отклонениям от моральной нормы в обществе. Среди них особенно выделяются следующие: ослабление брачных уз, распространение индивидуалистической, эгоистической морали; увлечение беспорядочными внебрачными и однополыми связями усиливают тенденцию к безнравственности и депопуляции. Преступность и наркомания, которые наблюдаются сегодня в нашей жизни, обесценивают последнюю.

Приходится констатировать, что в современной России преобладают процессы атомизации, а не интеграции. Философ Е. И. Петрова отмечает: «В обществе ослабевают необходимые социальные навыки, которые были бы способны защитить людей разветвлённой сетью коллективных социальных связей и сдерживать центробежные силы атомизации» [148, с. 31]. Так как прежние коллективные формы существования практически разрушены, то требуются специальные меры по формированию новых.

В данном контексте А. Д. Ковалёв отмечал амбивалентность социальной атомизации, дав следующее определение: «... атомизация социальная – амбивалентный процесс разобщения и эгоистического обособления людей... ослабления и распада множества личностных и групповых связей, с одной стороны, и приобретения отдельным человеком самостоятельной сферы деятельности и приватной жизни, личного самосознания, освобождения от прямых личных зависимостей, единообразного коллективного сознания ... с другой стороны» [88].

За 30 лет либеральных реформ в современной России уверенно развился индивидуализм. По большому счету, никому ни до кого, кроме собственной семьи и ближайшего окружения (соседи, друзья), нет никакого дела, усилился узко-прагматический дух.

Следует констатировать, что у современного россиянина значительно сузился общий с другими смысловой мир духовных ценностей и идеалов.

Таким образом, «осовременивание» предполагает реализацию стремления индивидов к обособлению и их уходу от довлеющей силы социального контроля, а

попытка государства административными мерами и идеологическими установками солидаризировать общество – всего лишь вынужденная мера интеграции современного российского общества, которая пока не приносит желаемых результатов.

Изменения последних 30 лет повлияли на состояние научно-философского сознания, которое все это время формировалось преимущественно на европейских источниках. Российская философская и научная общественная мысль развивалась не на базе синтеза всей мировой культуры (исключение составляет лишь ограниченный круг узких специалистов по Югу и Востоку), а в основном на освоении её западных фрагментов и их активном внедрении в общественное сознание, в контексте дихотомии «традиционность-современность».

В настоящее время прослеживается необходимость самостоятельного осмысления современного состояния российского общества. Отечественными философскими и научными сообществами формулируются разнообразные идеи и концепции, на их основе происходит обсуждение программ проведения определённых мероприятий, проектов, планов, создаются организационные модели, но анализ результатов этой деятельности, как правило, проходит формально. Исследование современной социальной ситуации в стране зачастую носит однобокий и конъюнктурный характер. Например, исследования религиозной традиции проводятся, но светской духовности должного внимания не уделяется.

Если придерживаться мнения о незавершённости модернизации (осовременивания) в современной России, то остаётся открытой проблема о возможности её реального завершения. Что будет подтверждением такой завершённости? Если в технологическом и экономическом плане очевидно движение по пути постиндустриального (технологического) и рыночного (капиталистического, даже в форме государственного капитализма) развития, то дальнейшее становление социальности, культуры и политической системы не столь очевидно. В этом плане заметим, что становление духовности в России всегда сопровождалось далеко не в отрыве от классических философских традиций.

Если рассматривать развитие социальных систем нелинейно, а в качестве

источника развития выступает внутренний потенциал общества, то говорить о завершённости процесса модернизации становится, на наш взгляд, бессмысленным делом. Изменения в обществе будут подчиняться логике его естественного развития. Для нашего исследования важно понимание изменений, происходящих в обществе, и их влияния на формирование духовности и нравственности личности.

Выше мы отмечали, что важной чертой социальной ситуации современного российского общества является его социокультурная (духовная) нестабильность: развитие индивидуализма в форме эгоизма; обособление людей друг от друга; превращение денег в основной критерий оценки личности; искажение гуманистических принципов взаимоотношений между людьми в современных общественных отношениях «равенство-неравенство». Все это не способствует формированию гуманных отношений. Очевидно, что в такой ситуации необходима актуализация идеи духовности личности.

Социокультурная память формирует в индивиде способность наполнять смыслом события, происходящие в настоящем времени. Переосмысление и интерпретация духовного опыта прошлого влияет на формирование индивидуального мировоззрения.

Одной из самых важных задач является сегодня сохранение общего духовного опыта прошлого, лежащего в основе российского общества и государства. Очевидно, что в процессе конструирования социальной ситуации социокультурная память выступает в качестве информационной базы данного процесса. Апелляция к социокультурной памяти, к общему духовному опыту прошлого может использоваться в качестве обоснования различных действий, совершаемых в конкретном обществе, при этом придавая тем или иным аспектам социокультурной памяти негативный или, наоборот, позитивный смысл. На достижение этих результатов и направлена деятельность институтов и механизмов формирования социокультурной памяти.

Социокультурная память способствует конституированию социальной ситуации. В свою очередь сложившаяся социальная ситуация создаёт контекст, связанный с функционированием социокультурной памяти. Все эти процессы

неизбежно оказывают влияние на формирование личности в обществе в современном российском обществе.

Обществу необходим консенсус по поводу единой системы ценностей. Стабильность общества обеспечивается функционированием социокультурной памяти, при этом критически важно, при сохраняющейся возможности разнообразного толкования того или иного аспекта социокультурной памяти, гарантировать сохранение права решающего голоса за большинством населения России в оценке тех или иных аспектов социокультурной памяти.

Таким образом, решение задачи по сохранению социокультурной памяти, общего духовного опыта прошлого, лежащих в основе единства российского общества и государства, становится возможным благодаря тому, что ценностные ориентиры, заложенные в данном опыте, актуализированные и осмысленные в настоящем времени, будут разделяться и поддерживаться большинством членов общества. В этом и есть гарантия сохранения социокультурной памяти, способствующей интеграции российского общества. При этом социокультурная память органически воссоединяет социум и культуру, интегрирует все сущностные силы человека (любовь, надежду на более справедливый мир, нравственную волю и т.д.) [156].

Следует признать, что в последние годы в России появляются и позитивные тенденции в интеграции общества: развитие волонтерского движения, проведение всероссийских акций («Бессмертный полк»), объявление тематических «именных» годов и т.д., освещение в СМИ традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в том числе коллективизма, общих дел и др. После долгого шока 90-х годов наблюдаются признаки подъёма культуры, опирающейся на традиции многонациональной российской культуры, способной противостоять массовой культуре Запада, наводнившей страну. В современной России наблюдается возрождение интереса к собственным цивилизационным и национальным культурным особенностям и ценностям. Формирование локализованных сообществ, а также возрождение локальных идентификаций индивидов со своей этнической, религиозной и другими общностями и укрепление неформальных

связей внутри них в определенной степени могут способствовать преодолению разобщения в обществе. Вместе с тем требуется возобновление поиска идей, позволяющих объединять российское общество, главная из которых – идея о необходимости формирования духовности личности. В этом процессе должны быть задействованы все пути формирования социокультурной памяти.

Подводя итоги данного параграфа, отметим следующее.

1. Обнаружено, что социальные и политические преобразования, происшедшие в России в конце XX и начале XXI вв., вызвали существенные изменения в функционировании российского государства, произошли трансформации и в жизнедеятельности российского общества (изменения политической, экономической и социальной системы общества), что не могло не повлиять на жизнь индивида. В ситуации социокультурной (духовной) нестабильности происходит ломка ценностных ориентаций, обостряется потребность в поиске личностной и групповой и общественной идентичности. В подобных условиях возникает необходимость в опоре на стабильные элементы в структуре личности и общества. Именно таким элементом выступает социокультурная память, являясь детерминантой духовного формирования личности.

2. Установлено, что существенное влияние на складывающуюся социальную ситуацию оказывает процесс модернизации. В исследовании выделены общая специфика модернизации в современной России, а также специфика социокультурной модернизации российского общества.

3. Выявлено, что современная социальная ситуация в России характеризуется следующими чертами: социокультурной (духовной) нестабильностью, во многом связанной с некритическим восприятием чуждых ценностей и попытками разрыва с социокультурной памятью, с опытом прошлого или его отрицанием; развитием индивидуализма (атомизации) в форме эгоизма и обособления людей друг от друга. Это неизбежный и естественный результат «осовременивания» российского общества: коммерциализации жизни человека, превращения денег в основной критерий оценки личности; искажение гуманистических принципов

взаимоотношений между людьми стали тенденцией современной жизни. При крайних проявлениях этих черт возможна угроза дезинтеграции российского общества.

4. Обосновано, что дальнейшее развитие современной России зависит от способности общества дать адекватный ответ на внешние и внутренние вызовы. К вызовам внешней среды относятся протяженная территория и климат России, а также враждебный настрой соседних государств (объективные факторы-обстоятельства). К вызовам внутренней среды относятся вызовы, определяемые количеством и качеством человеческого капитала, а также вызовы, исходящие из состояния институциональной среды и имеющегося социального капитала (субъективные факторы-обстоятельства) и др.

5. Обнаружено, что формирование социокультурной памяти разворачивается в ходе социокультурной практики. При этом можно выявить такие черты социокультурной памяти, как избирательность, многозначность и противоречивость. Сохранение социокультурной памяти не происходит автоматически само по себе, без участия людей. Её деформация, а возможно, в определённой степени и утрата, может привести к потере обществом своих прежних духовных ориентиров, а в дальнейшем, возможно, и к серьёзной трансформации идентичности, духовности личности и общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя общие итоги настоящего исследования, можно сформулировать следующие основные выводы.

Выявлено, что социокультурная память – это актуальные в настоящем «следы прошлого», транслируемые из поколения в поколение, фиксируемые и сохраняемые в общественном и индивидуальном сознании как общий духовный опыт, который включает в себя значимые и противоречивые смыслы, символы, разноплановые ценности, нормы, социальную информацию, события и факты, достижения культуры, служащие в качестве ориентиров для формирования в конкретном обществе и в индивиде устремлённости к духовно-нравственному развитию, а также направленные на поддержание идентичности данного общества и его становление в качестве целостной саморазвивающейся социокультурной системы.

Социокультурная память обладает следующими характеристиками:

- 1) способна создавать в сознании индивида определённую картину мира (мировосприятие), сочетающую в себе представления, прежде всего, о прошлом, а также настоящем и возможном будущем, оказывая влияние на его поведение;
- 2) воспроизводит в общественном сознании зафиксированный опыт прошлого, оценка и переоценка которого связана с изменениями и трансформациями, происходившими в обществе;
- 3) формирует идентичность её носителей (субъектов): индивида, личности, группы и общества в целом;
- 4) фиксирует и транслирует будущим поколениям систему ценностей с помощью сложившихся в обществе специальных механизмов, которые способны оказывать регулирующее воздействие на общественную и индивидуальную жизнь;
- 5) может интерпретироваться в соответствии со складывающейся социально-экономической и политико-правовой ситуацией в конкретном обществе, что позволяет говорить об её избирательности. Эта память, действительно, реагирует на то, что обществу наиболее полезно;
- 6) находит свое проявление в двух формах – материальной и идеальной; двух видах – негативном и позитивном; а также двух уровнях –

обыденно-бытовом и профессиональном.

Систематизированы многообразные функции, которые в обществе выполняет социокультурная память: идентификационная, ценностно-мировоззренческая, коммуникативная, защитная, нормативно-регулятивная, культуротворческая, объяснительная и легитимирующая. Структура социокультурной памяти включает в себя взаимосвязанные социокультурные ценности, нормы и информационную систему социокультурной памяти. К основным институтам социокультурной памяти относятся следующие: институт семьи, институт брака, институт государства, институт общественного производства, институт армии, институт образования, институт добровольчества (волонтерства).

Обосновано, что социальная ситуация в современной России, несмотря на позитивные изменения в духовной сфере в последние годы (актуализация темы патриотизма и «культурного суверенитета», осознание необходимости сохранения и развития традиционных российских духовно-нравственных ценностей), отличается в то же время следующими особенностями: социокультурной (духовной) нестабильностью; развитием индивидуализма (атомизацией) в форме эгоизма и обособления людей друг от друга; коммерциализацией всей духовно-культурной жизни человека; искажением гуманистических принципов взаимоотношений между людьми. Данная ситуация в современной России актуализирует задачу духовного формирования личности, которая осознает свою связь с обществом и его культурой, особенно в условиях геополитических и внутренних вызовов.

Социокультурная память в разных исторических условиях функционирует по-разному. При стабильном существовании постоянно воспроизводится привычный уклад жизни, деятельность индивида не отличается от деятельности его предков. Принято считать, что эти характеристики относятся к традиционному доиндустриальному обществу, в котором первостепенным механизмом формирования социокультурной памяти является традиция. При переходе от традиционных форм организации жизни к современным может возникать ситуация нестабильности общества, её ценностной системы и представлений о духовности.

Обнаружено, что мировой и отечественный опыт функционирования социокультурной памяти связан: 1) с развитием социокультурных традиций; 2) с процессом социокультурной социализации; 3) с формированием форм общественного сознания (политикой, моралью, правом, религией, искусством). Необходимость сохранения социокультурной памяти детерминирована процессами культурной универсализации и современным глобальным социокультурным кризисом, влияющими на духовное формирование личности.

Социокультурная память реализуется в личности при усвоении ею актуальной для общества социальной информации, значимых смыслов и символов, духовных ценностей, а также в творческой деятельности этой личности, естественным состоянием которой является желание ощущать собственные корни и свою идентичность, иметь представление о прошлом общества, в котором она живёт.

Центральным компонентом духовности личности, играющим определяющую роль в выборе поведения, является способность личности открывать в себе возвышенные стороны человеческой жизни. Открытию этой способности содействуют направляющие и настраивающие её деятельность механизмы формирования социокультурной памяти. Однако их воздействие противоречиво и у разных людей вызывает различные реакции. Для одних они имеют смысл и способствуют формированию и реализации воспринятых ценностей, а также достижению личных целей, а для других не имеют смысла и влияют в меньшей степени или вовсе не влияют. Во многом это связано с тем, что на восприятие личностью данных механизмов воздействуют её убеждения и опыт, в соответствии с ними она интерпретирует транслируемые аспекты содержания социокультурной памяти.

Во всех периодах отечественной истории постоянным олицетворением образа возвышенной стороны личности в России был воин-защитник, воин-патриот. О нём складывались былины, легенды, сказки, песни, этот образ также отразился в пословицах и поговорках всего народа России. Сегодня в культивирование этого образа включились писатели, поэты и композиторы, позднее – журналисты, кинорежиссёры, телевизионные работники, а в настоящее время к ним

присоединились пользователи сети Интернет и социальных сетей.

Представленное диссертационное исследование не претендует на всестороннее и полное освещение поставленной проблемы и не исчерпывает всей сложности и многообразия в решении некоторых её аспектов. В диссертации рассмотрена социокультурная память как детерминанта духовного формирования личности; по-видимому, социокультурная память требует более углубленного изучения как со стороны философов, так и социологов, культурологов, психологов, правоведов, а также представителей других направлений социально-гуманитарной мысли. Более детального рассмотрения, на наш взгляд, требуют такие аспекты социокультурной памяти, как актуализация в современных условиях исторической правды, сохранения и развития традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Темой отдельного философского рассмотрения должна стать проблема роли «культурного суверенитета» в духовном формировании подрастающих поколений. Все эти позиции могут в дальнейшем обрисовать более целостную картину социокультурной памяти.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРА

1. Аверьянов, В. В. Проблема традиции в русской философии XX века: Русское Зарубежье : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук : 09.00.03 / Аверьянов Виталий Владимирович. – Москва, 2000. – 24 с. – Текст : непосредственный.
2. Алешин, Л. И. Библиотекведение. История библиотек и их современное состояние / Л. И. Алешин. – Москва : ФОРУМ: ИНФРА-М, 2017. – 239 с. – ISBN 978-5-91-134927-1. – Текст : непосредственный.
3. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении / Б. Андерсон ; пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. – Москва : Кучково поле, 2016. – 416 с. – ISBN 978-5-9950-0421-9. – Текст : непосредственный.
4. Ариарский, М. А. Новый этап в развитии теории социально-культурной деятельности / М. А. Ариарский – Текст : непосредственный // Вестник МГУКИ. – 2013. – № 1 (51). – С. 102-109.
5. Аристотель. Метафизика // Сочинения в четырех томах. – Т.1. – Москва : Мысль, 1976. – С. 65-367. – Текст : непосредственный.
6. Аристотель. О памяти и припоминании / Аристотель; пер. и прим. С. В. Месяц – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 2004. – № 7. – С. 161-169.
7. Аронсон, Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию / Э. Аронсон. – Санкт-Петербург : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. – 416 с. – ISBN 5-93878-216-3. – Текст : непосредственный.
8. Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман ; пер. с нем. Б. Хлебникова. – Москва : Нов. лит. обозрение, 2014. – 328 с. – ISBN 978-5-4448-0146-8. – Текст : непосредственный.
9. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с. – ISBN 5-94457-176-4. – Текст : непосредственный.

10. Астахова, Л. С. Религия в системе социальных отношений и процессов: идеально-типологический и исторический аспекты / Л. С. Астахова. – Казань : Центр инновационных технологий, 2006. – 232 с. – ISBN 5-93962-165-1. – Текст : непосредственный.
11. Ахиезер, А. С. Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики / А. С. Ахиезер – Текст : непосредственный // Мир России. – 1995. – № 1. – С. 3-57.
12. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – Москва : Логос, 2005. – 390 с. – ISBN 5-98704-075-2. – Текст : непосредственный.
13. Беззубова, О. В. Музей и политика памяти / О. В. Беззубова – Текст : непосредственный // Международный журнал исследований культуры. – 2016. – № 3 (24). – С. 76-84.
14. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – Изд. 2-ое, испр. и доп. – Москва : Academia, 2004. – 788 с. – ISBN 5-87444-203-0. – Текст : непосредственный.
15. Белов, А. А. Политические процессы и институты в современной России / А. А. Белов, С. М. Елисеев. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб ун-та, 2006. – 184 с. – ISBN 5-288-04095-8. – Текст : непосредственный.
16. Белякова, Ю. Л. Социокультурный подход: этапы формирования и основные императивы / Ю. Л. Белякова – Текст : электронный // Государственное управление. Электронный вестник. – 2011. – Вып. 29. – С. 1-8. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17919049_26664559.pdf (дата обращения: 04.03.2024).
17. Беньямин, В. Озарения / В. Беньямин; пер. Н. М. Берновской, Ю. А. Данилова, С. А. Ромашко. – Москва : Мартис, 2000. – 376 с. – ISBN 5-7248-0051-9. – Текст : непосредственный.
18. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман ; пер. Е. Руткевич. – Москва : «Медиум», 1995. – 323 с. – ISBN 5-85691-036-2. – Текст : непосредственный.
19. Бергсон, А. Собр. соч.: в 4 т. – Т. 1. – Москва : «Московский клуб», 1992. – 336 с. – ISBN 5-7642-0003-2. – Текст : непосредственный.

20. Библиотечная энциклопедия / Российская гос. б-ка ; редкол.: гл. ред. Ю. А. Гриханов, науч. ред.-сост.: Е. И. Ратникова, Л. Н. Уланова и др. – Москва : Пашков дом, 2007. – 1299 с. – ISBN 5-7510-0290-3. – Текст : непосредственный.
21. Бикметов, Е. Ю. Духовная культура личности, общности, социальной организации : монография / Е. Ю. Бикметов, А. В. Лукьянов. – Уфа : УГАТУ, 2014. – 149 с. – ISBN 978-5-4221-0554-0. – Текст : непосредственный.
22. Блаженный Августин. Исповедь / А. Блаженный ; пер. М. Е. Сергеенко, Отв. ред. Н. Н. Казанский. – Санкт-Петербург : «Наука», 2013. – 376 с. – ISBN 978-5-02-038291-6. – Текст : непосредственный.
23. Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок. – Москва : АСТ, 2020. – 256 с. – ISBN 978-5-17-120622-2. – Текст : непосредственный.
24. Блок, М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / М. Блок ; пер. с фр. В. А. Мильчиной. – Москва : Издательская группа Альма-Матер, 2022. – 560 с. – ISBN 978-5-6047267-4-7. – Текст : непосредственный.
25. Болтански, Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / Л. Болтански, Л. Тевено ; пер. с фр. О. В. Ковенева ; науч. ред. перевода Н. Е. Колосов. – Москва : Новое литературное обозрение, 2013. – 576 с. – ISBN 978-5-4448-0079-9. – Текст : непосредственный.
26. Бондырева, С. К. Духовность (психология, социология, семантика) / С. К. Бондырева, Д. В. Колесов. – Москва : Московский психолого-социальный институт, 2011. – 143 с. – ISBN 978-5-9770-0509-8. – Текст : непосредственный.
27. Бордюгов, Г. А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Г. А. Бордюгов. – Москва : АИРО-XXI, 2011. – 256 с. – ISBN 978-5-91022-158-5. – Текст : непосредственный.
28. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. В 3 томах. – Т. 3. Время мира. – Москва : Альма Матер, 2022. – 805 с. – ISBN 978-5-6047266-6-2. – Текст : непосредственный.
29. Буайе, П. Объясняя религию: Природа религиозного мышлений / П. Буайе. – 2-е изд. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2017. – 496 с. – ISBN 978-5-91671-632-0. –

Текст : непосредственный.

30. Булкин, А. П. Социокультурная динамика образования. Исторический опыт России / А. П. Булкин. – 3-е изд. – Дубна : «Феникс+», 2009. – 208 с. – ISBN 978-5-9279-0116-6. – Текст : непосредственный.

31. Бурдьё, П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдьё ; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2014. – 576 с. – ISBN 978-5-903354-03-0. – Текст : непосредственный.

32. Бызов, Л. Г. Контуры новорусской трансформации. Социокультурные аспекты формирования современной российской нации и эволюция социально-политической системы / Л. Г. Бызов. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 390 с. – ISBN 978-5-8243-1769-5. – Текст : непосредственный.

33. Быховская, И. М. Культурное пространство: Парадигмы исследования, механизмы взаимодействия / И. М. Быховская, Е. Я. Александрова – Текст : непосредственный / Культура России: возрождение или упадок? (материалы круглого стола). – Москва : Клуб «Реалисты»: информационно-аналитич. бюллетень, 1997. – № 34. – С. 74-78.

34. Бэкон, Ф. Вторая часть сочинения, называемая Новый Органон, или истинные указания для истолкования природы // Сочинения в двух томах. – Т.2. – Москва : Мысль, 1978. – 575 с. – Текст : непосредственный.

35. Валитов, О. К. Социально-философский анализ проблемы свободы средств массовой информации (СМИ) в современных условиях / О. К. Валитов. – Уфа : Китап, 2009. – 240 с. – ISBN 978-5-295-04945-3. – Текст : непосредственный.

36. Валиуллина, З. Р. Традиция как основной механизм трансляции социальной памяти / З. Р. Валиуллина, Л. Р. Хасанова – Текст : непосредственный // Kant. – 2018. – № 4 (29). – С. 126-132.

37. Васильев, А. Г. Традиция и культурная память в контексте социальных инноваций / А. Г. Васильев – Текст : электронный // Человек и культура. – 2015. – № 1. – С. 72-91. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=14767 (дата обращения: 07.02.2024).

38. Васильев, Л. С. Древний Китай. Том 1: Предыстория, Шан-Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н.э.) / Л. С. Васильев. – Москва : Университетская книга, 2015. – 384 с. – ISBN 978-5-91304-572-0. – Текст : непосредственный.
39. Васильцова, З. П. Мудрые заповеди народной педагогики / З. П. Васильцова. – 2-е изд., доп. – Москва : Педагогика, 1988. – 160 с. – Текст : непосредственный.
40. Вебер, М. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер; сост. Ю. Н. Давыдов. – 4-е изд. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 656 с. – ISBN 978-5-98712-801-5. – Текст : непосредственный.
41. Верещагина, А. В. К проблеме определения социальной памяти: понятие, основные характеристики, функции и роль в формировании патриотизма / А. В. Верещагина, В. Н. Нечипуренко, С. И. Самыгин – Текст : непосредственный // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Т. 9. – № 1/2. – С. 97-107.
42. Веселова, Н. Ю. Государственно-частное и муниципально-частное партнерства на современном этапе развития информатизации и цифровизации экономики : монография / Н. Ю. Веселова, Ж. А. Аксенова, О. В. Ищенко, В. В. Салий, Л. В. Кухаренко. – Краснодар : Новация, 2021. – 213 с. – ISBN 978-5-91276-099-0. – Текст : непосредственный.
43. Вильданов, Х. С. Национальные ценности в структуре этнокультурной и национальной самоидентификации индивида / Х. С. Вильданов – Текст : непосредственный // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 9(1). – С. 214-218.
44. Вишневский, А. Г. Русский или прусский? Размышления переходного времени / А. Г. Вишневский. – Москва : Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. – 384 с. – ISBN 5-7598-0305-0. – Текст : непосредственный.
45. Выготский, Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т. / Л. С. Выготский. – Т. 6. – Научное наследие. – Москва : Педагогика, 1984. – 400 с. – Текст : непосредственный.
46. Гавров, С. Н. Модернизация России: постимперский транзит : монография / С. Н. Гавров ; Предисловие Л. С. Перепелкина. – Москва : МГУДТ, 2010. – 269 с. – ISBN 5-354-00915-4. – Текст : непосредственный.
47. Галмагова, Г. М. Типология форм социокультурной идентичности / Г. М. Галмагова, М. Н. Кокаревич – Текст : непосредственный // Вестник науки

Сибири. – 2018. – № 3 (30). – С. 48-60.

48. Гаранина, О. Д. Феномен социальной памяти в духовной эволюции общества / О. Д. Гаранина – Текст : непосредственный // Научный вестник МГТУ ГА. – 2014. – № 203. – С. 43-48.

49. Гарипова, Г. Р. Информационная картина мира как социокультурное явление / Г. Р. Гарипова – Текст : непосредственный // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 5. – С. 20-23.

50. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук / Г. В. Ф. Гегель; Отв. ред. Е. П. Ситковский. Ред. коллегия: В. М. Кедров и др. – Т. 3. – Философия духа. – Москва : Мысль, 1977. – 471 с. – Текст : непосредственный.

51. Генон, Р. Кризис современного мира / Р. Генон. – Москва : Эксмо, 2008. – 784 с. – ISBN 978-5-699-30172-0. – Текст : непосредственный.

52. Гидденс, Э. Последствия современности / Э. Гидденс; пер. с англ. Г. К. Ольховикова ; Д. А. Кибальчича ; вступ. статья Т. А. Дмитриева. – Москва : Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. – 352 с. – ISBN 978-59015-7490-4. – Текст : непосредственный.

53. Гидденс, Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – 2-е изд. – Москва : Академический Проект, 2005. – 528 с. – ISBN 5-8291-0629-9. – Текст : непосредственный.

54. Голиков, В. Д. Социальный феномен рынка / В. Д. Голиков, Е. В. Кузнецова, Ю. Ю. Черкасова ; Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т. – Уфа : УГАТУ, 2006. – 296 с. – ISBN 5-86911-578-7. – Текст : непосредственный.

55. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. – Москва : Российская политическая энциклопедия, 2013. – 485 с. – ISBN 978-5-8243-1772-5. – Текст : непосредственный.

56. Григорян, А. Ш. Молодежные субкультуры на Западе: (История явления) / А. Ш. Григорян – Текст : непосредственный // Контркультура и социальные трансформации: Сб. тезисов / Отв. ред. Рачков В. П.; Ред. - сост. М. А. Султанова ; АН СССР. Ин-т философии. – Москва : [б. и.], 1990. – С. 82-94.

57. Григорян, В. Д. Формирование массивов социокультурной информации в

- процессе мониторинга интернет-ресурсов / В. Д. Григорян – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2013. – № 4 (51). – С. 663-665.
58. Грязнова, Е. В. Социальная память как элемент культуры / Е. В. Грязнова – Текст : электронный // Человек и культура. – 2015. – № 5. – С. 92-106. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=16366 (дата обращения: 05.01.2024).
59. Гуревич, П. С. Традиция как гарант стабильности / П. С. Гуревич – Текст : непосредственный // Философия и культура. – № 7 (43). – 2011. – С. 4-7.
60. Давлетшина, Д. Г. Социальная память как основа нравственности человека : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук : 09.00.11 / Давлетшина Дамира Галимзяновна. – Уфа, 2006. – 19 с. – Текст : непосредственный.
61. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – Москва : Алгоритм, 2018. – 560 с. – ISBN 978-5-906995-59-9. – Текст : непосредственный.
62. Джеймс, У. Личность / У. Джеймс – Текст : электронный // Мир философии. Ч. II. – Москва : Политиздат, 1991. – URL: https://www.booksite.ru/localtxt/mir/fil/osofii/mirfilosofii/ch_2/15.htm#74 (дата обращения: 11.02.2024).
63. Дибиров, А.-Н. З. Теория политической легитимности / А.-Н. З. Дибиров. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 272 с. – ISBN 5-8243-0813-6. – Текст : непосредственный.
64. Дугин, А. Г. Воображение. Философия, социология, структуры / А. Г. Дугин. – Москва : Академический проект, 2015. – 636 с. – ISBN 978-5-8291-1828-0. – Текст : непосредственный.
65. Дугин, А. Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века / А. Г. Дугин. – Санкт-Петербург : Амфора. ТИД Амфора, 2007. – 382 с. – ISBN 978-5-367-00616-2. – Текст : непосредственный.
66. Дэвис, Н. История Европы / Н. Дэвис. – Москва : АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 943 с. – ISBN 978-5-17-024749-3. – Текст : непосредственный.
67. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. А. Б. Гофмана, примечания В. В. Сапова. – Москва : Канон, 1996. – 432 с. – ISBN 978-5-88873-036-1. – Текст : непосредственный.

68. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм ; Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. – Москва : Канон, 1995. – 352 с. – ISBN 5-88373-037-X. – Текст : непосредственный.
69. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Э. Дюркгейм; пер. с фр. А. Апполонова и Т. Котельниковой; под науч. ред. А. Апполонова. – Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 736 с. – ISBN 978-5-7749-1370-1. – Текст : непосредственный.
70. Жилина, В. А. Гражданская идентичность в основаниях сохранности культуры / В. А. Жилина – Текст : непосредственный // Позиция. Философские проблемы науки и техники. – 2023. – № 19. – С. 169-175.
71. Зарипов, А. Я. Этническое сознание и этническое самосознание / А. Я. Зарипов, Ф. С. Файзуллин. – Уфа : Гилем, 2000. – 174 с. – ISBN 5-7501-0087-1. – Текст: непосредственный.
72. Захаров, Д. Н. Социокультура как важнейший фактор модернизации отношений высшего образования и рынка труда / Д. Н. Захаров, Д. М. Винокурова – Текст : непосредственный // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2011. – № 5 (10). – С. 153-157.
73. Зубко, Г. В. Древний символ: истоки, смысловая структура, эволюция / Г. В. Зубко. – Москва : Университетская книга, 2010. – 248 с. – ISBN 978-5-98699-131-3. – Текст : непосредственный.
74. Ильенков, Э.В. Что же такое личность? / Э.В.Ильенков – Текст : непосредственный // Философия и культура. – Москва : Политиздат, 1991. – С. 370-414.
75. Исаева, Л. Г. Средства массовой информации в возрождении духовной культуры российского общества : монография / Л. Г. Исаева. – Уфа : Гилем, 2007. – 164 с. – ISBN 978-5-7501-0817-6. – Текст : непосредственный.
76. Ислам о терроре и акциях террористов-смертников / сост. Эргюн Чапан. – Москва : Новый Свет, 2005. – 176 с. – ISBN 5-98359-022-7. – Текст : непосредственный.
77. История Европы. От средневековья к новому времени (конец XV – первая половина XVII века) / Отв. ред. Л. Т. Мильская, В. И. Рутенбург. – Т. 3. –

- Москва : Наука, 1993. – 656 с. – ISBN 5-02-009072-7. – Текст : непосредственный.
78. Иткулова, Л. А. Мировоззрение башкирского этноса: философско-антропологический анализ : монография / Л. А. Иткулова. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2021. – 222 с. – ISBN 978-5-7477-5281-8. – Текст : непосредственный.
79. Каган, М. С. Философская теория ценностей / М. С. Каган. – Санкт-Петербург : ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 205 с. – ISBN 5-86708-101-X. – Текст : непосредственный.
80. Калашников, М. Ф. Становление российской идеи и социальный идеал / М. Ф. Калашников – Текст : непосредственный // Новые идеи в философии. – 2002. – № 11. – С. 210-215.
81. Калита, С. П. Социокультурная память: Структура, механизмы, институты : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии : 24.00.01 / Калита Светлана Павловна. – Москва, 1998. – 19 с. – Текст : непосредственный.
82. Кант, И. Критика практического разума // Сочинения в 6 т. – Т. 4. – Ч. 1. – Москва : Мысль, 1965. – С. 312-501. – Текст : непосредственный.
83. Каптерев, А. И. Информатизация социокультурного пространства / А. И. Каптерев. – Москва : ФАИР-ПРЕСС, 2004. – 512 с. – Текст : непосредственный.
84. Касавин, И. Т. Познание в мире традиций / И. Т. Касавин. – Москва : Наука, 1990. – 204 с. – ISBN 5-02-008040-3. – Текст : непосредственный.
85. Каспэ, С. И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика / С. И. Каспэ. – Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 256 с. – ISBN 5-8243-0228-6. – Текст : непосредственный.
86. Клацки, Р. Память человека: структуры и процессы / Р. Клацки ; под ред. Е. Соколова. – Москва : Мир, 1978. – 320 с. – Текст : непосредственный.
87. Климова, С. Г. Социальная ситуация / С. Г. Климова – Текст : электронный // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/c/sotsial-naia-situatsiia-bc1169> (дата обращения: 03.03.2024).
88. Ковалёв, А. Д. Атомизация социальная / А. Д. Ковалёв – Текст : электронный // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://old.bigenc.ru/sociology/text/183>

9213 (дата обращения: 03.01.2024).

89. Комиссаров, С. Н. Архаизация как социокультурной феномен современного российского общества / С. Н. Комиссаров – Текст : непосредственный // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. – 2022. – Т. 15. – № 6. – С. 18-24.

90. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (Принята 16 ноября 1972 г. Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры) – Текст : электронный. – URL: <https://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (дата обращения: 30.03.2024).

91. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) – Текст : электронный / Доступ из СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 03.02.2024).

92. Конт-Спонвиль, А. Философский словарь / А. Конт-Спонвиль ; пер. с фр. Е. В. Головиной. – Москва : Этерна, 2012. – 752 с. – ISBN 978-5-480-00288-1. – Текст : непосредственный.

93. Корм, Ж. Религиозный вопрос в XXI веке. Геополитика и кризис постмодерна / Ж. Корм ; пер. с фр. Д. Кралечкина. – Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2012. – 288 с. – ISBN 978-5-88230-291-6. – Текст : непосредственный.

94. Костина, А. В. Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики / А. В. Костина. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 144 с. – ISBN 978-5-397-01111-2. – Текст : непосредственный.

95. Крайнов, Г. Н. «Догоняющая модернизация» России: прошлое и настоящее / Г. Н. Крайнов – Текст : непосредственный // Общественные науки и современность. – 2021. – № 2. – С. 79-89.

96. Красных, В. В. Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации / В. В. Красных –

Текст : непосредственный // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2012. – № 3. – С. 67-73.

97. Курлов, А. Б. Методология социального моделирования / А. Б. Курлов. – Уфа : Автор-Проект, 2000. – 286 с. – ISBN 5-93102-003-9. – Текст : непосредственный.

98. Кутырёв, В. А. Естественное и искусственное: борьба миров / В. А. Кутырёв. – Москва-Берлин : Директ-Медиа, 2014. – 272 с. – ISBN 978-5-4475-2841-6. – Текст : непосредственный.

99. Лапин, Н. И. Расхождения и возможные синтезы в динамике терминальных и инструментальных ценностей россиян / Н. И. Лапин – Текст : непосредственный // Пути России: существующие ограничения и возможные варианты: Международный симпозиум, 15-17 января 2004 г. / Под общей ред. Т. Е. Ворожейкиной. – Москва : МВШЭСН, 2004. – С. 245-253.

100. Лапин, Н. И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации / Н. И. Лапин – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2011. – № 9. – С. 3-17.

101. Латова, Н. В. Социокультурные ценности российских горожан: модернизация vs традиционность / Н. В. Латова – Текст : непосредственный // Terra Economicus. – 2022. – Т. 20. – № 4. – С. 99-114.

102. Лебедев, К. К. Правовое регулирование государственно-частного партнерства при осуществлении инвестиционных проектов : монография / К. К. Лебедев, В. И. Русаков. – Гатчина : Изд-во ГИЭФПТ, 2014. – 370 с. – Текст : непосредственный.

103. Лекторский, В. А. Индивидуальная и коллективная память: старые проблемы и новые вызовы / В. А. Лекторский – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 2020. – № 6. – С. 11-17.

104. Леонтьев, А. Н. Проблемы развития психики / А. Н. Леонтьев. – 5-е, исправленное и дополненное издание. – Москва : Смысл, 2020. – 627 с. – ISBN 978-5-89357-396-1. Текст: непосредственный.

105. Лившиц, Р. Л. Духовное самоопределение личности / Р. Л. Лившиц. – Комсомольск-на-Амуре : Комсомольский-на-Амуре государственный педагогический институт, 1999. – 98 с. – Текст : непосредственный.

106. Лившиц, Р. Л. Духовность и бездуховность личности / Р. Л. Лившиц. – Екатеринбург : Изд-во Урал, ун-та, 1997. – 152 с. – ISBN 5-7525-0558-5. – Текст: непосредственный.
107. Липатова, О. А. Специфические черты «Социального» в социокультурной ситуации / О. А. Липатова – Текст : непосредственный // Вестник КазГУКИ. 2013. – № 4-1. – С. 9-12.
108. Лойко, О. Т. Социальная память в контексте историзма / О. Т. Лойко, Н. А. Вакурина – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. История. – 2011. – № 1 (13). – С. 158-161.
109. Локк, Дж. Опыт о человеческом разумении / Дж. Локк. – Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. – 864 с. – ISBN 978-5-389-20592-5. – Текст : непосредственный.
110. Лотман, Ю. М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : «Искусство-СПБ», 2004. – 703 с. – ISBN 5-210-01562-9. – Текст : непосредственный.
111. Лошкарева-Имгрунт, С. И. «Идентичность» и «Идентификация»: семантические грани понятий / С. И. Лошкарева-Имгрунт – Текст : непосредственный // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 11. – С. 89-95.
112. Лукьянов, А. В. Гуманный дух и его особенности / А. В. Лукьянов, Н. А. Шергенг – Текст : непосредственный // Вестник Башкирского университета. – 2013. – Т. 18. – № 4. – С. 1218-1220.
113. Лукьянов, А. В. Историко-критическое введение в исследование эстетической сферы существования человека : монография / А. В. Лукьянов. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2021. – 172 с. – ISBN 978-5-7477-5293-1. – Текст : непосредственный.
114. Лукьянов, А. В. Проблема языка в гносеологии и социальной теории: историко-критическое введение : монография / А. В. Лукьянов, Е. Ю. Бикметов, М. А. Пушкарёва. – Уфа : БашГУ, БАГСУ, 2008. – 224 с. – ISBN 978-5-903358-21-2. – Текст : непосредственный.
115. Луман, Н. Реальность массмедиа / Н. Луман ; пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – Москва : Праксис, 2005. – 256 с. – ISBN 5-901574-46-X. – Текст : непосредственный.
116. Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории. / Н. Луман ; пер. с нем.

И. Д. Газиева ; под ред. и со вступ. ст. Н. А. Головина. – Санкт-Петербург : Наука, 2007. – 648 с. – ISBN 978-5-02-026871-5. – Текст : непосредственный.

117. Любимова, Г. В. О роли детей в обычаях и обрядах календарного цикла (по материалам детских новогодних «посеваний» в Сибири) / Г. В. Любимова – Текст : непосредственный // Русские Сибиряки: культура, обычаи, обряды. – Новосибирск, 1998. – С. 53-70.

118. Магомедова, М. З. Социокультурная идентичность в условиях трансформирующегося общества / М. З. Магомедова – Текст : непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология – 2013. – № 4 (130). – С. 125-130.

119. Малиновский, Б. Научная теория культуры / Б. Малиновский ; пер. с англ. И. В. Утехина ; сост. и вступ. ст. А. К. Байбурина. – 2-е изд., испр. – Москва : Издательство: ОГИ, 2005. – 184 с. – ISBN 5-94282-308-1. – Текст : непосредственный.

120. Малышева, Е. М. Патриотизм и коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны / Е. М. Малышева – Текст : непосредственный // Россия в XX веке. Война 1941-1945. Современные подходы. – Москва : Наука, 2005. – С. 305-339.

121. Манович, Л. Язык новых медиа / Л. Манович. – Москва : АД МАРГИНЕМ ПРЕСС. 2018. – 400 с. – ISBN 978-5-91103-411-5. – Текст : непосредственный.

122. Маркс, К. К критике политической экономии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. – Т. 13. – 2-е изд. – Москва : Госполитиздат, 1959. – С. 1-167. – Текст : непосредственный.

123. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс, Ф. Энгельс. Из ранних произведений. – Москва : Госполитиздат, 1956. – С. 517-642. – Текст : непосредственный.

124. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – 3-е изд. – Санкт-Петербург : Питер, 2019. – 400 с. – ISBN 978-5-4461-1309-5. – Текст : непосредственный.

125. Махлуп, Ф. Производство и распространение знаний в США / Ф. Махлуп ;

- пер. с англ. И. И. Дюмулена и др.; вступ. статья Г. В. Полуниной ; ред. Е. И. Розенталь. – Москва : Прогресс, 1966. – 462 с. – Текст : непосредственный.
126. Межкультурная коммуникация в глобальном мире: моделирование, эффективность, доверие : монография / Под редакцией А. Г. Тюрикова. – Москва : ИНФРА-М, 2023. – 266 с. – ISBN 978-5-16-017897-4. – Текст : непосредственный.
127. Межкультурная коммуникация и цифровизация: вопросы подготовки кадров к глобальному сотрудничеству : коллективная монография / под общ. ред. М. В. Резуновой, О. А. Овчинниковой. – Брянск : Изд-во Брянского филиала РАНХиГС, 2021. – 144 с. – Текст : непосредственный.
128. Ментальность россиян: (Специфика сознания больших групп населения России) / И. Г. Дубов, Л. М. Смирнов, Н. Н. Толстых и др.; Под общ. ред. И. Г. Дубова. – Москва : Фирма «Имидж-контакт», 1997. – 477 с. – ISBN 5-7841-0789-5. – Текст : непосредственный.
129. Мид, Дж. Г. Философия настоящего / Дж. Г. Мид. – Москва : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. – 272 с. – ISBN 978-5-7598-1099-5. – Текст : непосредственный.
130. Мизес, Л. фон Бюрократия. «Запланированный хаос». Антикапиталистическая ментальность / Л. фон. Мизес. – Москва : Дело, 1993. – 240 с. – ISBN 5-85900-061-8. – Текст : непосредственный.
131. Минаков, И. П. Социокультурная память: сущность, специфика и механизмы трансляции / И. П. Минаков – Текст : непосредственный // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 6 (157). – С. 526-529.
132. Михеева, Н. А. Социально-культурная сфера в системе социального управления / Н. А. Михеева – Текст : непосредственный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 66. – С. 230-235.
133. Морган, Л. Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / Л. Г. Морган. – Москва : Ленанд, 2021. – 360 с. – ISBN 978-5-397-06971-7. – Текст : непосредственный.
134. Московичи, С. Социальное представление: исторический взгляд / С. Московичи –

- Текст : непосредственный // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16. – № 1. – С. 3-18.
135. Моффетт, М. Человеческий рой: Естественная история общества / М. Моффетт; пер. с англ. С. М. Левензон; под ред. М. Л. Бутовской. – Москва : КоЛибри. Азбука-Аттикус, 2022. – 704 с. – ISBN 978-5-389-20127-9. – Текст : непосредственный.
136. Никитина, И. П. Искусство и культура: философско-этническое исследование / И. П. Никитина. – Москва : Идея-Пресс, 2007. – 195 с. – ISBN 978-5-7333-0023-8. – Текст : непосредственный.
137. Новгородцев, П. И. Лекции по философии права: учения Нового времени, XVI-XIX вв. / П. И. Новгородцев. – Изд. 3-е, испр. – Москва : URSS, 2010. – 346 с. – ISBN 978-5-396-00280-7. – Текст : непосредственный.
138. Нора, П. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. Д. Хапаевой; науч. конс. пер. Н. Колосов. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 328 с. – ISBN 5-288-02318-2. – Текст : непосредственный.
139. Ожиганова, Г. В. Духовная личность / Г. В. Ожиганова. – Москва : Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. – 288 с. – ISBN 978-5-9270-0423-2. – Текст: непосредственный.
140. Олейник, А. И. «Малое» общество: теоретическая модель и эмпирические иллюстрации / А. И. Олейник – Текст : непосредственный // Мир России. – 2004. – Т. 13. – № 1. – С. 49-90.
141. Осипова, Б. А. Коммуникативное пространство современного социума: научные подходы к пониманию и актуальные проблемы функционирования / Б. А. Осипова – Текст : непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2015. – № 4 (168). – С. 128-136.
142. Отечественная война 1812 г. в культурной памяти России / Л. В. Мельникова, С. С. Секиринский, А. А. Подмазо и др. – Москва : Кучково поле, 2012. – 448 с. – ISBN 978-5-9950-0274-1. – Текст : непосредственный.
143. Панарин, А. С. Реванш истории: Российская стратегическая инициатива в XXI веке / А. С. Панарин. – Москва : Русский миръ: Моск. учеб., 2005. – 432 с. – ISBN 5-

89577-072-Х. – Текст : непосредственный.

144. Панарин, И. Н. Информационная война и коммуникации / И. Н. Панарин. – Москва : Горячая линия-Телеком, 2018. – 236 с. – ISBN 978-5-9912-0368-5. – Текст : непосредственный.

145. Парсонс, Т. Социальная система / Т. Парсонс. – Москва : Академический Проект, 2018. – 530 с. – ISBN 978-5-8291-2255-3. – Текст : непосредственный.

146. Патриотизм – составляющая государственной национальной политики России: теория, практика / Коллектив авторов ; сост., авт. и рук. авт. кол. Н. Ф. Бугай ; Институт российской истории РАН. – Москва : Голден-Би, 2010. – 384 с. – ISBN 978-5-901124-58-1. – Текст : непосредственный.

147. Перцев, А. В. Почему Европа не Россия (как был придуман капитализм) / А. В. Перцев. – Москва : Академический Проект, 2005. – 384 с. – ISBN 5-8291-0577-2. – Текст : непосредственный.

148. Петрова, Е. И. Атомизированный социум в аспекте теории солидарности Э. Дюркгейма / Е. И. Петрова – Текст : непосредственный // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2015. – Т. 6. – № 1. – С. 27-31.

149. Пиотровский, М. Б. Музеи – хранители памяти и памятников / М. Б. Пиотровский – Текст : непосредственный // Вестник Российской академии наук. – 2019. – Т. 89. – № 12. – С. 1210-1213.

150. Платон. Полное собрание сочинений в одном томе / Платон. – Москва : «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. – 1311 с. – ISBN 978-5-9922-0990-7. – Текст : непосредственный.

151. Погорелый, А. П. «Идеал воина» как цель и инструмент национально-государственной идеосистемы / А. П. Погорелый – Текст : непосредственный // Alma Mater. Вестник высшей школы. – 2022. – № 6. – С. 99-104. – Текст : непосредственный.

152. Поздеева, С. М. Российское общество в условиях модернизации (социально-философский анализ) / С. М. Поздеева. – Уфа : Изд-е Башкирск. ун-та, 1998. – 200 с. – ISBN 5-7477-0226-2. – Текст : непосредственный.

153. Полухин, О. Н. Становление гражданственности в России: социально-

философский анализ / О. Н. Полухин. – Москва : Муниципальный мир, 2002. – 80 с. – ISBN 5-98084-001-X. – Текст : непосредственный.

154. Поляков, Т. П. Музейная экспозиция: методы и технологии актуализации культурного наследия / Т. П. Поляков. – Москва : Вече, Институт Наследия, 2019. – 202 с. – ISBN 978-5-4484-1258-5. – Текст : непосредственный.

155. Пушкарева, М. А. Идея свободы в контексте ее экзистенциальных трансформаций : монография / М. А. Пушкарева. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2018. – 164 с. – ISBN 978-5-7477-4522-3. – Текст : непосредственный.

156. Пушкарева, М. А. Философия надежды: онто-гносеологический анализ : монография / М. А. Пушкарева. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2021. – 132 с. – ISBN 978-5-7477-5290-0. – Текст : непосредственный.

157. Разин, А. В. Нравственный мир человека / А. В. Разин. – Москва : Академический Проект, 2020. – 432 с. – ISBN 978-5-8291-3378-8. – Текст : непосредственный.

158. Рахматуллин, Р. Ю. Картина мира и мировоззрение / Р. Ю. Рахматуллин – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2015. – № 14 (94). – С. 632-635.

159. Рахматуллина, З. Я. Мир держится на культуре: философское осмысление : монография / З. Я. Рахматуллина. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2021. – 226 с. – ISBN 978-5-7477-5278-8. – Текст : непосредственный.

160. Реан, А. А. Семья: психология, педагогика, социальная работа / А. А. Реан. – Москва : АСТ, 2010. – 576 с. – ISBN 978-5-17-066264-7. – Текст : непосредственный.

161. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте : монография / Н. И. Лапин и др.; сост. и общ. ред.: Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой. – Москва : Academia, 2009. – 807 с. – ISBN 5-9540-0053-0. – Текст : непосредственный.

162. Резвицкий, И. И. Личность. Индивидуальность. Общество. / И. И. Резвицкий. – Москва : Политиздат, 1984. – 141 с. – Текст : непосредственный.

163. Ренан, Э. Что такое нация? // Собрание сочинений в 12-ти томах. – Т. 6. – Киев, 1902. – С. 87-103. – Текст : непосредственный.

164. Рикёр, П. Память, история, забвение / П. Рикёр. – Москва : Издательство

гуманитарной литературы, 2004. – 728 с. – ISBN 5-87121-031-7. – Текст : непосредственный.

165. Розенберг, Н. В. Социокультурные фильтры как механизм функционирования повседневности / Н. В. Розенберг – Текст : непосредственный // Вестник ТГУ – 2010. – № 9 (89). – С. 202-206.

166. Российская модернизация: проблемы и перспективы (Материалы круглого стола) – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 1993. – № 7. – С. 3-39.

167. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург : Питер, 2018. – 713 с. – ISBN 978-5-496-01509-7. – Текст : непосредственный.

168. Рудкевич, Е. Ю. Кризисы и риски: контуры пересечения дефиниций / Е. Ю. Рудкевич – Текст : непосредственный // Система ценностей современного общества. – 2011. – № 17 (2). – С. 204-209.

169. Рэнд, А. Концепция эгоизма / А. Рэнд ; пер. М. Словина, А. Лебедев ; под общей редакцией Д. Костыгина. – Санкт-Петербург : «Макет», 1995. – 128 с. – ISBN 5-85186-038-3. – Текст : непосредственный.

170. Салихов, Г. Г. Человек эпохи глобализации / Г. Г. Салихов; научн. ред. Б. С. Галимов ; ИИЯЛ УНЦ РАН. – Москва : Наука, 2008. – 554 с. – ISBN 978-5-02-037019-7. – Текст : непосредственный.

171. Селиванова, О. С. Нравственный идеал современного общества: между порядочностью и успешностью / О. С. Селиванова, А. С. Некрасова – Текст : непосредственный // Культура. Духовность. Общество. – 2014. – № 9. – С. 42-43.

172. Семенов, Ю. И. Философия истории от истоков до наших дней: Основные проблемы и концепции / Ю. И. Семенов. – Москва : Академический Проект; Трикста, 2013. – 613 с. – ISBN 5-88289-208-2. – Текст : непосредственный.

173. Сергеев, А. Л. Российская государственность в XXI веке: основные проблемы : монография / А. Л. Сергеев. – Москва : Проспект, 2021. – 176 с. – ISBN 978-5-392-21123-4. – Текст : непосредственный.

174. Серова, Н. С. Индивидуальность в современном обществе : монография /

Н. С. Серова. – Барнаул : ООО «ГРАФИКС», 2019. – 190 с. – ISBN 978-5-6042649-4-2.
– Текст : непосредственный.

175. Сикевич, З. В. Социальное бессознательное: социологический и социально-психологический аспекты / З. В. Сикевич, О. К. Крокинская, Ю. А. Поссель ; под ред. З. В. Сикевич. – Санкт-Петербург : Питер, 2005. – 267 с. – ISBN 5-469-00427-9.
– Текст : непосредственный.

176. Ситников, А. П. Победа без победителей: Очерки теории прагматических коммуникаций / А. П. Ситников, М. В. Гундарин. – Москва : Консалтинговая группа «ИМИДЖ-Контакт», 2003. – 256 с. – ISBN 5-94369-017-4. –
Текст : непосредственный.

177. Соколов, А. В. Библиотека и гуманизм: миссия библиотеки в глобальной техногенной цивилизации : монография / А. В. Соколов. – Санкт-Петербург : Профессия; Москва : Гранд-Фаир: Межрегиональный библиотечный коллектор, 2012. – 400 с. – ISBN 578-5-91884-36-6. – Текст : непосредственный.

178. Соловьев, В. С. Русский национальный идеал (По поводу статьи Н. Я. Грота в «Вопросах философии и психологии») // Сочинения. В 2 т. – Т. 2. – Москва : Правда, 1989. – С. 286-295. – Текст : непосредственный.

179. Сонтаг, С. Смотрим на чужие страдания / С. Сонтаг. – 2-е изд. – Москва : Ад Маргинем, 2023. – 128 с. – ISBN 978-5-91103-717-8. – Текст : непосредственный.

180. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин ; общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов : пер. с англ. – Москва : Политиздат, 1992. – 543 с. – ISBN 5-250-01297-3. – Текст : непосредственный.

181. Социальная философия: словарь / Сост. и ред. В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Академический проект ; Екатеринбург: Деловая книга, 2006. – 624 с. – ISBN 5-8291-0149-1. – Текст : непосредственный.

182. Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение / Под ред. чл.-корр. РАН М. К. Горшкова. – Москва : Новый хронограф, 2010. – 256 с. – ISBN 978-5-94881-112-3. – Текст : непосредственный.

183. Социальный капитал и социальное расслоение в современной России / Под ред. Джудит Л. Твигг и Кэйт Шектер. – Москва : Альпина Пабlishер, 2003. –

- 384 с. – ISBN 5-94599-093-0. – Текст : непосредственный.
184. Социокультурные угрозы. Реальность, ментальные модели и дискурс: коллективная монография / Под общ. ред. В. И. Заботкиной – 2-е изд. – Москва : Издательский Дом ЯСК, 2022. – 392 с. – ISBN 978-5-907498-06-8. – Текст : непосредственный.
185. Спиркин, А. Г. Сознание и самосознание / А. Г. Спиркин. – Москва : Политиздат, 1972. – 303 с. – Текст : непосредственный.
186. Сунгуров, А. Ю. Политика / А. Ю. Сунгуров – Текст : электронный // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/c/politika-da7e9b> (дата обращения: 17.03.2024).
187. Супоницкая, И. М. Равенство и свобода. Россия и США: сравнение систем / И. М. Супоницкая. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 302 с. – ISBN 978-5-8243-1340-6. – Текст : непосредственный.
188. Тихонова, Н. Е. Динамика социокультурной модернизации в России / Н. Е. Тихонова – Текст : непосредственный // Социологическая наука и социальная практика. – 2013. – № 1. – С. 24-34.
189. Тихонова, Н. Е. Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа). Статья 1. / Н. Е. Тихонова – Текст : непосредственный // Общественные науки и современность. – 2008. – № 2. – С. 5-23.
190. Тихонова, Н. Е. Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа). Статья 2. / Н. Е. Тихонова – Текст : непосредственный // Общественные науки и современность. – 2008. – № 3. – С. 5-20.
191. Тойнби, А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад / А. Дж. Тойнби. – Москва : АСТ: Астрель; Владимир : ВКТ, 2011. – 318 с. – ISBN 978-5-17-067046-8. – Текст : непосредственный.
192. Токарева, С. Б. Проблема духовного опыта и методологические основания анализа духовности / С. Б. Токарева. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2003. – 256 с. – ISBN 5-85534-872-5. – Текст : непосредственный.
193. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – Москва : Издательство: АСТ, 2010. – 795 с. – ISBN 978-5-17-062498-0. – Текст : непосредственный.

194. Тош, Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. / Д. Тош ; пер. с англ. М. Л. Коробочкина ; ред. В. А. Русев. – Москва : Издательство «Весь Мир», 2000. – 296 с. – ISBN 5-7777-0093-4. – Текст : непосредственный.
195. Тощенко, Ж. Т. Социальное настроение / Ж. Т. Тощенко, С. В. Харченко. – Москва : Academia, 1996. – 195 с. – ISBN 5-87444-043-7. – Текст: непосредственный.
196. Трофимов, В. К. Душа России: истоки, сущность и социокультурное значение русского менталитета / В. К. Трофимов. – 2-е изд. испр. и доп. – Ижевск : ФГОУВПО Ижевская ГСХА, 2010. – 408 с. – ISBN 978-5-9620-0104-3. – Текст : непосредственный.
197. Турен, А. Социология без общества / А. Турен – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2004. – № 7. – С. 6-11.
198. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» – Текст : электронный // Официальный сайт Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 06.03.2024).
199. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» – Текст : электронный // Официальный сайт Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 10.11.2023).
200. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» – Текст : электронный // Официальный сайт Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 06.03.2024).
201. Файзуллин, Ф. С. Значение и роль национальных ценностей и ценностных ориентаций в развитии общества / Ф. С. Файзуллин – Текст : непосредственный // Национальные и языковые процессы в Республике Башкортостан: история и современность: Информационно-аналитический бюллетень (журнал) № 9 / ИГИ АН РБ. – Уфа : РИО РУНМЦ МО РБ, 2009. – С. 141-148.
202. Файзуллин, Ф. С. Качественные изменения ценностных ориентаций и

- ментальности в современной России / Ф. С. Файзуллин – Текст : непосредственный // Проблемы востоковедения. – 2015. – № 3 (69). – С. 12-17.
203. Февр, Л. Бои за историю / Л. Февр; Пер. А. А. Бобовича и др.; Ст. А. Я. Гуревича [с. 501-541]; Коммент. Д. Э. Харитоновича; [АН СССР]. – Москва : Наука, 1991. – 629 с. – ISBN 5-02-009042-5. – Текст : непосредственный.
204. Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» (с изменениями и дополнениями) – Текст : электронный / Доступ из СПС «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/104232/> (дата обращения: 20.01.2024).
205. Федотова, В. Г. Модернизация и культура : монография / В. Г. Федотова. – Москва : Прогресс-Традиция, 2016. – 336 с. – ISBN 978-5-89826-452-9. – Текст : непосредственный.
206. Федотова, В. Г. Хорошее общество / В. Г. Федотова. – Москва : Прогресс-Традиция, 2005. – 544 с. – ISBN 5-89826-247-4. – Текст : непосредственный.
207. Фейербах, Л. Основные положения философии будущего // Избранные философские произведения в 2 т. – Т 1. – Москва : Госполитиздат, 1955. – С. 134-204. – Текст : непосредственный.
208. Философия. Энциклопедический словарь / Под ред.: А. А. Ивина. – Москва : Гардарики, 2006. – 1072 с. – ISBN 5-8297-0050-6. – Текст : непосредственный.
209. Философский словарь / Основан Г. Шмидтом; Под ред. Г. Шишкоффа; Пер. с нем. М. М. Беляев и др. – 22. изд., перераб. – Москва : Республика, 2003. – 575 с. – ISBN 5-250-01794-0. – Текст : непосредственный.
210. Фокеева, В. П. Атлас «Мнемозина» Аби Варбурга: память образов / В. П. Фокеева – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2015. – № 13 (724). – С. 181-186.
211. Фромм, Э. Человек для себя / Э. Фромм. – Москва : Издательство АСТ, 2012. – 315 с. – ISBN 978-5-271-41240-0. – Текст : непосредственный.
212. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма; пер. с англ. М. Б. Левина. – Москва : АСТ: АСТ МОСКВА: Полиграфиздат, 2010. – 588 с. –

ISBN 978-5-17-059140-4. – Текст : непосредственный.

213. Фундаментальные проблемы культурологии. Культурное наследие: от прошлого - к будущему. – Т. 6. – Москва : Новый хронограф ; Санкт-Петербург : Эйдос, 2009. – 370 с. – ISBN 978-5-94881-099-7. – Текст : непосредственный.

214. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. – Москва : Новое издательство, 2007. – 348 с. – ISBN 978-5-98379-088-9. – Текст : непосредственный.

215. Хантингтон, С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон ; пер. с англ. А. Башкирова. – Москва : ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. – 637 с. – ISBN 5-17-024800-8. – Текст : непосредственный.

216. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – Москва : Издательство АСТ, 2021. – 576 с. – ISBN 978-5-17-135175-5. – Текст : непосредственный.

217. Хорошавцева, О. П. Характер взаимодействия культуры и коммуникации / О. П. Хорошавцева – Текст : непосредственный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 117. – С. 351-355.

218. Храмова, К. В. Самосознание личности в обществе риска / К. В. Храмова. – Уфа : Изд-во БГМУ, 2013. – 268 с. – Текст : непосредственный.

219. Храпов, С. А. Взаимодействие социальной памяти и общественного сознания постсоветской России: социально-философский подход / С. А. Храпов – Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7, Философия. Социология и социальные технологии. – 2010. – № 2 (7-12). – С. 38-44.

220. Хусаинов, Г. Б. Гуманитарий. Литература. Духовная культура. Фольклор. История. Археография / Г. Б. Хусаинов. – Уфа : Гилем, 2008. – 636 с. – ISBN 978-5-7501-0915-9. – Текст : непосредственный.

221. Царева, Е. А. Символ как средство бытия социокультурной памяти / Е. А. Царева – Текст : непосредственный // Преподаватель XI век. – Москва : Изд-во «Прометей» МПГУ, 2009. – № 1. – С. 150-156.

222. Чернов, Г. Ю. Социально-массовые явления: Исследовательские подходы / Г.Ю.Чернов. – Дубна : Феникс+, 2002. – 208 с. – ISBN 5-9279-0028-3. – Текст: непосредственный.
223. Чеснокова, В. Ф. Язык социологии: курс лекций / В. Ф. Чеснокова. – Москва : ОГИ, 2010. – 544 с. – ISBN 978-5-94282-593-5. – Текст : непосредственный.
224. Чехордуна, Е. П. Морально-этический потенциал героического эпоса Олонхо в дошкольных организациях Республики Саха (Якутия) / Е. П. Чехордуна, Д. Г. Ефимова – Текст : непосредственный // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. – 2018. – № 1 (09). – С. 14-21.
225. Чибисова, О. В. От хиппи до хипстеров / О. В. Чибисова – Текст : непосредственный // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 2. – С. 225-228.
226. Чистякова, В. О. Отечественное военное кино 1911-2011 годов: медиатизация памяти / В. О. Чистякова – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2012. – № 3 (9). – С. 1-14. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/144.html&j_id=11 (дата обращения: 11.02.2024).
227. Шевцов, К. П. Философия памяти / К. П. Шевцов. – Санкт-Петербург : Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2018. – 408 с. – ISBN 978-5-88812-913-5. –Текст: непосредственный.
228. Шелер, М. Избранные произведения / М. Шелер ; пер. Денежкина А. В., Малинкина А. Н., Филлипова А. Ф.; под ред. Денежкина А. В. – Москва : Издательство «Гнозис», 1994.–490с.–ISBN5-7333-0447-2.–Текст : непосредственный.
229. Ширяев, Л. А. Социально-инновационный процесс: творчество и противостояние культур : монография / Л. А. Ширяев. – Уфа : УГАТУ, 2013. – 462 с. – ISBN 978-5-4221-0411-6. – Текст : непосредственный.
230. Шпенглер, О. Закат западного мира: Очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер. – Москва : «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. – 1088 с. – ISBN 978-5-9922-0577-0. – Текст : непосредственный.

231. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка ; пер. с англ. под ред. В. А. Ядова. – Москва : Аспект Пресс, 1996. – 416 с. – Текст : непосредственный.
232. Шуб, М. Л. Культура памяти в структуре идентичности жителей индустриальных городов : монография / М. Л. Шуб. – Челябинск : ЧГИК, 2021. – 283 с. – ISBN 978-5-94839-801-3. – Текст : непосредственный.
233. Шуб, М. Л. Функции культурной памяти / М. Л. Шуб – Текст : непосредственный // Вестник культуры и искусств. – 2016. – №4 (48). – С. 71-76.
234. Шульгина, И. А. Современная социокультурная ситуация в России (философский анализ) / И. А. Шульгина – Текст : непосредственный // Наука. Инновации. Технологии. – 2002. – № 29. – С. 39-45.
235. Шюц, А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / А. Шюц ; Сост. А. Я. Алхасов ; пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой ; научн. ред. перевода Г. С. Батыгин. – Москва : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с. – ISBN 5-93947-012-2. – Текст : непосредственный.
236. Эвола, Ю. Оседлать тигра / Ю. Эвола ; пер. с итал. В. В. Ванюшкиной. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2021. – 352 с. – ISBN 978-5-93615-177-4. – Текст : непосредственный.
237. Эйзенштадт, Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Ш. Эйзенштадт ; пер. с англ. А. В. Гордона ; науч. ред. пер. Б. С. Ерасов. – Москва : Аспект Пресс, 1999. – 416 с. – ISBN 5-75670-231-8. – Текст : непосредственный.
238. Экштут, С. А. Пространство интеллектуальной истории / С. А. Экштут – Текст : непосредственный // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 04. – Москва : Издательство URSS, 2001. – С. 13-26.
239. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. – Т. 21. – 2-е изд. – Москва : Госполитиздат, 1961. – С. 23-178. – Текст : непосредственный.
240. Энгельс, Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. – Т. 20 – 2-е изд. – Москва : Госполитиздат, 1961.

– С. 486-499. – Текст : непосредственный.

241. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон ; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых ; пер. с англ. Андреева А. Д. и др. – 2-е изд. – Москва : Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. – 344 с. – ISBN 5-89349-860-7. – Текст : непосредственный.

242. Юнг, К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. – Москва : Канон+, 2022. – 336 с. – ISBN 978-5-88373-455-6. – Текст : непосредственный.

243. Ядов, В. А. Теоретико-концептуальные объяснения «посткоммунистических» трансформаций / В. А. Ядов – Текст : непосредственный // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. – Вып. 6. – Москва : Институт социологии РАН, 2007. – С. 12-23.

244. Ясперс, К. Общая психопатология / К. Ясперс ; пер. с нем. Л. О. Акопяна. – Москва : КоЛибри, 2022. – 1056 с. – ISBN 978-5-389-15269-4. – Текст : непосредственный.

245. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – Москва : Политиздат, 1991. – 527 с. – ISBN 5-250-01357-0. – Текст : непосредственный.

Иностранные источники и литература

246. Bloch, M. *Mémoire collective, tradition et coutume. À propos d'un livre récent* / M. Bloch – Текст : непосредственный // *Revue de synthèse historique* XI (nouvelle série XIV). – 1925. – No. 118-120. – P. 73-83.

247. Bodnar, J. *Remaking America: Public memory, commemoration, and patriotism in the twentieth century* / J. Bodnar. – Princeton : Princeton University Press, 1992. – 318 p. – ISBN 978-0691034959. – Текст : непосредственный.

248. Crook, S. *Postmodernization: change in advanced society* / S. Crook, J. Pakulsky, M. Waters. – London ; Newbury Park, Calif.: Sage Publications, 1992. – 272 p. – ISBN 978-0803983281. – Текст : непосредственный.

249. Funkenstein, A. *Collective Memory and Historical Consciousness* / A. Funkenstein – Текст : непосредственный // *History and Memory*. – 1989. – Vol. 1. – No. 1. – P. 5-26.

250. Furnham, A. *Personality and social behavior* / A. Furnham, P. Heaven. – London ; New York : Arnold, 1999. – 336 p. – ISBN 978-0340677254. – Текст : непосредственный.

251. Giddens, A. *Contemporary Critique of Historical Materialism* / A. Giddens. – 2nd ed. – London : Palgrave, 1995. – 316 p. – ISBN 978-0333625545. – Текст : непосредственный.
252. Inkeles, A. *Becoming modern: individual changes in six developing countries* / A. Inkeles, D. H. Smith. – Cambridge (MA) : Harvard univ. press, 1974. – 437 p. – ISBN 978-0674063754. – Текст : непосредственный.
253. Lash, S. *Sociology of Postmodernism* / S. Lash. – New York : Psychology Press, 1990. – 300 p. – ISBN 0-415-04785-4. – Текст : непосредственный.
254. Lash, S. *Modernity and identity* / S. Lash, J. Friedman. – Oxford : Wiley-Blackwell, 1992. – 392 p. – ISBN 978-0-631-17586-5. – Текст : непосредственный.
255. McCole, J. *Benjamin and Proust: Remembering* / J. McCole – Текст : непосредственный // McCole J. *Walter Benjamin and the Antinomies of Tradition*. – Ithaca : Cornell University Press, 1993. – P. 253-279.
256. McLuhan, M. *Understanding Media: The Extensions of Man* (1964) / M. McLuhan. – 2nd ed. – London and New York : Routledge Classics, 2001. – 389 p. – ISBN 978-0415253970. – Текст : непосредственный.
257. Polanyi, K. *La Grande Transformation: Aux origines politiques et économiques de notre temps* / K. Polanyi. – Paris : Gallimard, 2009. – 476 p. – ISBN 978-2070124749. – Текст : непосредственный.
258. Thévenot, L. *Équilibre et rationalité dans un univers complexe* / L. Thévenot – Текст : непосредственный // *Revue économique*. – 1989. – Vol. 40. – No. 2 – P. 147-198.
259. Touraine, A. *Critique de la modernité* / A. Touraine. – Paris : Fayard, 1992. – 463 p. – ISBN 2-213-03005-7. – Текст : непосредственный.
260. Tulving, E. *Are There 256 Different Kinds of Memory?* / E. Tulving – Текст : непосредственный // *The foundations of remembering: Essays in honor of Henry L. Roediger III* / Edited by J.S. Nairne. – New York : Psychology Press, 2007. – P. 39-52.
261. Umesao, T. *Information Industry Theory: Dawn of the Coming Era of the Ectodermal Industry* / T. Umesao – Текст : непосредственный // *Hoso Asahi*. – 1963. – Jan. – P. 4-17.
262. Warburg, A. *Gesammelte Schriften (Studienausgabe), Band. II, 1: Der Bilderatlas MNEMOSYNE* / A. Warburg; Hrsg. von M. Warnke and C. Brink. – 4. Aufl. – Berlin : Akademie Verlag, 2012. – 140 s. – ISBN 978-3-05-005964-8. – Текст : непосредственный.